

НАЙО МАРІІ

Annotation

В маленьком городке, где хватает и скелетов в шкафах, и эксцентричных чудаков, и старушек, напоминающих Мисс Марпл, произошло убийство. Имя жертвы — полковник Картаретт, и найден он на берегу реки рядом с легендарной гигантской форелью, которую давно мечтали поймать все местные рыболовы. Но не за это же его убили, в конце концов? Тогда — за что? Инспектор Аллейн начинает задавать вопросы и сразу понимает: лишь немногие тут готовы говорить правду...

•

Найо Марш

«Весы Феиды»

Посвящается Стелле

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сестра Кеттл.

Мистер Октавиус Данберри-Финн, владелец усадьбы Джейкобс-Коттедж.

Капитан Сайс.

Полковник Картаретт, владелец усадьбы Хаммер-Фарм.

Роуз Картаретт, его дочь.

Китти Картаретт, его жена.

Баронет сэра Гарольда Лакландера, владелец поместья Нанспардон.

Леди Лакландер, его жена.

Джордж Лакландер, его сын.

Доктор Марк Лакландер, сын Джорджа.

Старший инспектор Аллейн из Департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда.

Детектив-инспектор Фокс из Департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда.

Сержанты уголовной полиции Бейли и Томпсон из Скотленд-Ярда.

Доктор Кэртис, патологоанатом.

Сержант Олифант из полицейского участка Чайнинга.

Констебль Гриппер из полицейского участка Чайнинга.

Сэр Джеймс Панстон, главный констебль Барфордшира.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Суивнингс

1

Медсестра мисс Кеттл с трудом дотащила свой велосипед до вершины холма Уоттс-Хилл и, переводя дух, бросила взгляд на лежавшую внизу деревушку Суивнингс. Из-за высоких зеленых деревьев выглядывали крыши домов, а из труб кое-где вился дымок, рисуя на ясном небе причудливые перья. Через луга и рощи, ловко огибая опоры двух мостов, несла свои воды извилистая и богатая форелью река Чайн. Удивительная гармония пейзажа не нарушалась ни архитектурой строений, ни участками возделанной земли.

— Ну чем не картинка! — с удовлетворением отметила сестра Кеттл и подумала о не очень удачных попытках леди Лакландер запечатлеть ее в акварели с этого самого места. С высоты холма открывшийся вид напомнил ей развешанные на станциях лондонского метро иллюстрированные карты с изображением домов, деревьев и даже крошечных человечков, занятых обычными повседневными делами. Для полного сходства она мысленно дополнила пейзаж с лугами, изгородями и рекой надписями в витиеватых рамках и дорисовала фигурки людей.

Вниз с холма круто спускалась дорога, которая вела в долину. Склон между долиной и рекой был поделен на три участка, каждый — со своим садом и старинным особняком. Они принадлежали трем главным землевладельцам Суивнингса — мистеру Данберри-Финну, капитану Сайсу и полковнику Картаретту.

Сестра Кеттл решила, что на ее иллюстрированной карте возле Джейкобс-Коттедж обязательно находилась бы фигурка мистера

Данберри-Финна в окружении кошек, а у поместья Аплендс чуть выше по склону — капитана Сайса с неизменным луком и стрелами. В саду поместья Хаммер-Фарм, в котором от некогда бывшей здесь фермы осталось только название, она бы расположила миссис Картаретт в плетеном кресле и смешивающей коктейль, а рядом — ее падчерицу Роуз Картаретт, грациозно склонившуюся над цветами.

Заметив крошечную фигурку на воображаемой карте, она взгляделась повнимательней. Так и есть — по берегу своего участка реки к востоку от Нижнего моста направлялся сам полковник Картаретт, а за ним на почтительном расстоянии следовал его спаниель Скип. На плече полковника висела корзина для рыбы, а в руке он нес спиннинг.

Сообразив, что наступает вечер и полковник снова вышел на охоту за Старушкой, сестра Кеттл мысленно дорисовала на воображаемой карте огромную форель, выглядывающую из воды у Нижнего моста, и поместила рядом надпись «Старушка» в витиеватой рамке.

На другой стороне долины располагалось поместье Нанспардон, и там, на частной площадке для гольфа, сестра Кеттл, любившая посплетничать, расположила бы фигурку мистера Джорджа Лакландера, проходящего лунки в одиночестве и поглядывающего в сторону миссис Лакландер. Его сына — доктора Марка Лакландера — она бы нарисовала с черным саквояжем в руках, а над ним — пролетающего аиста. Для полноты картины, охватывающей всех представителей местной знати, не хватало только фигурок грузной старой леди Лакландер, сидящей на складном стульчике перед мольбертом, и ее мужа сэра Гарольда, прикованного к постели. Чтобы изобразить его в большой спальне, придется, как принято на таких иллюстрированных картах, сделать внушительный проем в крыше.

На карте будет отлично видно, как дорога, уходящая сначала вправо, а потом влево, географически отделяет аристократов от тех, кого сестра Кеттл называла обычными людьми. На западе лежали владения Данберри-Финнов, Сайсов, Картареттов и обширные земли Лакландеров. Вдоль восточной стороны дороги стояли пять ухоженных коттеджей, крытых соломой, и деревенская лавка, а за Монашьям мостом — церковь, дом приходского священника и гостиница «Мальчишка и осел».

Вот и все! Никаких тебе парковок и закусовых, к которым сестра Кеттл привыкла относиться с презрением, никаких стилизаций под старину и прочих новомодных штучек, которые наверняка только бы испортили столь безукоризненную патриархальность открывавшейся взору картины. Затащив на вершину холма утомленных подъемом знакомых, сестра Кеттл неизменно указывала маленьким пальчиком на долину и с гордостью восклицала: «Здесь все радуется взору!» Правда, эту цитату епископа Калькутты Реджинальда Хебера она не договаривала до конца, ведь епископ-то утверждал, что «радуется все, за исключением людей, ибо человек — сосуд греха». А в Суивнингсе грешников не было.

С довольным видом она села на велосипед и покатила вниз с холма. Замелькали деревья и изгороди, но вскоре дорога выровнялась, и слева появилась живая изгородь Джейкобс-Коттедж. Издалека доносился голос мистера Октавиуса Данберри-Финна, приговаривавшего:

— Божественно! Рыбка!

В ответ раздавалось нетерпеливое мяуканье.

Сестра Кеттл свернула на тропинку и, резко затормозив, неловко сняла ногу с педали и оперлась на нее у ворот во владения мистера Данберри-Финна.

— Добрый вечер, — поздоровалась она и, продолжая сидеть, заглянула сквозь проем, сделанный в густой изгороди. В елизаветинском саду мистер Данберри-Финн, или просто мистер Финн, как он позволял себя называть близким знакомым, кормил кошек. В Суивнингсе его считали эксцентричным чудачком, но сестра Кеттл привыкла к нему и не обращала на его чудачества ни малейшего внимания. На голове мистера Финна красовалась ветхая, шитая бисером и похожая на феску шапочка для курения[1], украшенная кисточкой, на которой сидели очки в дешевой оправе. Завидев сестру Кеттл, он сорвал их и приветственно замахал.

— Вы спустились с неба подобно божеству на хитроумном аппарате, рожденном гением Иниго Джонса.[2] Добрый вечер, сестра Кеттл. Господи, что же случилось с вашим автомобилем?

— Ему делают небольшую косметическую операцию. — При таком легкомысленном ответе мистер Финн недовольно поморщился,

но сестра Кеттл, не заметив его реакции, беззаботно продолжила: — А как ваши дела? Вижу, что вы кормите своих кисок.

— Мои домочадцы, как вы заметили, и в самом деле трапезничают, — согласился мистер Финн. — Фатима! — воскликнул он, тяжело опускаясь на корточки. — Роковая женщина! Мисс Мягкие Лапки! Еще кусочек рыбы? Угощайтесь, мои милые, не стесняйтесь.

Восемь кошек, поглощавших рыбу каждая из своей миски, вняли его призыву, и только девятая, недавно принесшая котят, завершила трапезу и занялась приведением себя в порядок. Благодушно посмотрев на мистера Финна, она неторопливо вытянулась на боку, предоставив себя в полное распоряжение трех толстых котят.

— Небесная молочная кухня открылась, — торжественно объявил мистер Финн, делая гостеприимный жест рукой.

Сестра Кеттл вежливо хихикнула.

— Она знает свое дело, — заметила она. — Жаль, что не все женщины могут похвастаться такой заботой о своих детях, — продолжила она с профессиональным пафосом. — Умная кошечка!

— Ее зовут Томазина Твитчетт, — недовольно поправил мистер Финн. — Томазина — это производное от имени Томас, а Твитчетт, — он стянул с головы нелепую шапочку, — это дань Божественному горшечнику. Сыновей я нарек Птолемей и Алексис, а дочь, страдающую от чрезмерной привязанности к матери, — Эда.

— Эда? — недоверчиво переспросила сестра Кеттл.

— Из-за Эдипова комплекса, разве не понятно? — пояснил мистер Финн и выжидающе на нее посмотрел.

Сестра Кеттл, зная, что каламбурами надлежит возмущаться, с негодованием воскликнула:

— Как вам не стыдно! В самом деле!

Мистер Финн хохотнул и переменял тему.

— Чей же недуг заставил вас вскочить в седло и помчаться на помощь? — поинтересовался он. — Чье тело так содрогается от нестерпимых болей?

— У меня есть пара вызовов, — ответила сестра Кеттл и бросила взгляд на лежавшую в конце долины усадьбу, — но сейчас мне предстоит провести ночь в большом особняке и постараться облегчить мучения старому хозяину.

— Ах да, — мягко и понимающе произнес мистер Финн. — Святые угодники! Могу я осведомиться, как сэр Гарольд?..

— Ему семьдесят пять лет, — лаконично ответила сестра Кеттл, — и он очень устал. Но с сердечниками бывает всякое, так что, может, все и обойдется.

— В самом деле?

— Ну конечно! Днем с ним находится сиделка, но на ночное дежурство никого найти не удалось, так что приходится выручать. Надо же кому-то помочь доктору Марку!

— А доктор Марк Лакландер сам пользуется своего деда?

— Да. Он созывал консилиум, но больше для собственного успокоения. Однако я сплетничаю, и мне ужасно стыдно!

— На меня вы можете положиться, я умею хранить тайны, — заверил ее мистер Финн.

— Да я и сама такая. Однако мне пора продолжить путь, а то я совсем заболталась.

Одной ногой сестра Кеттл крутанула педаль в обратную сторону, а вторую осторожно подтащила к велосипеду. Мистер Финн забрал насытившегося котенка от матери и, прижав к плохо выбритой щеке, спросил:

— Сэр Гарольд в сознании?

— Он то в забытьи, то приходит в себя. Но все равно немного не в себе. Господи, опять я сплетничаю! — поморщившись, заметила сестра Кеттл, но тут же встрепенулась: — Кстати, я видела, как полковник отправился на вечернюю рыбалку.

Лицо мистера Финна мгновенно преобразилось. Оно налилось кровью, глаза сверкнули, а зубы оскалились.

— Да будь он трижды проклят! Где он сейчас?

— Чуть пониже моста.

— Пусть только попробует забросить перед мостом, и я тут же сдам его властям! А на что он ловит? Поймал что-нибудь?

— С высоты холма мне было не видно, — ответила сестра Кеттл, уже жалея, что завела этот разговор.

Мистер Финн отпустил котенка.

— Мне крайне неприятно говорить столь ужасные вещи о ближнем, но у меня есть все основания подозревать полковника Картаретта в недостойном поведении.

Теперь покраснела сестра Кеттл.

— Не понимаю, о чем это вы, — сказала она.

— Ловить на хлеб, на червя, на что угодно! — воскликнул мистер Финн, разводя руками. — Не гнушаться ничем, даже ловлей руками!

— Уверена, что вы ошибаетесь.

— Не в моих привычках, мисс Кеттл, ошибаться, когда речь идет о необузданной страсти потерявших голову людей. Достаточно бросить взгляд на окружение полковника! Один капитан Сайс чего стоит!

— Боже милостивый, а бедный капитан-то чем провинился?

— Этот субъект, — побледнев, заявил мистер Финн и показал одной рукой на кошку с котятами, а другой — на долину, — этот флотский купидон, не знающий меры ни в пьянстве, ни в безудержной страсти к стрельбе из лука, лишил жизни мать Томазины Твитчетт!

— Не сомневаюсь, что это вышло случайно.

— Откуда такая уверенность?

Мистер Финн перегнулся через калитку и ухватился за руль велосипеда сестры Кеттл. Кисточка шапочки упала на лицо, и он досадливо смахнул ее в сторону. Голос приобрел интонации, с которыми обычно рассказывают любимые истории.

— Дождавшись вечерней прохлады, мадам Томс — ибо так ее звали — решила совершить променад по лугу внизу долины. Поскольку ей вскоре предстояло разрешиться от бремени, она представляла собой мишень внушительных размеров. А теперь вообразите себе Сайса на лужайке, оборудованной им в стрельбище, причем, вне всякого сомнения, уже разгоряченного вином и почитающего себя суперменом. В его руках — смертоносный лук с силой натяжения в шестьдесят фунтов, а в сердце бурлит жажда крови. Он пускает стрелу в воздух, — мистер Финн подошел к кульминации, — и если вы считаете, что он не знал, где она упадет, то я ни за что с вами не соглашусь. Я ничуть не сомневаюсь, что его мишенью была моя любимая кошечка. Томазина, кисуля, я рассказываю о твоей матушке.

Кошка, а вслед за ней и сестра Кеттл посмотрели на мистера Финна и моргнули.

«Надо признать, — подумала медсестра, — что у него и впрямь не все дома». Однако она обладала добрым сердцем, и оно невольно

наполнилось чувством жалости. Ведь он живет один, а компанию ему составляют только кошки, так что удивляться тут нечему.

Она одарила его лучезарной профессиональной улыбкой и произнесла одну из своих привычных при прощании фраз:

— Что ж, мне пора. Ведите себя благоразумно, а если не получится, то хотя бы не забывайте об осмотрительности.

— Еще бы! — отозвался мистер Данберри-Финн, который никак не мог успокоиться. — Уж мне ли этого не знать! Всего вам доброго, сестра Кеттл.

2

В отличие от вдового мистера Финна капитан Сайс был холостяком. Он жил по соседству в унаследованном от дяди небольшом особняке, который для него одного все равно был слишком велик. По хозяйству ему помогали отставной морской старшина с супругой. Большая часть усадьбы была неухожена и поросла сорняками, и только огород содержался в порядке слугами, а за лугом, превращенным в стрельбище, капитан следил лично. Этот луг простирался до реки и, судя по всему, был единственным, что представляло для капитана ценность. На одном его краю стояла мишень, закрепленная на опоре, а на другом летними вечерами даже из Нанспардона можно было наблюдать капитана Сайса в классической позе лучника, спускающего тетиву мощного лука. Он слыл метким стрелком, и было замечено, что какой бы неуверенной ни была его походка до стрельбища, стоило ему занять позу лучника, расправить плечи и натянуть тетиву, как фигура превращалась в застывшую скалу. Он вел одинокую и бесцельную жизнь и наверняка бы вызывал у окружающих сочувствие, если бы только позволил им проявить его. Однако любые попытки сблизиться он немедленно пресекал и тут же удалялся. Хотя капитана Сайса никогда не видели в баре «Мальчишки и осла», он был одним из его самых уважаемых клиентов. Вот и сейчас сестра Кеттл, с трудом продвигаясь по его заросшему травой участку дороги, встретила посыльного из бара, который увозил на багажнике велосипеда пустой ящик из-под бутылок.

«Вот и „мальчишка“, который, боюсь, помог нанести визит к „ослу“, — подумала сестра Кеттл и мысленно похвалила себя за проявленное остроумие.

У нее и самой была припасена бутылочка для капитана Сайса, правда, с лекарством, приготовленным аптекарем в Чайнинге. Подъехав к дому, она услышала шаги по гравии и увидела капитана, неторопливо направлявшегося с луком в руке и колчаном на поясе к стрельбищу. Нажав на педали, она устремилась за ним.

— Эй! — окликнула она бодрым голосом. — Добрый вечер, капитан!

Вильнув, она остановилась и слезла с велосипеда.

Сайс обернулся и, чуть помедлив, направился к ней.

Оставаясь еще довольно привлекательным и загорелым мужчиной, он, к сожалению, уже переставал следить за собой. Когда он подошел и смущенно поднял на нее взгляд голубых глаз, сестра Кеттл уловила запах виски.

— Виноват, — быстро произнес он. — Добрый вечер. Прошу меня извинить.

— Доктор Марк попросил меня заехать и передать вам лекарство и рецепт. Вот они. Микстура такая же, что и прежде.

Он выхватил бутылочку из ее рук.

— Я вам очень признателен и еще раз прошу извинить за беспокойство. Право слово, это совсем не срочно.

— Уверяю вас, что никакого беспокойства это не доставило, — отозвалась сестра Кеттл, обратив внимание на его дрожавшие руки. — Вижу, вы собрались пострелять.

— О да. Да! — воскликнул он слишком громким голосом. — Спасибо вам, огромное спасибо!

— Я направляюсь в Хаммер-Фарм. Вы позволите пройти через ваш участок, чтобы сократить путь? Тут же есть тропинка, верно?

— Ну конечно! Пожалуйста! Позвольте мне.

Он сунул бутылочку в карман куртки, взял велосипед и пристроил лук на сиденье вдоль рамы.

— Мне так неудобно вас беспокоить, — с улыбкой отозвалась сестра Кеттл. — Давайте я понесу лук.

Капитан Сайс покатыл велосипед в сторону дома. Сестра Кеттл, забрав лук, направилась за ним, продолжая разговаривать так, как обычно делала, чтобы успокоить излишне нервных пациентов. Они вышли на луг, откуда открывался на редкость живописный вид на долину и реку. В вечернем свете воды казались оловом, разлитым на

бархате утопавших в зелени низин, кусты напоминали пухлые подушечки для булавок, а геральдическая цветовая гамма завершала сходство картины с цветной иллюстрацией старинного рыцарского романа. У Нижнего моста полковник Картаретт крутил спиннинг, а на холме площадки для гольфа Нанспардона старая леди Лакландер с сыном Джорджем совершали послеобеденный променад.

— Какой чудесный вечер! — не удержалась сестра Кеттл от восторженного восклицания. — И как близко все кажется! Скажите, капитан, — продолжила она, увидев, как он вздрогнул от такого обращения, — вы могли бы из своего лука попасть отсюда в леди Лакландер?

Сайс бросил взгляд на грузную фигуру по ту сторону долины, пробурчал что-то насчет лоскутка ткани с двухсот сорока ярдов и, прихрамывая, продолжил путь. Сестра Кеттл, обескураженная такой неучтивостью, решила, что его надо чем-то встряхнуть.

Капитан катил велосипед по неухоженной тропинке, задевая росшие по бокам кусты, и сестра Кеттл с трудом поспевала за ним.

— Мне говорили, — сказала она, — что однажды вы поразили мишень, в которую даже не целились. Вон там, внизу!

Сайс замер как вкопанный, и на шее у него выступила испарина.

«Да он настоящий пьяница! — подумала она. — И как опустился! Как не стыдно! А каким наверняка был видным мужчиной, когда следил за собой!»

— Проклятие! — воскликнул Сайс, ударяя кулаком по сиденью велосипеда. — Вы говорите о чертовой кошке!

— И что?

— Проклятие! Это был несчастный случай! Я говорил об этом старому безумцу! Несчастный случай! Я люблю кошек!

Он повернулся к ней: глаза были влажными, а губы дрожали.

— Я люблю кошек! — упрямо повторил он.

— Мы все совершаем ошибки, — примирительно произнесла сестра Кеттл.

Он протянул руку за луком и показал на маленькую калитку в конце тропинки.

— Вот там вход в Хаммер-Фарм, — сказал он и добавил, испытывая крайнее смущение: — Я прошу вас еще раз меня извинить.

Сами видите, какой из меня никудышный компаньон. Спасибо, что завезли микстуру. Огромное спасибо!

Сестра Кеттл отдала ему лук и забрала велосипед.

— Доктор Марк, возможно, и молод, — сказала она простодушно, — но ни в чем не уступает любому врачу, с которым мне доводилось встречаться за тридцать лет медицинской практики. На вашем месте, капитан, я бы ему полностью доверилась и попросила привести себя в порядок. Доброго вам вечера.

Протиснув велосипед в калитку, она оказалась в ухоженной рощице на территории Хаммер-Фарм и направилась по тропинке, которая вилась в густой траве. Уже подходя к дому, она услышала за спиной пение тетивы и глухой стук стрелы, воткнувшейся в мишень.

«Бедняга! — подумала сестра Кеттл о капитане, испытывая жалость, смешанную с раздражением. — Как же вернуть его на путь истинный?» Испытывая чувство неловкости, она покатила велосипед в сторону розария Картареттов, откуда доносилось щелканье садовых ножниц и негромкое женское пение. «Это наверняка миссис Картаретт или ее падчерица. Приятная мелодия».

К пению присоединился мужской голос:

Пусть смерть скорей за мной придет,
Покой мне вечный принесет.

Слова, по мнению сестры Кеттл, были жутковатыми, но сама песня весьма милой. Розарий скрывался за густой живой изгородью, но тропинка, по которой она шла, вела именно туда, и, чтобы добраться до дома, другого пути не было. Резиновые подошвы туфель скрадывали шум шагов по плитке из песчаника, а велосипед беззвучно катился по траве рядом. У сестры Кеттл появилось странное ощущение, что она вот-вот вторгнется в нечто очень личное и деликатное. Когда она приблизилась к розарию вплотную, женский голос неожиданно перестал петь и произнес:

— Это моя самая любимая песня.

— Правда, странно, — спросил мужской голос, узнав который сестра Кеттл вздрогнула от неожиданности, — что для комедии написали такие грустные любовные песни? Ты согласна, Роуз? Роуз, милая...

Сестра Кеттл предусмотрительно тренькнула велосипедным звонком и вошла в розарий сквозь проем в живой изгороди. Посмотрев направо, она увидела мисс Роуз Картаретт и доктора Марка Лакландера, глядевших друг на друга с таким обожанием, что все было ясно без слов.

3

Мисс Картаретт срезала розы и складывала их в корзину, которую держал доктор Лакландер. Густо покраснев, он воскликнул:

— Господи Боже! Добрый вечер!

Мисс Картаретт тоже смутилась и покрылась нежным румянцем.

— Здравствуйте, сестра. Добрый вечер!

— Добрый вечер, мисс Роуз, добрый вечер, доктор, — поздоровалась сестра Кеттл. — Надеюсь, вы не против, что я решила срезать дорогу и пройти через усадьбу. — Посмотрев на доктора, она вежливо объяснила свое появление: — Тут у девочки абсцесс...

— Ах да, верно! — кивнул доктор Лакландер. — Я недавно осмотрел ее. Речь о дочке вашего садовника, Роуз.

Они оба заговорили с сестрой Кеттл, которая благожелательно им внимала. По натуре сестра и сама была романтической особой и с удовольствием наблюдала за волнением на лице доктора Лакландера и смущенной робостью — на лице девушки.

— Сестра Кеттл, — торопливо объяснил доктор, настоящий ангел и согласилась подежурить сегодня ночью у постели деда. Даже не знаю, что бы мы без нее делали.

— И по этой самой причине, — подхватила сестра Кеттл, — лучше мне поторопиться, а то, боюсь, могу опоздать на дежурство.

Те улыбнулись и кивнули. Сестра расправила плечи, бросила шуточный взгляд на свой велосипед и продолжила путь через розарий.

«Если они не влюблены, — думала она, — то кого тогда можно назвать влюбленным? Надо же! А я-то и понятия не имела!»

Получив заряд бодрости, как после чашки хорошего крепкого чая, она направилась к домику садовника сноси последней остановке на пути в Нанспардон.

Проводив взглядом фигуру в форменном платье медсестры до выхода из розария, Роуз Картаретт и Марк Лакландер переглянулись и нервно рассмеялись.

— Сестра Кеттл — потрясающе хорошая женщина, но в данный момент ее присутствие было явно лишним, — заметил Лакландер. — Наверное, мне лучше уйти.

— А разве ты не хочешь дождаться моего папы?

— Хочу, конечно, но время поджидает. Понятно, что я вряд ли чем смогу помочь деду, но меня там ждут.

— Я обязательно все передам папе, как только он вернется. И он сразу отправится к вам.

— Мы были бы очень признательны. Дедушке это крайне важно. — Марк Лакландер посмотрел на Роуз поверх корзины цветов и неуверенно начал: — Роуз, милая...

— Не надо! — остановила она. — Пожалуйста, не надо!

— Нет? Ты против? Но почему?

Та неуверенно взмахнула рукой, хотела что-то сказать, но промолчала.

— Что ж, — не унимался Лакландер, — я хочу, чтобы ты знала о моем намерении просить твоей руки. Я очень тебя люблю и полагал, что мы составим чудесную пару. Неужели я заблуждался?

— Нет, — ответила Роуз.

— И я это знаю! Мы созданы друг для друга! Ради всего святого, скажи, что тебя смущает? Только не говори, что любишь меня как брата — я в это ни за что не поверю!

— Я этого и не говорю.

— Тогда в чем же дело?

— Я не могу обручиться с тобой, не говоря уже о том, чтобы выйти замуж.

— Так я и думал! — воскликнул Лакландер. — И теперь это услышал! Господи Боже, еще эта корзина с цветами! Пожалуйста, давай присядем на эту скамейку и поговорим — я не уйду, пока не выясню, в чем дело.

Она прошла за ним, и они устроились на скамейке, поставив у ног корзину с розами. Он взял ее за руку и снял садовую перчатку.

— Скажи мне честно, — требовательно спросил доктор, — ты меня любишь?

— Не нужно на меня кричать. Да, люблю.

— Роуз, милая, я просто очень боялся услышать «нет»!

— Пожалуйста, выслушай меня, Марк. Я знаю, что ты не согласишься ни с одним моим словом, но я прошу тебя выслушать.

— Хорошо. Я знаю, что ты собираешься сказать, но... пусть будет по-твоему.

— Ты сам видишь, как у нас все устроено. Я имею в виду — дома. Ты наверняка видел, как для папы важно, чтобы я все время была под рукой.

— Ты так забавно выразилась... Будто речь о маленькой девочке, которая постоянно должна находиться в поле зрения. Ладно, твоему папе нравится, чтобы ты была постоянно рядом. Но разве брак этому помеха? После свадьбы мы, наверное, половину времени будем проводить в Нанспардоне.

— Все гораздо сложнее. — Роуз замолчала и, отодвинувшись от доктора, сложила руки на коленях. На ней было длинное домашнее платье, волосы зачесаны назад и собраны в пучок на затылке, но одна непослушная прядь все-таки выбилась и падала на лоб. Девушка почти не пользовалась косметикой, но при ее красоте это было и не нужно. — Все дело в том, что второй папин брак оказался неудачным, — пояснила она. — Если я его сейчас оставлю, то жизнь потеряет для него всякий смысл. Я серьезно.

— Глупости! — неуверенно возразил Марк.

— Он никогда не мог без меня обойтись. Даже когда я была маленькой, он всюду таскал меня за собой вместе с няней и гувернанткой. Во все поездки и даже за границу. И после войны, когда выполнял особые поручения то в Вене, то в Риме, то в Париже. Я даже в школу никогда не ходила, потому что сама мысль, что я где-то в другом месте, была для него невыносимой.

— Но это неправильно! Ведь это так обедняло твою собственную жизнь!

— Нет-нет, как раз наоборот, честно! Моя жизнь была очень интересной! Я видела, слышала и узнала намного больше самых разных чудесных вещей, чем другие девочки.

— И все-таки...

— Нет, это было потрясающе!

— Тебе следовало предоставить больше самостоятельности и возможности принимать решения самой.

— Но дело вовсе не в запретах! Мне позволялось делать почти все, что только заблагорассудится. А когда мне предоставили самостоятельность — посмотри, что из этого вышло. Папу направили с миссией в Сингапур, а я осталась в Гренобле и поступила в университет. Его все никак не отпускали обратно... а потом я узнала, что он там не знал, чем себя занять... и в конце концов встретил Китти.

Лакландер помассировал ухоженной докторской рукой подбородок и, прикрыв рот, хмыкнул.

— Вот тогда, — продолжила Роуз, — и получилось все так нескладно, а сейчас день ото дня становится все хуже и хуже. А если бы я была там, то ничего подобного бы не произошло.

— Почему? Он бы наверняка с ней все равно познакомился. Но даже если и нет, моя обожаемая Роуз не должна считать, что может изменить волю providения.

— Если бы я была там...

— Послушай, а тебе не приходило в голову, что если ты переедешь в Нанспардон в качестве моей жены, то отношения между твоим отцом и мачехой могут наладиться?

— Нет, Марк, — заверила Роуз, — такого просто не может быть!

— Откуда ты знаешь? Послушай, мы любим друг друга. Я люблю тебя так сильно, что сам не понимаю, как еще жив. Я уверен, что никогда не встречу другой женщины, с которой был бы так счастлив, и, как бы самонадеянно это ни звучало, я верю, что ты чувствуешь то же самое. Я не отступлюсь, Роуз. Ты выйдешь за меня замуж, и если жизнь твоего отца нуждается в переменах к лучшему, мы найдем способ этого добиться. Например, он может расстаться с женой и жить с нами.

— Никогда! Как ты не понимаешь? Он этого просто не вынесет! И постоянно будет чувствовать себя чужим.

— Я поговорю с ним. И скажу, что прошу твоей руки.

— Нет, Марк, милый! Пожалуйста, не надо...

Он сжал ее руки, но тут же вскочил и поднял корзину с цветами.

— Добрый вечер, миссис Картаретт, — произнес он. — Мы тут опустошаем ваш сад, чтобы порадовать бабушку. У вас розы цветут намного раньше наших.

Появившаяся на аллее Китти Картаретт задумчиво их разглядывала.

4

Второй супруге полковника Картаретта совершенно не шло легкомысленное имя Китти. Без косметики кожа на ее лице была такой бледной, будто ее специально обесцветили. У миссис Картаретт была стройная фигура, а умело наложенный макияж делал лицо похожим на холеную и красивую маску. Но главным ее достоинством была аура загадочности и таинственности, превращавшая ее в «роковую женщину», таившую угрозу для всех окружающих. Китти была тщательно одета и в перчатках, что объяснялось, видимо, приходом в сад.

— Очень рада вас видеть, Марк, — сказала она. — Мне показалось, что я слышала ваши голоса. Вы зашли к нам по делам?

— Отчасти, — ответил доктор. — Мне нужно было передать просьбу полковнику Картаретту и осмотреть дочку вашего садовника.

— Очень мило с вашей стороны, — заметила Китти, переводя взгляд на падчерицу. Потом она подошла к корзине и, взяв темную розу, поднесла ее к губам. — Какой сильный аромат! Даже слишком! Мориса сейчас нет дома, но он скоро вернется. Может, лучше пройти к дому?

Она пошла первой, оставляя за собой легкий экзотический аромат, не похожий на розы. При походке она держала спину очень прямо и только слегка покачивала бедрами.

«Очень дорогая игрушка, но не больше, — подумал Марк Лакландер. — Чего ради он женился на ней?»

Под стук каблучков миссис Картаретт по плиткам, выложенным на тропинке, они подошли к плетеным креслам с подушками. На белом металлическом столике стоял поднос с хрустальным графином и бокалами для виски. Опустившись в кресло-качалку, Китти поставила ноги на подставку и грациозно повернулась к Марку:

— Как хорошо, что у нашей Роуз такие подходящие перчатки и можно не обращать внимания на шипы. Ты не переложить розы для Марка? Думаю, что лучше в коробку.

— Не стоит беспокоиться, — заверил Марк. — Я возьму их так.

— Мы не можем допустить, чтобы врачи царапали свои драгоценные руки, — проворковала миссис Картаретт.

Роуз забрала у него корзину и пошла в дом. Марк проводил ее взглядом и обернулся, услышав обращение к себе.

— Может, выпьем немного? — предложила миссис Картаретт. — Это любимый коньяк Мориса, и он считает, что лучше его не бывает. Налейте мне буквально капельку, а себе не стеснясь. Лично я предпочитаю мятный ликер, но Морис и Роуз полагают это дурным вкусом, так что мне приходится умерять свои плотские наклонности.

Марк налил ей коньяка.

— С вашего разрешения, я воздержусь, — сказал он. — Мой рабочий день еще не закончился.

— В самом деле? И кому же понадобилась ваша помощь, кроме дочки садовника?

— Моему деду, — ответил Марк.

— Какой стыд, что я сама не сообразила! — отреагировала она, ничуть не смутившись. — Как себя чувствует сэръ Гарольд?

— Боюсь, что сегодня вечером неважно. К сожалению, мне пора. Я пойду по тропинке к реке и, возможно, встречу полковника.

— Полагаю, что наверняка встретите, — равнодушно согласилась она, — если, конечно, он не пытается выловить эту пресловутую рыбу на участке мистера Финна. Разумеется, он никогда такого себе не позволит, чтобы ни утверждал наш пожилой сосед.

— Тогда я, пожалуй, пойду и надеюсь, что встречу его, — раскланялся Марк.

Китти махнула розой, отпуская его, и протянула на прощание левую руку, что Марк расценил как проявление невоспитанности. Он сухо пожал ее тоже левой рукой.

— Вы не передадите от меня весточку своему отцу? — спросила она. — Я понимаю, как он волнуется из-за здоровья вашего дедушки. Пожалуйста, передайте ему, что я тоже очень переживаю.

Рука в перчатке на мгновение сжала ему руку и тут же была убрана.

— Так не забудьте же! — добавила Китти.

Роуз вернулась с коробкой, в которую упаковала розы.

«Не могу же я просто уйти, так ни до чего и не договорившись», — подумал Марк и учтиво предложил:

— Вы не составите мне компанию до речки? Я рассчитываю увидаться с вашим отцом, а вам полезно ходить.

— Я и так постоянно на ногах. К тому же я не одета для прогулки к реке по тропинке.

— Бедняжка Марк, — рассмеялась миссис Картаретт. — Да вот, Роуз, кстати, и твой отец собственной персоной.

Из рощицы, расположенной на полпути к реке, показался полковник Картаретт, пробиравшийся вверх по заросшему травой склону лужайки. За ним семенил его неизменный спутник спаниель Скип. Постепенно вечерний свет окрасил пейзаж в серые тона, а потускневшие трава, деревья, поляны и цветы наряду с темной полоской воды предвещали скорое наступление ночи. На этом фоне фигура полковника Картаретта казалась неким посланцем из далекого прошлого, которому удалось материализоваться в сумеречной долине реки.

Заметив их, полковник приветственно поднял руку, и Марк направился ему навстречу. Роуз, чувствуя повышенный интерес мачехи к происходящему, следила за доктором с растущей тревогой.

Полковник Картаретт являлся уроженцем Суивнингса. Будучи выходцем из сельской местности, он никогда не терял связи с землей, хотя его страстью стало искусство, а успешную карьеру он сделал на дипломатическом поприще за пределами страны. Однако этот довольно необычный набор качеств никак не проявлялся чисто внешне, хотя отчасти и выдавал себя при первых же словах.

— Добрый вечер, Марк! — поздоровался он, едва они оказались в пределах слышимости. — Ты не поверишь, но я едва не вытащил Старушку! Однако, черт возьми, она сорвалась.

— Да вы что! — отозвался Марк с подобающим случаю энтузиазмом.

— Точно! Старушка пряталась в своем обычном убежище под мостом, я даже видел ее...

Продолжая подниматься по лужайке, полковник рассказал классическую историю, как форель схватила наживку и как после титанической борьбы оборвалась леска. Старушка была настоящей знаменитостью Суивнингса — ее размеры и потрясающая хитрость делали ее самой желанной добычей всех местных рыбаков.

— ...так она и ушла, — закончил полковник рассказ, широко открывая глаза и выжидающе улыбаясь Марку, рассчитывая на его

сочувствие. — Ну и рыбина! Клянусь всеми святыми, если бы мне удалось ее вытащить, старина Финн меня бы точно прикончил.

— Вы так и не помирились, сэр?

— Боюсь, что нет. С ним невозможно разговаривать! Господи Боже! Он обвиняет меня в том, что я ловлю на его участке! Безумие какое-то! Как ваш дед?

— Боюсь, что ему становится только хуже, и мы ничем не можем ему помочь. Поэтому-то я и здесь. — И он передал просьбу своего деда.

— Я отправлюсь немедленно. И приеду на машине. Дай мне пару минут привести себя в порядок. Может, поедем вместе?

Однако Марк вдруг понял, что сейчас не в силах снова встречаться с Роуз, и сказал, что лучше сразу пойдет по тропинке и подготовит деда к приходу полковника.

Он еще задержался и, обернувшись, наблюдал, как Роуз, подобрав длинный подол юбки, побежала навстречу отцу и как тот, положив на землю спиннинг и корзину, стянул с головы шляпу и ждал ее, поблескивая лысиной в сумеречном свете. Она обняла отца за шею и поцеловала, а потом они, взявшись за руки, вместе пошли к дому. Миссис Картаретт качалась в гамаке.

Марк резко повернулся и быстро зашагал к Нижнему мосту.

Форель, сумевшая отвоевать у полковника блесну, мирно плескалась под мостом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Нанспардон

1

Сэр Гарольд Лакландер наблюдал за передвижениями сестры Кеттл по комнате. Марк дал ему какое-то лекарство, и теперь, когда ужасные боли отступили, старик, похоже, даже получал удовольствие от того внимания, которое принято уделять тяжелобольным. По сравнению с дневной сиделкой сестра Кеттл, бесспорно, ему нравилась больше. Как-никак она была уроженкой соседнего Чайнинга, а это грело ему душу не меньше, чем стоявшие на столе цветы из оранжереи Нанспардона.

Сэр Гарольд знал, что умирает. Внук не говорил об этом, но он прочитал диагноз по его лицу и тому, как изменилось поведение жены и сына. Семь лет назад старик пришел в ярость, узнав, что Марк — настоящий Лакландер и единственный внук — решил посвятить себя медицине. Тогда он сделал все, чтобы не допустить этого, но сейчас был искренне рад, что над ним склонялось лицо родного человека, а ощупывавшие его руки доктора принадлежали Лакландеру.

Однако насладиться значительностью, которую приближающаяся смерть невольно придает в глазах других людей, ему не позволяло чувство вины — самой мучительной из всех возможных болей.

— Пришла, — с трудом выговорил сэр Гарольд. Он старался обходиться как можно меньшим количеством слов, будто растягивая остатки отведенных ему в жизни сил.

Сестра Кеттл, расположившись так, чтобы ему было удобно ее видеть, сказала:

— Доктор Марк сообщил, что полковник придет с минуты на минуту. Он ходил на рыбалку.

— Удачно?

— Я не знаю. Он сам расскажет.

— Старушка.

— Само собой, — охотно подтвердила сестра Кеттл. — Она крепкий орешек!

С кровати послышалось подобие хмыканья, за которым последовал тяжелый вздох. Сестра внимательно посмотрела на лицо умирающего, еще больше осунувшееся за последний день.

— Все в порядке? — поинтересовалась она.

Тусклые глаза поймали ее взгляд.

— Бумаги?

— Я нашла их там, где вы сказали, и положила на стол.

— Сюда, — попросил голос с кровати.

— Как скажете. — Она прошла в дальний конец просторной спальни и вернулась с запечатанным и перевязанным тесьмой пакетом, который положила на прикроватную тумбочку.

— Мемуары, — прошептал старик.

— Трудно представить, — заметила сестра Кеттл, — сколько в них вложено труда. Наверное, писать книгу ужасно интересно! А сейчас вам надо немного отдохнуть.

Она наклонилась и, заглянув ему в лицо, встретила с тревожным взглядом. Сестра ободряюще кивнула, улыбнулась и устроилась неподалеку с иллюстрированной газетой. Какое-то время в спальне царила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием и шуршанием перелистываемой страницы.

Открылась дверь, сестра Кеттл поднялась и, убрав руки за спину, встретила Марка Лакландера, за которым следовал полковник Картаретт.

— Все в порядке, сестра? — тихо спросил Марк.

— Более-менее, — так же тихо ответила она. — Беспокойтесь. Хорошо, что пришел полковник.

— Сначала мне надо его осмотреть.

Он подошел к кровати и взял руку деда, не спускавшего с него тревожного взгляда.

— Вот полковник Картаретт, дедушка. Ты готов с ним поговорить?

— Да. Прямо сейчас.

— Хорошо. — Пока Марк проверял пульс, полковник расправил плечи и подошел ближе.

— Рад вас видеть, Картаретт, — неожиданно звонко произнес сэра Гарольд, чем немало изумил сестру Кеттл. — Спасибо, что пришли.

— Здравствуйте, сэра, — ответил полковник, бывший на двадцать пять лет моложе старого аристократа. — Жаль, что вы болеете. Марк сообщил, что вы хотели меня видеть.

— Да. — Он указал взглядом на тумбочку: — Вот бумаги. Возьмите их. Прямо сейчас.

— Это мемуары, — пояснил Марк.

— Вы хотите, чтобы я их прочитал? — поинтересовался Картаретт, подходя ближе.

— Если вас не затруднит.

В наступившем молчании Марк передал пакет полковнику Картаретту. В глазах сэра Гарольда, наблюдавшего за сценой, промелькнула искра интереса.

— Мне кажется, — произнес Марк, — дедушка надеется, что вы сможете подготовить мемуары к печати.

— Я... ну, конечно! — согласился полковник после секундного замешательства. — Для меня большая честь, что вы доверяете моему

суждению.

— Доверяю, — подтвердил старик и добавил: — Причем полностью! И еще одно. Марк, если ты не против...

— Разумеется, дедушка. Сестра, вы не могли бы выйти со мной на минутку?

Сестра Кеттл вышла с Марком из комнаты, и они отошли к широкой лестнице, погруженной в полумрак.

— Похоже, развязка уже близко, — заметил Марк.

— Но как замечательно он держится в присутствии полковника!

— Только за счет напряжения всех сил, — ответил Марк. — Думаю, что он делает последнее усилие, прежде чем уйти из жизни.

— Просто удивительно, как люди держатся за жизнь, а потом вдруг отступают, — согласилась сестра Кеттл.

Внизу открылась дверь, и свет с улицы упал на лестницу. Марк перегнулся через перила и увидел в дверном проеме грузную фигуру бабушки. Она ухватилась за перила и начала тяжело подниматься по ступенькам. В тишине было слышно, как она задыхалась.

— Спешка никому не идет на пользу, — произнес он, обращаясь к старой леди.

Та остановилась и подняла голову.

— Господи! — воскликнула она. — Неужели я слышу доктора?

Уловив иронию в ее голосе, Марк улыбнулся.

Наконец она добралась до площадки наверху. На необъятной груди бархатного вечернего платья со шлейфом красовались небрежно приколотые бриллиантовые украшения, которые вспыхивали и переливались искрами при каждом вдохе и выдохе.

— Добрый вечер, мисс Кеттл, — поздоровалась леди Лакландер, с трудом переводя дыхание. — Спасибо, что пришли помочь моему старику. Как он, Марк? Морис Картаретт пришел? Что это вы здесь топчетесь вдвоем?

— Полковник здесь. Дедушка хотел поговорить с ним наедине, поэтому мы с сестрой и оставили их.

— Ох уж эти проклятые мемуары! — не скрывая досады, воскликнула леди Лакландер. — Тогда, наверное, мне лучше не заходить.

— Вряд ли встреча продлится долго.

На площадке стояло большое кресло времен Якова I, и Марк подвинул его, предлагая бабушке сесть. Та опустилась и, сбросив старые шлепанцы с удивительно маленьких ножек, критически их оглядела.

— Твой отец, — сказала она, обращаясь к Марку, — прилег вздремнуть в гостиной, успев сообщить, что хотел бы поговорить с Морисом. — Она грузно повернулась к сестре Кеттл: — А вы, добрая душа, пока вы не заступили на дежурство, не окажете мне услугу, чтобы поберечь мои распухшие ноги? Вы не спуститесь вниз, чтобы растолкать моего летаргического сынка? Скажите ему, что полковник здесь, и пусть вас покормят. Что скажете?

— Конечно, леди Лакландер, — сказала сестра Кеттл.

«Наверняка хотела меня отослать, но сделала это тактично», — подумала она, спускаясь по лестнице.

— Славная женщина, эта сестра Кеттл, — заметила леди Лакландер. — Понимает, что я хотела ее просто отослать. Марк, что на самом деле так тревожит твоего деда?

— А его что-то тревожит?

— Не увиливай! Он места себе не находит... — Она замолчала, глядя, как судорожно подергиваются ее униженные перстнями руки. — У него беспокойно на душе, — продолжила она, — и во второй раз за время нашего брака я не могу понять, в чем дело. Это как-то связано с Морисом и мемуарами?

— Судя по всему, похоже, что да. Он хочет, чтобы полковник подготовил их к печати.

— А первый раз, — пробормотала леди Лакландер, — это случилось двадцать лет назад, и тогда я себе места не находила. И теперь, когда настало время нам расстаться... а оно настало, так ведь?

— Да, дорогая, похоже, что так. Он очень устал.

— Я знаю. А про себя я такого сказать не могу. Мне стукнуло семьдесят пять лет, я безобразно располнела, но вкус к жизни не потеряла. И все же есть вещи, — продолжала она изменившимся тоном, — которые нельзя пускать на самотек. Нельзя, к примеру, оставлять без присмотра твоего отца.

— И чем же мой бедный папа заслужил столь пристальное внимание? — вежливо справился Марк.

— Твоему бедному папе исполнилось пятьдесят, он — вдовец и вдобавок Лакландер! Очень опасное сочетание!

— Которое не под силу исправить даже тебе.

— Можно, если... Морис! Что случилось?

Дверь в спальню распахнулась, и в дверях стоял полковник Картаретт с бумагами под мышкой.

— Идите сюда, Марк! Скорее!

Марк бросился в спальню, а за ним устремилась леди Лакландер, вскочившая с кресла с неожиданным проворством. Однако полковник Картаретт преградил ей путь.

— Дорогая, — сказал он, — пожалуйста, подождите.

Из холла внизу донесся настойчивый звон вызова. По лестнице уже торопливо спешили наверх сестра Кеттл и высокий мужчина в вечернем костюме.

Полковник Картаретт молча ждал, когда они поднимутся.

Леди Лакландер уже была у кровати мужа. Марк правой рукой придерживал его за спину, а левой продолжал нажимать на кнопку звонка, лежавшего на кровати. Сэр Гарольд, всхлипывая, хватал воздух открытым ртом, а нога под одеялом судорожно сгибалась и разгибалась. Леди Лакландер склонилась над ним и взяла его за руки.

— Я с тобой, Хэл, я рядом, — повторяла она.

У сестры Кеттл в руках был бокал.

— Это коньяк, — сказала она. — Старое, проверенное средство.

Марк поднес его к открытому рту деда.

— Отпей, — сказал Марк. — Это поможет. Постарайся.

Губы прижались к кромке бокала.

— Немного отпил, — сообщил Марк. — Сейчас я сделаю укол.

Его сменила сестра Кеттл, а Марк, повернувшись, столкнулся с отцом.

— Я могу чем-то помочь? — поинтересовался Джордж Лакландер.

— Нет, просто побудь здесь, папа.

— Джордж тоже пришел, Хэл, — сказала леди Лакландер. — Мы все тут с тобой, дорогой.

Из-за плеча сестры Кеттл показалось перекошенное болью лицо старика, а непослушные губы отрывисто прохрипели: «Вик, Вик,

Вик...», будто отсчитывали последние удары угасающего пульса. Все недоуменно переглянулись.

— О чем ты, Гарольд? — спросила леди Лакландер. — Что ты хочешь сказать?

— Может, «Вик» — это имя? — предположила сестра Кеттл.

— У нас нет знакомых по имени Вик, — нетерпеливо возразил Джордж Лакландер. — Бога ради, Марк, сделай хоть что-нибудь!

— Сейчас, — ответил его сын из другого конца комнаты.

— Вик...

— Викарий? — спросила леди Лакландер, сжимая его руку и наклоняясь. — Ты хочешь, чтобы позвали викария?

Он посмотрел ей в глаза, и кончики раскрытых губ тронуло подобие улыбки. Голова немного склонилась в сторону.

Подошел Марк со шприцем в руке и сделал укол. Через мгновение сестра Кеттл отошла, и все поняли, что вот-вот наступит развязка. Леди Лакландер, ее сын и внук обступили кровать. Она снова сжала руку мужа.

— Что ты хочешь сказать, Хэл? Что, любимый? Ты зовешь викария?

Неожиданно он отчетливо произнес шепотом:

— В конце концов, кто знает...

Устремив на жену последний пристальный взгляд, он испустил дух.

2

Ближе к вечеру через три дня после похорон сэра Джордж Лакландер сидел в кабинете родового особняка и разбирал бумаги, которые нашел в ящиках и папках отца. Он был довольно привлекательным мужчиной с породистым лицом и темными от природы волосами, начавшими седеть, что было особенно заметно на висках и пряди надо лбом, но ничуть не портило его, а только добавляло импозантности. Как и полагалось, над волевым ртом нависал в меру крючковатый нос. Короче говоря, он был ожившей иллюстрацией настоящего английского аристократа, какими их рисуют в американских журналах. Достигнув опасного для таких джентльменов возраста, он в свои пятьдесят сохранил удивительную живость.

Сэр Гарольд оставил свои бумаги в идеальном порядке, так что разбирать их не составляло никакого труда. Переворачивая страницы дневников отца, его сын вдруг подумал, что их семья вполне заслуженно получила прозвище Счастливики Лакландеры. Разве не удачей было то, что сказочно богатый восьмой баронет питал настоящую страсть к драгоценным камням и постоянно скупал их, и теперь они сами по себе уже составляют целое состояние! Разве не удачей был невероятный успех их знаменитого завода скаковых лошадей? Ведь только за прошлый век они не меньше трех раз срывали самый крупный куш на скачках! Справедливости ради, конечно, стоит признать, что ему самому, наверное, повезло меньше других, особенно учитывая, что при родах Марка он потерял жену. Но если честно, то в смутных воспоминаниях, которые у него еще сохранились, она запомнилась как на редкость нудная и неинтересная женщина. Не то что... Но здесь сэр Джордж одернул себя и самодовольно подкрутил ус двумя пальцами. Его смущение усилилось появлением дворецкого, объявившего о приходе полковника Картаретта, желавшего его видеть. В определенном смысле этот визит явился карой за недостойные мысли. Джордж прошел к камину и поджидал полковника возле него.

— Привет, Морис, — поздоровался он, когда тот вошел. — Рад тебя видеть. — Вглядевшись в его лицо, он встревоженно спросил: — Что-то случилось?

— Вообще-то да, — подтвердил полковник. — И немало! Я понимаю, что после трагедии, постигшей вашу семью, сейчас не самое удачное время беспокоить вас, Джордж, но, по правде говоря, я настолько обескуражен, что хотел бы разделить ответственность с тобой!

— Со мной? — изумился сэр Джордж, невольно испытывая облегчение.

Полковник достал из кармана два конверта и положил их на стол. Сэр Джордж увидел, что они надписаны рукой отца.

— Прочитай сначала письмо, — попросил полковник, показывая на конверт поменьше. Джордж удивленно на него посмотрел и, вставив монокль в глаз, вытащил листок и принялся читать. По мере чтения его лицо вытягивалось, и один раз он прервался, чтобы что-то спросить, но, взглянув на взволнованное лицо полковника, передумал.

Наконец, дочитав, он выронил листок, а монокль соскользнул на грудь.

— Я не понял ни единого слова!

— Ты все поймешь, когда познакомишься с этим, — пояснил полковник и вытащил из второго конверта тонкую стопку листов и положил их перед Джорджем Лакландером. — Прочитать их займет не больше десяти минут. С твоего разрешения я подожду.

— Мой дорогой, что ж это я? Пожалуйста, присядь. Сигару? Что-нибудь выпить?

— Нет, Джордж, спасибо. Я выкурю сигарету. Нет-нет, не беспокойся, у меня свои.

Джордж удивленно на него посмотрел и, водрузив монокль на место, принялся читать. Постепенно выражение его лица начало меняться, и природный румянец сменился мертвенной бледностью. В очертаниях губ уже не было прежней твердости, а в глазах — уверенности. Листок в руках предательски выдавал дрожь пальцев.

Один раз он все-таки не выдержал и воскликнул:

— Но это неправда! Мы же знаем, как все было! Все это знают!

Потерев губы пальцами, он дочитал до конца. Когда последняя страница присоединилась к стопке с остальными, полковник Картаретт аккуратно их собрал и убрал в конверт.

— Мне чертовски жаль, Джордж, — сказал он. — Видит Бог, я не хотел тебя сюда впутывать.

— Но я не понимаю, зачем ты это сделал! Зачем принес сюда? Почему не сжег сразу, как только понял, что здесь?

— Вижу, ты меня не услышал, Джордж, — хмуро заметил Картаретт. — А я ясно выразился. Я долго думал. Твой отец предоставил мне право решить самому, и я принял решение, — он показал на конверт, — предать это гласности. Поступить так — мой долг, Джордж. Других вариантов просто не существует.

— А ты подумал, как это отразится на нас? Подумал? Это... это просто невысказано! Ты же старый друг семьи, Морис. Мой отец доверился тебе, потому что считал тебя другом. Он... — Джордж замаялся, не в силах осознать все последствия, — он же вверил тебе нашу судьбу!

— Такого наследства никто бы, конечно, не пожелал, однако ты слишком все драматизируешь, Джордж. Поверь, я отдаю себе отчет,

что для вас это будет тяжелым испытанием, но не сомневаюсь, что в обществе к этому отнесутся гораздо снисходительнее, чем ты себе представляешь.

— И с каких это пор... — спросил Джордж, вдруг неожиданно проявив ораторский пафос, — с каких это пор Лакландерам предлагают унизиться до того, чтобы рассчитывать на снисхождение других?

В ответ полковник Картаретт только беспомощно махнул рукой.

— Мне очень неприятно, что так получилось, но боюсь, что красивые слова при всей своей патетике никак не меняют сути дела.

— Да пошел ты к черту со своей назидательностью!

— Ну-ну, Джордж, не надо так!

— Чем больше я об этом думаю, тем хуже мне видятся последствия! Послушай, Морис, хотя бы ради соблюдения приличий...

— Приличия и были главным, чем я руководствовался.

— Это убьет мою мать!

— Я знаю, что для нее это будет тяжелым ударом. Я думал об этом.

— А Марк? Это его погубит! А он еще так молод! И только начинает свою карьеру!

— А как насчет другого молодого человека, тоже единственного сына, который только начинал свою карьеру?

— Но он умер! — воскликнул Джордж. — Он не страдает! Ему уже все равно!

— А как же его доброе имя? А каково его отцу?

— Я не могу и не стану состязаться с тобой в полемике. Я человек простой и старомодный. Я считаю, что друзья должны помогать друг другу, а старые семьи — держаться вместе.

— Даже за счет других друзей и старых семей? Перестань, Джордж, — сказал полковник.

Джордж побагровел и произнес изменившимся голосом:

— Верни мне рукопись отца! Отдай мне конверт. Я этого требую!

— Не могу, старина. Господи Боже, неужели ты думаешь, что если бы совесть мне позволила избавиться от рукописи или сжечь ее, то я бы этого не сделал? Уж поверь, мне это нравится ничуть не больше, чем тебе.

Он убрал конверт во внутренний карман пиджака.

— Конечно, ты вправе обсудить это с леди Лакландер и Марком. Твой отец не оставил на этот счет никаких указаний. Кстати, я принес тебе копию письма, если ты решишь обо всем им рассказать. Вот она. — Полковник достал третий конверт и, положив на стол, направился к дверям. — И последнее, Джордж. Поверь, что мне искренне жаль. Будь у меня другой выход, я бы не раздумывая им воспользовался. Что?

Джордж Лакландер издал какой-то нечленораздельный звук и ткнул пальцем в сторону полковника.

— После этого, — сказал он, — само собой разумеется, что ни о каких отношениях между твоей дочерью и моим сыном не может быть и речи.

Полковник молчал так долго, что в наступившей тишине стало слышно тиканье часов на камине.

— Я не знал, — наконец произнес полковник, — что между ними есть какие-то отношения. Думаю, что ты заблуждаешься.

— Уверяю тебя, что нет. Однако обсуждать это излишне. Уверен, что и Марк, и Роуз сами поймут, что это невозможно. Без сомнения, ты с такой же легкостью загубишь ее судьбу, как лишаешь счастья нашу. — Он посмотрел на застывшее лицо полковника и добавил: — Она по уши влюблена в него. Не сомневайся!

— Если тебе сообщил об этом Марк...

— А с чего ты взял, что Марк? Мне... мне... — неожиданно Джордж смешался, а его звучный голос дрогнул.

— Тогда могу я осведомиться, с чего ты это взял? — Глядя на замешательство Джорджа Лакландера, у полковника возникли смутные подозрения о том, кто мог явиться источником информации. — Впрочем, это совершенно не важно. Уверяю тебя, этот источник заблуждается. Больше мне здесь делать нечего. Всего доброго.

С этими словами он вышел.

Джордж, так и не сумевший оправиться от ужасной новости, провожал его взглядом в окно. Им начинала овладевать паника. Подвинув к себе телефонный аппарат, он трясущимися пальцами набрал номер полковника. Трубку сняла женщина.

— Китти! Это вы?

3

Полковник направился домой коротким путем, называемым Речной тропой, которая шла через поместье Нанспардон от дороги и

огибала площадку для гольфа. Затем она спускалась к Нижнему мосту, проходила через рошу Картареттов и тянулась дальше через владения капитана Сайса и мистера Финна, снова возвращаясь на дорогу у подножия холма.

Настроение у полковника было хуже некуда. Его тяготила ответственность за свое решение и расстраивала ссора с Джорджем Лакландером — хотя полковник и считал его надутым индюком, но они дружили с детства. Но особенно его удручали новость, что Роуз влюблена в Марка, и все более усиливавшееся подозрение, что Джорджу Лакландеру сообщила об этом не кто иной, как Китти.

Шагая по склону холма, он окинул взглядом небольшую долину, в которой были разбиты сады трех поместий. Завидев мистера Финна, бродившего по своему участку с кошкой на плече, полковник, памятуя о склоке с ним из-за места рыбалки, решил, что тот точно похож на старого злобного колдуна. А бедняга Сайс, как обычно, упражнялся в стрельбе по мишени из лука. А вон, покачивая бедрами и с длинным мундштуком в руке, показалась Китти, вышедшая из дома в обтягивающих брюках из тонкого бархата и яркой оранжевой блузке. Решив, что ее взгляд направлен належавший по другую сторону долины Нанспардон, полковник почувствовал приступ тошноты.

«Как я мог на ней жениться? Как?» — в который раз невольно подумал он.

Роуз, как всегда по вечерам, копалась в саду, обрезая увядшие головки цветов. Полковник вздохнул и перевел взгляд на вершину холма, где в просветах зелени то и дело мелькало форменное платье сестры Кеттл, катившей велосипед. Полковник решил, что для Суивнингса она все равно что последняя цифра периодической дроби.

Он спустился к Нижнему мосту, отделявшему его участок рыбной ловли вниз по течению от участка мистера Данберри-Финна, расположенного выше. Предметом ссоры стали воды под самим мостом. Полковник остановился и, опираясь на каменный парапет моста, стал вглядываться в темное зеленое царство подводного мира. Сначала он смотрел рассеянно, но вскоре напряг зрение. У левого берега реки неподалеку от полуразрушенного эллинга, где был привязан ялик, находилась заводь. В ней среди прочих то и дело мелькала внушительная тень: она могла принадлежать только Старушке! Полковник решил, что рыбалка перед ужином наверняка

поможет ему снять напряжение, особенно если форель решит порезвиться на его участке реки. Оторвав взгляд от заводи, он посмотрел на поместье соседа и увидел, как мистер Финн — по-прежнему с кошкой на плече — замер, разглядывая его в полевой бинокль.

— Проклятие! — пробормотал полковник и продолжил путь домой. За мостом он уже был вне поля зрения мистера Финна.

Тропинка пересекала узкий луг и поднималась к холму. Его рощица и перелесок капитана Сайса скрывали от глаз верхние владения трех поместий. Услышав впереди торопливую тяжелую поступь и шумное сопение, неизменно сопровождавшее любое передвижение мистера Финна, полковник сообразил, с кем ему предстоит встреча, и не ошибся. Через мгновение тот появился на тропинке собственной персоной, одетый в поношенную куртку с поясом и твидовую шляпу, утыканную блеснами, а висевшие на ленте очки делали его похожим на ирландца, играющего на волынке. В руках у него были самые разнообразные приспособления для рыбной ловли. Судя по всему, он собирался второпях, а сопровождавшая его миссис Томазина Твитчетт в свойственной кошкам манере недвусмысленно давала понять, что их совместное путешествие являлось простой случайностью, и не более того.

Тропинка была узкой, и кому-то предстояло уступить дорогу. Полковник, сытый по горло скандалами с соседями, отошел в сторону и ждал, пока двигавшийся с каменным лицом мистер Финн не пройдет мимо. Неожиданно кошка резко ускорила шаг и вырвалась вперед.

— Привет, подружка! — сказал полковник и наклонился, щелкнув пальцами.

Кошка смерила его взглядом и неторопливо продолжила путь, подергивая кончиком хвоста.

Полковник выпрямился и оказался лицом к лицу с мистером Финном.

— Добрый вечер, — поздоровался полковник.

— Сэр, — отвечивал мистер Финн и, приложившись пальцем к своей ужасной шляпе, принял важный вид. — Томазина, веди себя прилично!

Кошка же, демонстрируя своенравие, вернулась к полковнику и разлеглась у его ног.

— Славная киска, — заметил полковник и добавил: — Удачной рыбалки! Кстати, Старушка сейчас под мостом с моей стороны.

— В самом деле?

— Вы наверняка имели возможность в этом удостовериться, когда разглядывали меня в бинокль, — опрометчиво не сдержался полковник.

Если мистер Финн и был настроен миролюбиво, то от бывшего благодущия не осталось и следа, и он воинственно взмахнул садком.

— Насколько мне известно, — язвительно заметил он, — пейзаж как таковой не является предметом частного владения и любоваться им могут все желающие. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но для лицезрения вод убегающих к горизонту потоков реки никакого разрешения не требуется.

— Не требуется, — согласился полковник. — По мне, так вы можете лицезреть хоть меня, хоть реку вплоть до Второго пришествия! Но если бы вы только знали... если бы вы... — он поскреб затылок, что для полковника было проявлением высшей степени душевного волнения, — мой дорогой Финн, если бы вы только знали... Господи, какая разница! Всего наилучшего!

Он обошел мистера Финна и поспешил по тропинке.

«И ради таких, — с неприязнью подумал он, — как этот нелепый шут гороховый я взвалил на себя ношу, из-за которой могу лишиться душевного покоя до конца своих дней».

Он умерил шаг и вошел в свою рощицу. То ли повинувшись материнскому инстинкту, то ли проникшись необъяснимой кошачьей симпатией к полковнику, Томазина Твитчетт направилась за ним, время от времени мяукая и поглядывая, не зазеваается ли какая птица. Уже на выходе из рощи он заметил пошатывавшегося капитана Сайса, который с луком в руке и колчаном на поясе что-то искал в высокой траве.

— Привет, полковник, — поздоровался сосед. — Потерял проклятую стрелу. Что за напасть! Промазал по мишени, а теперь не могу найти.

— Промазал, и промазал прилично, верно? — раздраженно отозвался Картаретт, поражаясь столь явному проявлению безрассудства и беспечности — как-никак здесь все-таки ходят люди. Однако он принялся помогать в поисках, как, впрочем, и Томазина

Твитчетт, которую явно заинтересовал шорох листвы, которую ворошили люди.

— Все верно, — согласился капитан Сайс, — отвратительный выстрел, но я увидел старика Финна, и он выбил меня из колеи. Ты слышал, какая история вышла у меня с его кошкой? Хуже не придумаешь! Чистая случайность, но этот болван и слышать ничего не хочет! Я извинялся и заверял, что сам переживаю, потому что люблю кошек.

Он сунул руку в опавшие листья, и Томазина Твитчетт моментально среагировала и впиалась когтями в запястье.

— Ах ты, маленькая дрянь! — выругался капитан Сайс и, стряхнув кошку, хотел было ей наподдать, но та ловко увернулась и, пресытившись их обществом, отправилась домой к котяткам. Полковник извинился и, оставив капитана продолжать поиски, вышел из роши на лужайку перед своим домом.

Его жена в яркой блузке и огромных серьгах раскачивалась в гамаке, свесив обтянутую черным бархатом ножку. На металлическом столике красовался поднос с напитками.

— Ты задержался, — лениво произнесла она. — Ужин через полчаса. Ходил в Нанспардон?

— Мне надо было повидать Джорджа.

— Зачем?

— По делам, связанным с его отцом.

— Лаконичный ответ.

— Это касается только их семьи, дорогая.

— И как поживает Джордж?

Полковник вспомнил его багровую физиономию и ответил:

— Все еще не может прийти в себя.

— Мы должны пригласить его на ужин. Кстати, он обещал завтра поучить меня играть в гольф и даже одолжить несколько клюшек. Правда, мило с его стороны?

— А когда вы об этом договорились?

— Да только что. Минут двадцать назад, — ответила она, не сводя с него глаз.

— Китти, мне бы этого не хотелось.

— Уж не ревнуешь ли ты меня к нему?

— А есть основания? — спросил полковник после долгой паузы.

— Нет.

— Я все равно не хочу, чтобы вы завтра играли в гольф.

— Но почему?

— Китти, что ты говорила Джорджу о Марке и Роуз?

— Ничего такого, чего ты и сам не видишь. Роуз по уши влюблена в Марка.

— Я тебе не верю.

— Мой дорогой Морис, ты же не думаешь, что девушка всю свою жизнь собирается провести возле своего папочки?

— Конечно, нет!

— Тогда что тебя удивляет?

— Но я... я не знал... Я и сейчас не верю...

— Он появился здесь пять минут назад, сам не свой, и они уединились в гостиной. Можешь пойти и убедиться лично. Если хочешь, можешь не переодеваться к ужину, я пойму.

— Спасибо, дорогая, — убитым голосом произнес Картаретт и направился в дом.

Не будь полковник столь расстроен и подавлен, он наверняка бы дал знать о своем приближении. А так он прошел по мягкому ковру и, открыв дверь, застал дочь в объятиях Марка Лакландера, из которых она если и пыталась освободиться, то не очень решительно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Долина реки Чайн

1

Роуз и Марк отреагировали так, как и подобает застигнутым врасплох влюбленным. Они моментально отстранились друг от друга, причем Роуз сильно побледнела, а Марк покраснел. Ни один из них не проронил ни слова.

— Извини, дорогая. Прошу прощения, — сказал полковник и слегка поклонился в сторону дочери.

Взволнованная Роуз бросилась к отцу и, обняв за шею, воскликнула:

— Папочка, это же должно было когда-нибудь случиться, правда?

— Сэр, я хочу жениться на вашей дочери, — произнес Марк.

— А я этого не хочу, — добавила Роуз, — если ты будешь против. Я так ему и сказала.

Полковник осторожно высвободился из ее объятий и обнял за плечи.

— Откуда ты сюда приехал, Марк? — спросил он.

— Из Чайнинга. Сегодня я дежурил в больнице.

— Понятно. — Полковник посмотрел на влюбленных, понимая, какими беззащитными и ранимыми их делала пылкая страсть. — Присядьте, пожалуйста. Вы оба. Мне надо подумать, как вам сообщить нечто важное. Садитесь.

Не понимая, что происходит, они молча повиновались.

— Когда ты вернешься в Нанспардон, Марк, — начал полковник, — то увидишь, что твой отец очень расстроен. Причина тому — наш недавний с ним разговор. Я вправе пересказать его суть, но мне кажется, будет лучше, если ты все узнаешь от него самого.

— Что узнаю?

— Боюсь, нечто очень неприятное. Твой отец будет категорически против самой мысли о браке с Роуз.

— Этого не может быть! — не поверил Марк.

— Ты скоро в этом убедишься. Я не исключаяю, что ты и сам считаешь для себя невозможным породниться с семейством Картареттов. — Полковник грустно улыбнулся. — Прости меня, милая Роуз, но это правда.

— Но, папочка, — вмешалась Роуз и спросила с оттенком иронии: — И что же такого ты натворил?

— Боюсь, что хуже не бывает, радость моя, — ответил отец.

— О чем бы ни шла речь, — сказал Марк, вставая, — смею вас заверить, что никакие ссоры не заставят меня изменить свои намерения относительно Роуз.

— Дело вовсе не в ссоре, — мягко ответил полковник.

— Отлично! — Марк повернулся к Роуз: — Не волнуйся, дорогая. Я отправлюсь домой и все улажу.

— Конечно, иди, — согласился полковник, — и во всем разберись. Он взял доктора под руку и проводил до двери.

— Завтра ты будешь относиться ко мне совсем по-другому, Марк, — сказал он. — Сможешь ли ты поверить, что мой поступок является

вынужденным, и поступить по-другому я просто не могу, как бы этого ни хотел?

— «Вынужденным»? — удивленно переспросил Марк. — Да, разумеется... Конечно... — Он сжал челюсти и сдвинул брови, отчего фамильные черты Лакландеров стали особенно заметны. — Послушайте, сэр, если мой отец одобрит помолвку... а иного я и вообразить не могу... что скажете вы сами? И считаю своим долгом вас сразу предупредить, что никакие препоны с обеих сторон меня не остановят!

— В таком случае, — ответил полковник, — твой вопрос не требует никакого ответа. А сейчас я оставлю тебя попрощаться с Роуз, а потом ты пойдешь домой. До свидания, Марк.

Когда полковник ушел, Марк повернулся в Роуз и взял ее за руки.

— Какая-то ерунда! — сказал он. — Ну что такого могут учудить наши отцы, чтобы разлучить нас?

— Не знаю. Я не знаю, в чем дело, но мне ужасно тревожно. Папа так расстроен!

— Ну, пока мы не знаем подробностей, ставить диагноз не имеет смысла. Я отправляюсь домой и перезвоню тебе через пятнадцать минут. Бог сотворил настоящее чудо, одарив меня твоей любовью, Роуз. И ничто, — продолжил Марк с таким пылом, будто до него никто и никогда не говорил этих слов, — слышишь, ничто не может разлучить нас! До встречи, любимая.

Он поцеловал Роуз и удалился.

Оставшись в одиночестве, она задумалась о чувствах, которые они с Марком испытывали друг к другу. Куда делись ее обычные сомнения, вызванные боязнью причинить отцу боль своим замужеством? Осознав, что даже не особенно переживает из-за столь необычного поведения отца, она поняла, насколько сильное чувство ею овладело. Роуз подошла к большой стеклянной двери и посмотрела на поместье Нанспардон, лежавшее на другом краю долины. Переполюнявшее ее счастье не оставляло в душе места для переживаний. Она впервые поняла всю силу любви.

Задумавшись, она совершенно потеряла счет времени, и к действительности ее вернул гонг, созывавший на ужин и раздавшийся одновременно со звонком телефона. Она подлетела к нему и взяла трубку.

— Роуз, — сказал Марк, — скажи мне прямо сейчас, что любишь меня. Прямо сейчас.

— Я люблю тебя.

— И дай мне свое самое честное слово, что выйдешь за меня замуж. Обещай мне, а лучше поклянись!

— Клянусь.

— Вот и хорошо. Я вернусь в девять часов.

— Ты узнал, что произошло?

— Да. И вопрос очень щекотливый. Да хранит тебя Господь, любимая. До встречи.

— Увидимся в девять, — подтвердила Роуз и, окрыленная, отправилась на ужин.

2

К восьми часам вечера капитан Сайс начал вновь погружаться в депрессию. Около пяти, когда солнце стояло над нок-реей, он выпил бренди с содовой, что немного подняло настроение. Положительный эффект усилился благодаря трем-четырем новым порциям, и он даже стал представлять себе, как займется каким-нибудь стоящим делом и достигнет в нем невероятных успехов. Однако потом каждый новый глоток спиртного постепенно нагонял на него тоску, и на этом этапе он обычно и брался за лук. Кстати, ту злополучную стрелу, лишившую жизни мать Томазины Твитчетт, он послал через рожицу на луг мистера Данберри-Финна, находясь как раз в таком состоянии, близком к самоубийству.

Сегодня уныние, овладевшее им, было сильнее обычного. Возможно, он почувствовал свое одиночество особенно остро, встретив полковника, к которому испытывал искреннюю симпатию. Вдобавок супружеская пара, ухаживавшая за ним, уехала в отпуск, а сам он не побеспокоился об ужине. Найдя наконец стрелу, капитан невесело захромал обратно на площадку для стрельбы, но стрелять расхотелось. Проклятая нога опять разболелась, но он все равно решил вернуться кружным путем и направился в сторону дороги.

Добравшись до холма, он увидел сестру Кеттл, сидевшую у обочины и хмуро разглядывавшую велосипед, перевернутый колесами вверх.

— Добрый вечер, капитан, — поздоровалась она и сообщила: — У меня прокололось колесо.

— Добрый вечер. В самом деле? Экая неприятность!

— Не хочется катить его три мили до Чайнинга, так что пытаюсь починить на месте. Накачивать шину бесполезно — я пробовала.

Она с сомнением посмотрела на разложенные рядом инструменты. Сайс некоторое время наблюдал, как она пытается скovyрнуть покрышку с обода, и наконец не выдержал:

— Господи, да не также! У вас ничего не выйдет!

— Похоже, вы правы.

— В любом случае, чтобы найти прокол, нужно ведро с водой.

Встретив ее беспомощный взгляд, он буркнул:

— Ладно, давайте его сюда!

Он перевернул велосипед и, бурча под нос что-то неразборчивое, покотил по тропинке к своему дому. Сестра Кеттл собрала инструменты и поспешила за ним. На ее лице появилось странное выражение сочувствия и снисходительности одновременно.

Капитан Сайс закатил велосипед в сарай садовника и принялся снимать колесо, даже не пытаясь поддержать разговор. Сестра Кеттл устроилась на скамейке и молча наблюдала за его действиями. Наконец она заговорила:

— Я очень вам признательна. День выдался на редкость хлопотным. В деревне настоящая эпидемия, да и других больных тоже хватает, а теперь еще эта авария! Слушайте, да у вас золотые руки — и так ловко все получается! Сегодня я заезжала в Нанспардон, — продолжала она. — У леди Лакландер разыгралась подагра, и доктор Марк попросил меня делать ей припарки.

Капитан Сайс невразумительно хмыкнул.

— И еще я заметила, что новый баронет уже почувствовал, какая на нем теперь лежит ответственность. Он пришел, когда я собиралась уходить. Цвет лица — просто ужас, а сам такой нервный! — продолжала без умолку трещать сестра Кеттл, болтая короткими ножками и прерываясь лишь на то, чтобы похвалить работу Сайса.

«Жаль, конечно, — думала она, разглядывая капитана. — Руки дрожат, лицо опухло, а все равно — какой славный! Право, жаль!»

Он заклеил прокол и, собрав колесо, поставил его на место. Закончив работу, Сайс начал подниматься и, неожиданно издав крик, схватился за поясницу и опустился на колени.

— Вот те на! — воскликнула сестра Кеттл. — Что? Люмбаго?

Капитан Сайс чертыхнулся и, стиснув зубы, попросил ее уйти.

— Вы уж простите, что так получилось, — извинялся он. — И пожалуйста, не обессудьте. О Господи!

Теперь настала очередь сестры Кеттл продемонстрировать во всем блеске те качества, благодаря которым к ней обращались за помощью гораздо охотнее, чем к другим медсестрам. Она буквально излучала надежность, находчивость и уверенность. Даже не всегда уместные ремарки оказывали благотворное действие. На причитания и мольбы капитана Сайса оставить его одного, перемежавшиеся с яростными проклятиями при новых приступах боли, она не обратила ни малейшего внимания. Она опустила перед ним на четвереньки и помогла ему подняться. Ему пришлось опереться на ее плечо и, согнувшись в три погибели, дотащиться сначала до скамейки, а потом и до дома, где она уложила его на диван в неудобной холостяцкой гостиной.

— Вот и славно! — сказала она.

Покрывшись испариной и задыхаясь, он молча смотрел на нее.

— И что же с вами теперь делать? Кажется, я видела в прихожей плед. Погодите!

Она вышла и вернулась с пледом. Не переставая разговаривать, она осторожно укрыла его, стараясь не причинить боли, снова вышла и принесла стакан с водой.

— Наверное, удивляетесь, что я хозяйничаю тут как дома. Выпейте-ка лучше пару таблеток аспирина.

Он безропотно подчинился.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — простонал он. — Спасибо за все, а дальше я как-нибудь сам.

Сестра Кеттл бросила на него взгляд и снова вышла.

В ее отсутствие он попытался приподняться, но, скривившись от острой боли, понял, что не в состоянии. Сестра Кеттл отсутствовала очень долго, и он уже начал размышлять, как ему выжить, пока приступ не пройдет, как услышал ее шаги в другом конце дома. Через мгновение она появилась с двумя грелками в руках.

— Сейчас для вас самое главное — это тепло.

— Где вы их взяли?

— Одолжила у Картареттов.

— Боже милостивый!

Она подложила их ему под спину.

— Попозже к вам зайдет доктор Марк, — сообщила она.

— Боже милостивый!

— Он как раз был у Картареттов, и если хотите знать мое мнение, то очень даже скоро мы услышим о предстоящей свадьбе. Во всяком случае, — добавила она, досадливо поморщившись, — я бы в этом ничуть не сомневалась, не будь они чем-то расстроены. — К ужасу капитана, она принялась стаскивать с него обувь.

— Взяли! Дружно! — воскликнула сестра Кеттл, отдавая дань морским традициям, чтобы сделать приятное бывшему моряку. — Аспирин действует?

— Я... думаю, да. Умоляю вас...

— Ваша спальня, должно быть, наверху?

— Умоляю вас...

— Послушаем, что скажет доктор, но я бы на вашем месте временно расположилась в комнате прислуги, чтобы не мучить себя подъемом по лестнице. При условии, конечно, — добавила сестра Кеттл, хохотнув, — что эта комната не занята никакой экономкой.

Она заглянула ему в глаза с такой доброжелательностью и простодушной уверенностью, что он был рад ее помощи и отказаться был не в силах.

— Может, чашку чаю? — предложила она.

— Нет, спасибо.

— Ничего покрепче я вам предлагать не стану, пока доктор не даст на этот счет особых распоряжений.

Он покраснел и, поймав ее взгляд, улыбнулся.

— Так-то лучше, — одобрительно заметила она.

— Мне ужасно стыдно, что я доставляю столько хлопот.

— Я могла бы сказать то же самое о своем велосипеде, верно? А вот и доктор.

Она снова вышла и вернулась с Марком Лакландером.

Марк, выглядевший значительно бледнее пациента, довольно сухо оборвал его возражения:

— Хорошо, если вам не нужна медицинская помощь, считайте, что я зашел просто так.

— Господи Боже, мой дорогой, я совсем не в этом смысле... Я ужасно благодарен, но... у вас и так хватает забот... вы же такой

занятой человек... а тут еще я...

— Думаю, что вас все же следует осмотреть, — сказал Марк. — Не беспокойтесь, переворачивать мы вас не будем. Если боль не отпустит, — сказал он после быстрого осмотра, — придется принимать более решительные меры. Сейчас сестра Кеттл уложит вас в кровать...

— Боже милостивый!

— ...и придет проведать завтра. Я тоже загляну. Вам понадобятся кое-какие лекарства. Я позвоню в больницу, чтобы их доставили сюда немедленно. Договорились?

— Спасибо, спасибо. Вы и сами, — неожиданно для себя добавил Сайс, — неважно выглядите. Извини, что причинил столько беспокойства.

— Все в порядке. Мы перенесем сюда вашу кровать и поставим ее возле телефона. Если что — сразу звоните. Кстати, миссис Картаретт предложила...

— Нет! — взревел капитан Сайс и побагровел.

— ...послать вам еды, — закончил Марк начатую фразу. — Но к завтрашнему дню вы и сами можете быть уже на ногах. А пока, полагаю, вас можно смело оставить на попечение сестры Кеттл. Всего доброго.

Когда он ушел, сестра Кеттл жизнерадостно заявила:

— Раз вы не хотите, чтобы вокруг вас крутились прелестные дамочки, придется потерпеть меня. Сейчас мы вас умоем и подготовим ко сну.

Через полчаса он был уложен в постель с чашкой горячего молока и тарелкой с сэндвичами. Убедившись, что до лампы легко дотянуться, сестра Кеттл стала прощаться с присущей ей жизнерадостностью.

— Ну что ж, — сказала она, — как говорится, пора и честь знать. Ведите себя хорошо и будьте паинькой.

— Спасибо, — смущенно пробормотал капитан Сайс, явно испытывая неловкость. — Спасибо, спасибо.

Она была уже в дверях, когда ее остановил голос капитана:

— Я... я полагаю, вы не читали «Кратких жизнеописаний» Джона Обри?[3]

— Нет, — ответила она. — А это кто?

— Среди прочего он написал «краткое жизнеописание» некоего сэра Джонаса Мура, которое начинается со слов: «Он вылечил себя от ишиаса, обварив ягодицы кипятком». Я искренне рад, что вы не стали прибегать к столь радикальному лечению.

— Замечательно! — Сестра Кеттл буквально расцвела. — Вижу, что вы наконец вылезаете из своей раковины. Счастливо оставаться!

3

Следующие три дня сестра Кеттл постоянно разъезжала по округе, навещая больных, и, будучи от природы женщиной очень наблюдательной, не могла не заметить, что здесь происходило нечто неладное. Где бы она ни оказалась — у леди Лакландер, которой накладывала примочку на распухший палец ноги, в поместье Хаммер-Фарм, где обрабатывала абсцесс у дочки садовника, у капитана Сайса, продолжавшего страдать от непонятно затянувшегося приступа люмбаго, — везде ощущалась какая-то напряженность в поведении не только пациентов, но и молодого доктора Марка. Роуз Картаретт, с которой она столкнулась в саду, поразила ее своей бледностью и нервозностью, полковник выглядел подавленным, а миссис Картаретт, напротив, чрезмерно возбужденной.

— Кеттл, — обратилась к ней в среду леди Лакландер, морщась от обработки больного пальца, — у тебя нет никакого снадобья от угрызений совести?

Сестра Кеттл ничуть не обижалась на такое фамильярное обращение со стороны леди Лакландер. Они были знакомы уже лет двадцать, и в словах старой леди звучала доверительность и даже теплота, которую медсестра так ценила.

— От такого недуга лекарства еще не придумали, — ответила она.

— Жаль. А сколько лет, — продолжала леди Лакландер, — ты пользуешь больных в Суивнингсе?

— Тридцать, если считать пять лет в больнице Чайнинга.

— Двадцать пять лет припарок, примочек, клистиров и прочих прелестей, — задумчиво протянула леди Лакландер. — За это время ты наверняка нас всех хорошо узнала. Ничего так не выдает натуру человека, как болезнь, — заметила она и неожиданно добавила: — И ничего так не скрывает ее, как любовь. Это ужасно больно, — пожаловалась она, показывая на палец.

— Потерпите, дорогая, осталось чуть-чуть, — попросила сестра Кеттл, которой леди Лакландер, в свою очередь, тоже позволяла так к себе обращаться. — А что вы имели в виду, когда сказали, что любовь скрывает натуру человека?

— Когда люди влюблены, — объяснила леди Лакландер, невольно вскрикнув от боли, когда сестра Кеттл накладывала мазь, — они инстинктивно стараются преподнести себя в наилучшем свете. Они выставляют напоказ особо привлекательные черты, совсем как фазан по весне свое роскошное брачное оперение. Они проявляют такие добродетели, как благородство, милосердие и скромность, и рассчитывают, что их оценят по достоинству. Они развивают в себе удивительную способность подавлять недостатки, и делают это не нарочно, а неосознанно. В этом, Кеттл, заключается заложенный природой механизм ухаживания.

— Надо же!

— Только не пытайся сделать вид, что для тебя это новость, потому что ты наверняка это знаешь. Ты отличаешься здравомыслием, которого так недостает многим здешним обитателям. Конечно, ты любишь посплетничать, — добавила леди Лакландер, — но никогда не злословишь, так ведь?

— Разумеется! Как можно!

— Вот именно! А теперь скажи мне честно и без обиняков, что ты о нас думаешь.

— В смысле об аристократах?

— Именно в этом смысле! Ты не находишь, что мы, — продолжала леди Лакландер, смакуя каждый произносимый эпитет, — изнеженны, никчемны, порочны, старомодны и вообще не нужны?

— Нет, не нахожу! — твердо заявила сестра Кеттл.

— А между тем иные из нас именно таковы.

Сестра Кеттл устроилась на корточках поудобнее, не выпуская из рук пятки леди Лакландер.

— Дело не столько в людях, сколько в идее как таковой, — пояснила она.

— А, так ты веришь в сословные различия, совсем как в эпоху Елизаветы Первой. Настоящий Улисс в юбке! Но не забывай, что благородство теперь должно подтверждаться делами.

Сестра Кеттл рассмеялась и призналась, что не понимает, о чем речь. Леди Лакландер пояснила, что если люди позволяют себе перейти определенную границу, то они сами напрашиваются на неприятности.

— Я хочу сказать, — продолжала леди Лакландер, морщась от боли и подбирая слова, — что в определенных областях, которыми мы занимаемся по праву наследования, нам надлежит вести себя подобающе и соответствовать возложенным ожиданиям. Иначе говоря, не важно, как к нам относятся люди, важно другое — они по-прежнему рассчитывают, что в неких обстоятельствах мы поведем себя вполне определенным образом, и никак иначе. Я права, Кеттл?

Сестра Кеттл подтвердила, что, наверное, да.

— А впрочем, мне наплевать, что думают другие, хотя... — Леди Лакландер не договорила и о чем-то глубоко задумалась, пока сестра Кеттл обрабатывала палец и бинтовала ногу. — Короче говоря, — прервав молчание, вдруг с пылом воскликнула старая леди, — мы можем позволить себе практически все, за исключением недостойного поведения! Оно просто недопустимо! Я очень беспокоюсь, Кеттл, — сказала она и в ответ на удивленный взгляд медсестры поинтересовалась: — Скажи-ка, в деревне болтают о моем внуке? О его романе?

— Есть немного, — подтвердила сестра Кеттл. — Но ведь разве это не чудесно? Она очень славная девушка. И к тому же унаследует солидное состояние.

— Хм.

— А в наши дни это немаловажно. Говорят, полковник все завещал дочери.

— Марк, — сказала леди Лакландер, — конечно, ничего не получит, пока сам не унаследует титул баронета. Но меня тревожит совсем другое.

— Что бы вас ни тревожило, леди Лакландер, я бы на вашем месте обязательно посоветовалась с доктором Марком. Он умен и рассудителен не по годам.

— Голубушка, ты и сама заметила, что мой внук сейчас влюблен. Поэтому, проявляя болезненную щепетильность, он, как я уже говорила, вряд ли способен рассуждать и оценивать происходящее здраво. Кроме того, Марк является стороной заинтересованной. Нет, я

должна найти выход сама, Кеттл. Ты ведь будешь проезжать мимо Хаммер-Фарм по дороге домой?

Сестра Кеттл подтвердила, что будет.

— Я написала записку полковнику Картаретту. Окажи мне любезность — завези ее.

Сестра Кеттл пообещала и забрала листок со стола.

— Какая жалость, — пробурчала леди Лакландер, когда сестра Кеттл собралась уходить, — что бедняга Джордж уродился таким безмозглым.

4

Она еще больше утвердилась в правоте своего суждения о сыне, увидев его на следующий вечер играющим в гольф с миссис Картаретт. Достигнув опасного для Лакландеров возраста, Джордж совсем потерял голову из-за Китти Картаретт, которая умело его раззадоривала, играя на приятном каждому мужчине чувстве собственной неотразимости. Она не уставала повторять, что он настоящий рыцарь, окрашивая в благородные цвета те порывы, которые обычно расцениваются совсем по-другому. Ничтожные знаки расположения, которыми она позволяла себе его одаривать в микроскопических дозах, не могли не расцениваться им иначе, как поощрение дальнейших ухаживаний. На площадке для гольфа ему позволялось наблюдать за ней в момент нанесения удара, позволялось высказывать критические замечания и давать рекомендации.

Хотя интерес Джорджа явно выходил за рамки чисто спортивного, миссис Картаретт не подавала виду, что ей об этом известно, и ему разрешалось оценивающе наблюдать со стороны, как она раз за разом грациозно размахивается клюшкой, а потом подходить и вносить исправления.

В сопровождении лакея, который нес ее рисовальные принадлежности и трость-сиденье[4], леди Лакландер шествовала в вечерней прохладе в сторону реки, поглядывая на пантомиму, которую ее сын разыгрывал со своей ученицей на стартовой площадке. Она видела, как Джордж, приподнявшись на цыпочки, раскачивался и, склонив голову набок, следил за тем, как миссис Картаретт замахивается и наносит удар. Леди Лакландер с раздражением отметила, что при замахе и ударе у той двигалось все, что только

может двигаться у женщины. Омерзение при виде этой парочки вдруг уступило место неожиданной мысли.

«Неужели Джордж решил прибегнуть к тактике обходного маневра, чтобы повлиять на Мориса? — подумала она. — Но нет, у бедняги на это не хватит мозгов».

Фигуры скрылись за холмом, и леди Лакландер продолжила путь, погружившись в мрачные мысли. Из-за подагры ей пришлось надеть большие охотничьи сапоги покойного мужа, на голове красовался старинный колониальный шлем от солнца, а довершали наряд мешковатая шерстяная юбка и бесформенная блуза. Пальцы рук, как обычно, были унизаны перстнями с бриллиантами.

Добравшись до Нижнего моста, леди Лакландер с лакеем свернули налево и остановились у зарослей бузины, откуда открывался вид на излучину реки. Следуя указаниям хозяйки, лакей поставил этюдник, принес в кувшине воды из реки, разложил складной табурет и положил трость-сиденье рядом. Чтобы охватить взглядом нарисованное в целом, старая леди имела обыкновение отходить назад и, устроившись на трость-сиденье, созерцать свое творение издали.

Лакей ушел. В Нанспардон леди возвращалась самостоятельно, как только рисование ей наскучивало, но всегда успевала переодеться к ужину, начинавшемуся в девять часов. Свои вещи она оставляла на месте, и их потом забирал лакей. Водрузив на нос очки, леди Лакландер устремила на пейзаж испытующий взгляд, похожий на те, которыми сестра Кеттл обычно одаривала капризных пациентов, и погрузилась в работу.

Она приступила к творчеству на лугу левого берега Чайна в половине седьмого.

В семь часов мистер Данберри-Финн собрал рыболовные снасти у подножия холма, где рыбачил, но направился не к мосту, а выше по течению.

В семь часов Марк Лакландер, навестив больного в деревне, шел пешком вдоль холма. Он прихватил саквояж с инструментами, чтобы вскрыть абсцесс у дочки садовника в поместье Картареттов, а также ракетку и спортивную обувь, поскольку намеревался потом поиграть с теннис с Роуз. Он также собирался очень серьезно поговорить с ее отцом.

В семь часов вечера сестра Кеттл, выполнив просьбу леди Лакландер и доставив записку, подкатила на велосипеде к дому капитана Сайса.

В семь часов сэра Джордж Лакландер, воспользовавшись тем, что в тени деревьев их никто не видит, заключил миссис Картаретт в страстные объятия.

Все надежды, переживания и страхи, которые постепенно набирали силу со дня смерти сэра Гарольда Лакландера, достигли наконец своего апогея и слились воедино подобно горным ручьям, чьи причудливые русла рано или поздно приносят воды в единый бурный поток.

Роуз и полковник сидели у него в кабинете и смотрели друг на друга, не скрывая волнения.

— Когда Марк тебе все рассказал? — спросил полковник Картаретт.

— В тот самый вечер... когда ты вошел... и застал нас. Он отправился в Нанспардон, узнал все от отца, а потом вернулся и пересказал мне. Знаешь, — продолжала она, устремив на отца взгляд васильковых глаз из-под черных ресниц, — знаешь, Марку все равно бы не удалось притвориться, что ничего не случилось. Просто удивительно, как мы с ним читаем мысли друг друга.

Полковник подпер рукой подбородок и грустно улыбнулся: он считал подобные мысли одним из вечных заблуждений влюбленных.

— Моя бедная малышка, — прошептал он.

— Папа, ты же понимаешь, ты не можешь не понимать, что в принципе Марк полностью на твоей стороне. Потому что... факты нельзя скрывать и ничего не должно быть тайным. Я имею в виду теоретически.

Улыбка на лице полковника скривилась, но он промолчал.

— И я с этим полностью согласна, абсолютно! Но бывают обстоятельства...

— Ага! — не удержался от возгласа полковник.

— ...бывают особые случаи, когда общее правило не работает. Потому что оно приносит несчастье. Марк говорит, что еще одно потрясение после смерти сэра Гарольда его бабушка просто не переживет.

Из окон кабинета полковника открывался вид на рощу, часть луга у подножия холма, которую не закрывали деревья, Нижний мост и небольшой участок на правом берегу реки. Роуз подошла к окну и бросила взгляд вниз.

— Она отправилась рисовать и сейчас сидит где-то там на лугу, а рисует она, только когда сильно нервничает.

— Она прислала мне записку. Просит спуститься и поговорить с ней в восемь часов. Видимо, надеется, что к этому времени закончит рисунок и немного успокоится. Ужасно неудобное время, дорогая, но делать нечего. Я не стану с вами ужинать и попробую порыбачить. Пусть мне что-нибудь оставят перекусить, и извинись за меня перед Китти.

— Хорошо, — с наигранной легкостью пообещала Роуз и, помолчав, добавила: — Правда, остается проблема с папой Марка.

— С Джорджем?

— Да, с ним. Мы все, конечно, знаем, что он звезд с неба не хватает, но он все равно отец Марка и отказывается...

Роуз запнулась, ее губы задрожали, а глаза наполнились слезами. Она бросилась в объятия к отцу и разрыдалась.

— Что толку храбриться? — всхлипывала она. — Я совсем не храбрая! Когда Марк сделал мне предложение, я ему отказала, боясь, что ты расстроишься, но это разбило мне сердце, и потом, когда он снова об этом заговорил, я согласилась. А теперь, когда мы так любим друг друга, Бог посылает нам новое испытание. И мы должны принести их семье такое ужасное несчастье! Марк, конечно, заверяет, что они справятся и что для нас это ничего не изменит, но я же знаю, что это не так! Как же я могу выйти замуж за Марка, если все время буду помнить, как его родные к тебе относятся? К тебе, кого я люблю больше всех на свете, если не считать Марка? А его отец, — снова всхлипнула Роуз, — говорит, что если Марк на мне женится, он никогда его не простит и что между нашими семьями будет вечная вражда, как у Монтеки с Капулетти, и кому нужен такой брак, если он обоим — и мне, и Марку — принесет одни несчастья?

— Моя бедная малышка, — прошептал разволновавшийся и расчувствовавшийся полковник и неловко похлопал ее по спине.

— От этого зависит счастье столько людей! — Роуз никак не могла успокоиться. — Счастье всех нас!

Отец вытер ей платком глаза и, поцеловав, отстранился. Потом подошел к окну и посмотрел на Нижний мост и выглядывавшие из-за деревьев крыши поместья Нанспардон. На площадке для гольфа никого не было.

— Знаешь, Роуз, — сказал он изменившимся голосом, — ответственность за решение лежит не только на мне. Окончательное решение еще предстоит принять, и я буду руководствоваться тем, что услышу. Не стану тебя обнадеживать, но мне кажется, что выход еще можно найти. У меня еще есть время до встречи с леди Лакландер, и я не стану с этим затягивать. Я отправлюсь прямо сейчас — зачем терять время?

Он подошел к письменному столу, отпер ящик и достал из него конверт.

— А Китти?.. — спросила Роуз.

— Да, — ответил полковник, — она знает.

— Это ты ей сказал, папа?

Полковник ответил уже в дверях. Не оборачиваясь и с нарочитой небрежностью:

— Нет-нет. Она договорилась поиграть с Джорджем в гольф, и тот, думаю, не удержался и все ей рассказал. Самонадеянности ему не занимать!

— Так она сейчас играет в гольф?

— Она? Думаю, что да, — подтвердил полковник. — По-моему, он за ней заходил. Ей полезно бывать на свежем воздухе.

— Наверное, — согласилась Роуз.

Полковник отправился с визитом к мистеру Данберри-Финну. Он прихватил с собой спиннинг, рассчитывая, что после встречи с леди Лакландер вечерняя рыбалка поможет ему успокоиться. С собой он взял верного спаниеля Скипа, приученного хорошо себя вести и не мешать хозяину.

5

Леди Лакландер посмотрела на инкрустированные алмазами часики, которые носила на необъятной груди, и обнаружила, что занималась живописью уже целых полчаса. Однако и сейчас ее старания ничем не могли порадовать.

«Просто удивительно, — подумала она, — как при моем характере и решительности полотна получают такими убогими.

Впрочем, теперь я лучше готова к встрече с Морисом Картареттом, а это многого стоит. Если он не опоздает — а он никогда не опаздывает, — то ждать осталось всего час».

Она немного развернула эскиз и, сделав несколько мазков зеленым, отошла назад, воткнула трость-сиденье в землю и, устроившись на нем, принялась разглядывать плоды своих трудов сквозь лорнет, усыпанный бриллиантами. Под тяжестью ее грузного тела ножка сиденья вдавилась в мягкую почву, и даже ограничительный диск, который не должен был этого допустить, погрузился на несколько дюймов в землю. Когда леди Лакландер вернулась к этюднику, она не стала забирать с собой трость-сиденье, оставшееся стоять на месте, напоминая огромный безобразный гриб. Торчавшую из земли конструкцию было хорошо заметно с окружающих низину холмов, откуда и разглядывал ее дальнзоркий мистер Финн, глядя поверх очков, когда подходил к Нижнему мосту в сопровождении Томазины Твитчетт. Оставаясь на правом берегу, он старался размеренными и точными движениями спиннинга забрасывать блесну как раз в то место, где чаще всего видели Старушку. Леди Лакландер, обладавшая острым слухом, по одному свисту разматывавшейся лески безошибочно определила и личность рыболова, и его действия, хотя и не видела его самого.

В это самое время на верху холма полковник Картаретт, застав в Джейкобс-Коттедж только семь кошек, обошел дом и тут же заметил внизу фигурки леди Лакландер и мистера Финна, будто нарисованные на воображаемой карте сестры Кеттл. Пожилая леди сидела на складном стульчике перед этюдником, а чудаковатый сосед медленными и расчетливыми движениями забрасывал спиннинг у Нижнего моста.

«У меня есть время переговорить с ним до встречи с ней, — подумал полковник, — но если мы разминемся, оставлю конверт здесь».

Он подсунул конверт под входную дверь мистера Финна и с беспокойным сердцем направился по тропинке к реке. Верный спаниель Скип бежал следом.

Сестра Кеттл, выглянувшая в окно гостиной капитана Сайса, увидела, как полковник спускается вниз и вскоре исчезает за рощицей.

Она еще раз размяла сильными ладонями поясницу капитана Сайса и заметила:

— Полковник отправился на вечернюю рыбалку. А вы пару дней назад ни за что бы не выдержали такую пытку массажем, верно?

— Верно, — глухо отозвался тот. — Не выдержал бы.

— Понятно. Вот и вся признательность, которой я удостоилась за свои труды!

— Нет-нет, что вы, что вы! — смутившись, забормотал он, поворачивая голову, чтобы посмотреть на нее. — Боже милостивый, как вы можете так говорить!

— Ладно-ладно, не обращайтесь внимания. Я просто пошутила. Ну вот! На сегодня мы закончили, а скоро вы вообще перестанете нуждаться в моих услугах.

— Конечно, я же не могу злоупотреблять вашей добротой вечно.

Сестра Кеттл начала собираться и, сделав вид, что не слышала последней ремарки капитана, отправилась помыть руки. Вернувшись, она застала капитана сидящим на кровати и одетым в брюки и рубашку. Сверху он накинул домашний халат и шарф.

— Господи Боже! — изумилась сестра Кеттл. — И все без посторонней помощи!

— Надеюсь, вы не откажете мне в удовольствии и перед уходом выпьете со мной.

— На работе?

— А разве вы ее не закончили?

— Что ж, ладно, я выпью с вами, только обещайте, что после моего ухода вы не продолжите праздновать в одиночку.

Капитан Сайс покраснел и пробормотал что-то насчет отсутствия альтернативы.

— Ну-ну, — засомневалась сестра Кеттл. — Займите себя чем-нибудь полезным! Вот уж причина, нечего сказать!

Они выпили, оба чувствуя, как им комфортно в обществе друг друга. Капитан Сайс поднялся и, опираясь на палку, доковылял до шкафа, откуда достал альбом с фотографиями времен своей службы на флоте. Сестра Кеттл обожала фотографии и с неподдельным интересом начала разглядывать бесконечные снимки военных кораблей, портов и сослуживцев. Перевернув очередную страницу, она неожиданно обнаружила маленькую, но мастерски выполненную

акварель корвета и иллюстрированное меню с забавными крошечными карикатурами на полях. Она искренне восхитилась ими и, заметив на лице хозяина выражение сомнения и страха, воскликнула:

— Неужели вы это нарисовали сами? Не может быть! Да вы настоящий художник!

Не говоря ни слова, он достал маленькую папку и передал ей. В ней оказались рисунки. Хотя сестра Кеттл ничего не понимала в живописи, но зато отлично знала, что именно ей нравится. А рисунки ей действительно очень понравились. Живые и реалистичные, они вызвали у нее настоящий восторг, о чем она не преминула сообщить капитану. Она уже собиралась закрыть папку, когда ее внимание привлек рисунок, лежавший лицевой стороной вниз. Перевернув его, она увидела женщину, изображенную в шезлонге и с сигаретой в нефритовом мундштуке. На заднем плане цвели яркие бугенвиллеи.

— Господи! — изумилась сестра Кеттл. — Да это же миссис Картаретт!

Если Сайс и сделал движение, чтобы выхватить рисунок, то вовремя сдержался и быстро пояснил:

— Познакомился с ней на вечеринке на Дальнем Востоке, когда был в отпуске на берегу. Уже и забыл об этом.

— Наверное, это было еще до ее замужества? — простодушно поинтересовалась сестра Кеттл. — Закрыв папку, она продолжила: — Знаете, мне кажется, вы могли бы нарисовать иллюстрированную карту Суивнингса.

Она рассказала ему о своей мечте и начала собирать свои вещи. Он тоже поднялся, не сумев сдержать возгласа боли.

— Вижу, что моя работа еще не закончена, — заметила она. — Завтра в это же время вас устроит?

— Ну конечно! — обрадованно подтвердил он. — Спасибо, огромное спасибо! — Он вымученно ей улыбнулся и проводил взглядом до роши. Время было без четверти девять.

6

Сестра Кеттл оставила велосипед в деревне, где собиралась провести вечер в женском благотворительном обществе, и решила добраться до нее по тропинке, ведущей к реке. Над речной долиной сгущались сумерки, и в наступившей тишине шаги по утрамбованной почве раздавались особенно гулко. Она спускалась с холма, невольно

прислушиваясь, и однажды даже остановилась и оглянулась. Сзади послышался характерный звук спущенной тетивы и тут же глухой удар стрелы в мишень. Улыбнувшись, она продолжила путь. Тишину наступавшей ночи нарушали только редкие и привычные звуки сельской жизни да негромкое журчание воды в реке.

Она не стала переходить Нижний мост и направилась по правому берегу мимо зарослей бузины и ивняка. Серповидные ивы, росшие от кромки берега до луга, в сумерках казались призрачными. В воздухе стоял запах листьев и сырой почвы. Как порой бывает с одинокими путниками, сестре Кеттл почудилось, будто за ней наблюдают, но она, будучи здравомыслящей женщиной, выкинула эти мысли из головы.

«Становится прохладно», — подумала она.

Неожиданно из зарослей ивы послышался громкий скорбный вой, нарушивший ночную тишину. Из зарослей прямо перед ней выпорхнул дрозд. Вой на мгновение оборвался и тут же раздался снова. Это выла собака.

Сестра Кеттл пробралась сквозь заросли и вышла на открытое место у самого берега. Там лежало тело полковника Картаретта, которого оплакивал его верный спаниель Скип.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Нижний луг

1

Сестре Кеттл уже приходилось иметь дело со смертью. Она и без горестного воя Скипа сразу поняла, что человек, лежавший ничком на прибрежной траве, мертв. Опустившись рядом на колени, она просунула руку под твидовый пиджак и шелковую сорочку и поняла, что труп уже остывал. Лицо мужчины закрывала твидовая шляпа с заткнутыми за ленту блеснами. Похоже, что ее специально так положили. Она взяла шляпу и застыла на месте. На виске полковника зияла огромная вмятина, похожая на удар молотком по вылепленной из воска голове. Спаниель задрал голову и снова завыл.

— Да замолчи ты! — в сердцах воскликнула сестра Кеттл и, положив шляпу на место, поднялась, нечаянно задев головой ветку. Птицы, устроившиеся было на ночь в ивняке, забеспокоились, и некоторые с криком вспорхнули в воздух. В реке равнодушно журчала

и булькала вода, а из нанспардонского леса раздавалось гулкое уханье совы.

«Его убили», — подумала сестра Кеттл.

В ее голове вихрем пронеслись все постулаты полицейского расследования, почерпнутые из столь любимых ею детективов. Она вспомнила, что тело ни в коем случае нельзя трогать. Нужно немедленно сообщить о случившемся в полицию, но послать туда было некого. Еще, кажется, нельзя оставлять тело без присмотра, но чтобы добраться до телефона или известить мистера Олифанта, — сержанта полиции Чайнинга — ей придется на это пойти. Правда, у тела наверняка останется спаниель, который будет сидеть рядом и выть. Хотя становилось темно, а луна еще не взошла, возле тела полковника еще было видно поблескивавшую в траве чешую и лезвие ножа. В шаге ближе к воде лежал спиннинг. Конечно, трогать ничего нельзя. Сестра Кеттл вдруг подумала о капитане Сайсе, которого, как она недавно узнала, звали Джеффри, и от души пожалела, что его не было рядом, чтобы помочь ей. Эта неожиданная мысль ее сильно удивила саму, и в некотором смятении она поспешила переключиться с Джеффри Сайса на Марка Лакландера.

«Нужно связаться с доктором», — решила она.

Сестра Кеттл потрепала Скипа, который жалобно заскулил и поскребся когтями о ее колени.

— Не нужно выть, песик, — сказала она дрогнувшим голосом. — Хороший мальчик! Сиди тихо! — С этим напутствием она взяла сумку и тронулась в путь.

Выбираясь из ивняка, сестра Кеттл впервые задумалась о том, кто же мог лишить полковника Картаретта жизни. Где-то хрустнула ветка.

«А что, если убийца еще где-то рядом?! — вдруг сообразила она. — Господи, спаси и помилуй!» Она ускорила шаг и быстро направилась по тропинке к Нижнему мосту, стараясь не смотреть на густые заросли и темные прогалины по сторонам. В зашторенных окнах всех трех усадеб на подножии холма виднелся свет, но до них, казалось, было очень далеко.

Сестра Кеттл перешла через Нижний мост и стала подниматься по извилистой тропинке, огибавшей площадку для гольфа, пока не добралась до рощи возле поместья Нанспардон. Только сейчас она вспомнила, что у нее в сумке имелся фонарь. Она вытащила его и

сообразила, что задыхается. Решив, что она запыхалась от слишком быстрого подъема, сестра Кеттл призвала себя сохранять спокойствие. Речная тропинка шла вдоль роши и выходила на дорогу, ведущую в поместье, но можно было срезать путь, направившись до усадьбы напрямиком через рощу. Так она и сделала и вскоре оказалась перед открытыми воротами, за которыми виднелся внушительный фасад георгианского особняка.

Открывший дверь лакей был ей знаком.

— Это снова я, Уильям, — сказала сестра Кеттл. — Доктор сейчас дома?

— Он вернулся около часа назад, мисс.

— Мне нужно его увидеть. Это срочно.

— Вся семья сейчас в библиотеке, мисс. Я узнаю...

— В этом нет необходимости, — возразила сестра Кеттл. — Впрочем, как угодно. Поступайте, как считаете нужным, но я все равно пойду за вами. Попросите его выйти и поговорить со мной.

Лакей с сомнением взглянул на нее, но, увидев выражение ее лица, смирился. Он пересек большой холл, открыл дверь в библиотеку и, оставив ее открытой, громко объявил:

— Мисс Кеттл к доктору Лакландеру, миледи.

— Ко мне? — удивился Марк. — О Господи! Хорошо, я сейчас выйду.

— Пусть она войдет! — распорядилась леди Лакландер. — Поговори с ней здесь, Марк. Я хочу повидать Кеттл.

Услышав эти слова, сестра Кеттл быстро вошла в библиотеку, не дожидаясь приглашения. Все трое Лакландеров сидели в креслах, но при виде вошедшей женщины Джордж и Марк поднялись. Марк внимательно на нее посмотрел и тут же подошел.

— Кеттл! Что случилось? Да на тебе лица нет! — воскликнула леди Лакландер.

— Добрый вечер, леди Лакландер, — ответила сестра Кеттл. — Добрый вечер, сэр Джордж. — Заложив руки за спину, она подняла глаза на Марка: — Я могу обратиться к вам, сэр? Случилось несчастье!

— Слушаю, сестра. С кем?

— С полковником Картареттом, сэр.

На лицах присутствующих застыло выражение недоумения, будто все они спрятались за масками.

— Какое несчастье? — поинтересовался Марк.

Он встал так, чтобы ее лица не видели ни бабушка, ни отец. Сестра Кеттл губами произнесла: «Убит!»

— Давайте выйдем, — предложил он, взяв ее под локоть.

— Ни в коем случае! — вмешалась леди Лакландер, с трудом поднявшись из кресла и подходя к ним. — Ни в коем случае, Марк. Что случилось с Морисом Картареттом? Не надо от меня ничего скрывать. В этом доме я, пожалуй, лучше других сейчас способна соображать. Так что случилось с Морисом?

Марк, продолжая держать сестру Кеттл под руку, ответил:

— Хорошо, бабушка. Сестра Кеттл расскажет нам, что произошло.

— Тогда приступим к делу. А если все действительно так плохо, как можно решить, глядя на вас, то давайте лучше присядем. Ты хотел что-то сказать, Джордж?

Джордж, издавший до этого какой-то нечленораздельный звук, сейчас отрывисто произнес:

— Да, мама. Разумеется.

Марк подвинул кресло сестре Кеттл, и она с благодарностью в него опустилась, чувствуя, как дрожат колени.

— Итак, выкладывай, Кеттл! — сказала леди Лакландер. — Он ведь мертв, верно?

— Да, леди Лакландер.

— Где он? — поинтересовался сэр Джордж.

Сестра Кеттл рассказала, где нашла тело.

— А когда, — вмешалась леди Лакландер, — ты обнаружила его?

— Я сразу пришла сюда, леди Лакландер.

— Но почему сюда, Кеттл? Почему не в его поместье?

— Я должен сообщить об этом Китти, — сказал сэр Джордж.

— Я должен пойти к Роуз, — одновременно с ним произнес Марк.

— Кеттл, — обратилась к ней леди Лакландер, — ты произнесла слово «несчастье». Что ты имела в виду?

— Его убили, леди Лакландер, — пояснила сестра Кеттл.

После этих слов она вдруг обратила внимание на удивительное внешнее сходство представителей трех поколений Лакландеров. Однако если широко расставленные глаза и крупный рот у леди Лакландер и Марка навевали мысль о благородстве, то у сэра Джорджа они, напротив, свидетельствовали о некоем простодушии. У него

отвисла челюсть, и при всей его несомненной импозантности выглядел он сейчас далеко не лучшим образом. Так и не дождавшись никакой реакции со стороны хозяев, сестра Кеттл добавила:

— Поэтому я и решила сообщить сначала вам, сэр.

— Вы хотите сказать, — громко произнес сэр Джордж, — что полковник лежит убитый у меня на лугу?

— Да, сэр Джордж, — подтвердила сестра Кеттл. — Именно это я и хочу сказать.

— Как его убили? — спросил Марк.

— Ударами по голове.

— Ошибки, разумеется, быть не может.

— Не может.

Марк перевел взгляд на отца.

— Нужно позвонить главному констеблю, — сказал он. — Ты не займешься этим, отец? А я отправлюсь туда с сестрой Кеттл. И кто-то должен дождаться полицию дома. А если до главного констебля дозвониться не удастся, то, может, свяжешься с сержантом Олифантом из Чайнинга?

Сэр Джордж пригладил усы.

— Полагаю, что я сам могу решить, чем мне лучше заняться.

— Не дури, Джордж. Мальчик совершенно прав, — вмешалась леди Лакландер.

Джордж побагровел, но послушно направился к телефону.

— А как же нам быть с Роуз и этой... женой полковника? — поинтересовалась старая леди.

— Бабушка... — начал было Марк, но решительный жест пухлой, унизанной бриллиантами руки его остановил.

— Да-да! — сказала леди Лакландер. — Ты, конечно, хотел бы сам сообщить обо всем Роуз, но я уверена, что лучше это сделать мне. Я останусь у них и дождусь, когда ты придешь. Распорядись, чтобы мне подали машину.

Марк позвонил в колокольчик.

— Отправляйся прямо сейчас и прихвати с собой мисс Кеттл, — добавила она. Обычно леди Лакландер соблюдала формальности, только когда говорила о ком-то в третьем лице. При личном общении она их опускала. Так вышло и сейчас. — Кеттл, — продолжила она, обращаясь к медсестре, — мы очень тебе благодарны и не хотели бы

навязывать свое мнение. Как ты сама считаешь: тебе лучше поехать со мной или вернуться туда с моим внуком?

— Спасибо, леди Лакландер, я пойду с доктором. Мне кажется, — сдержанно добавила она, — что раз я нашла тело, мне придется давать показания.

Они с Марком уже были в дверях, когда их остановил голос старой леди:

— Не исключено, что если я была последней, с кем он разговаривал, то показания придется давать и мне.

2

В Хаммер-Фарм собралась довольно пестрая компания. Китти Картаретт, Марк Лакландер и сестра Кеттл ждали в гостиной, а леди Лакландер сидела с Роуз в кабинете полковника. Она прибыла в поместье на большом белом автомобиле, когда Марк с сестрой Кеттл ждали приезда полиции, а Джордж пытался дозвониться в полицейский участок Чайнинга. Он вдруг вспомнил, что являлся мировым судьей и, судя по всему, решил пообщаться со своими коллегами по отправлению правосудия.

Таким образом, леди Лакландер самой пришлось сообщить о смерти полковника его жене, которую она нашла в гостиной, одетой в те же обтягивающие черные бархатные брюки и яркую оранжевую блузку. За свою долгую жизнь за рубежом леди Лакландер повидала немало эксцентричных дамских туалетов на дипломатических приемах и была прекрасно осведомлена о хищнических повадках женщин, которых на Дальнем Востоке имела обыкновение называть морскими охотницами. Она уже давно составила мнение о Китти Картаретт, но была готова признать за ней и достоинства, если бы Китти их обнаружила.

— Моя дорогая, боюсь, что принесла вам дурные вести, — сказала она. Видя, как Китти вдруг переменялась в лице от страха, леди Лакландер решила, что та испугалась неприятного разговора о Джордже.

— Вот как? — сказала Китти. — И что же это за «дурные вести»?

— О Морисе, — пояснила леди Лакландер. — Такие, что хуже не бывают, — добавила она и, сделав паузу, все рассказала.

— Умер? — переспросила Китти. — Морис умер? Это невозможно! Как он мог умереть? Он ловил рыбу, а потом, наверное,

зашел пропустить стаканчик. — Пальцы с длинными наманикюренными ногтями начали предательски дрожать. — Как он мог умереть? — повторила она.

Леди Лакландер пересказала, что ей было известно, и Китти разрыдалась, сцепив пальцы и свесив голову. Затем она нетвердой походкой направилась к столику с набором для грога и трясущимися руками налила себе выпить. Леди Лакландер невольно обратила внимание, что привычка покачивать бедрами оказалась сильнее перенесенного потрясения.

— Вот это правильно, — заметила леди Лакландер, слушая, как горлышко графина стучит о край бокала.

Китти неуверенно предложила ей тоже выпить, но старая дама вежливо отказалась.

«Что за ужасные манеры! — невольно подумала она. — Неужели Джордж решит на ней жениться? Как тогда мне быть?»

Как раз в эту минуту за стеклянными дверями, выходящими в сад, показались сестра Кеттл и Марк, и леди Лакландер помахала им рукой.

— А вот и мой внук с сестрой Кеттл, — сказала она, обращаясь к Китти. — Вы не против, если они зайдут? Они же не помешают?

— Нет, конечно. Разумеется, пожалуйста, — ответила Китти дрожащим голосом.

— Там остался сержант Олифант, — негромко сообщил Марк. — Они собираются звонить в Скотленд-Ярд. А Роуз?..

— Пока не знает. Она где-то в саду.

Марк направился к Китти и заговорил с ней ровным и рассудительным тоном, чем вызвал одобрителный взгляд своей бабушки. Китти немного успокоилась, и Марку удалось усадить ее в кресло. Сестра Кеттл деловито забрала у нее пустой бокал. Услышав в холле нежный мелодичный голос, напевавший «Пусть смерть скорей за мной придет...», Марк порывисто обернулся.

— Я сама пойду к ней, — сказала старая леди, — и позову тебя, как только она попросит.

С неожиданным для своего возраста и комплекции проворством она устремилась в холл. Песенка о смерти резко оборвалась, и леди Лакландер закрыла за собой дверь.

Китти Картаретт немного пришла в себя, но продолжала время от времени судорожно всхлипывать.

— Извините, — сказала она, переводя взгляд с сестры Кеттл на Марка. — Спасибо. Это такой шок!

— Да, дорогая, конечно, — отозвалась сестра Кеттл.

— Знаете, мне до сих пор в это не верится. Понимаете?

— Да, конечно, — заверил ее Марк.

— Это так странно... Морис! — Она посмотрела на Марка. — А это правда, что его убили?

— Боюсь, что да.

— Я и забыла, — рассеянно пробормотала она, — что вы его осматривали. Ведь вы же доктор! — Ее губы задрожали, и она провела по ним тыльной стороной ладони, размазав по щеке помаду. То, что она даже не подумала об этом, без слов говорило о том, насколько сильным оказалось потрясение. — Нет, этого не может быть! Я не верю! Мы видели, как он рыбачил у реки! — И вдруг она неожиданно спросила: — А где Джордж?

Сестра Кеттл заметила, как Марк застыл на месте.

— Вы о моем отце? — поинтересовался он.

— О да, конечно, как же я могла забыть! — сказала она, снова качая головой. — Он же ваш отец! Господи, как глупо!

— Он сейчас улаживает пару неотложных дел. Дело в том, что полицию надо было известить немедленно.

— Джордж вызывает полицию?

— Он связался с ними. Я думаю, он придет, как только сможет.

— Да, — кивнула Китти. — Я тоже так думаю.

Сестра Кеттл заметила, как Марк поджал губы, и в этот момент появился и сам Джордж, чье присутствие только усилило неловкость.

Сестра Кеттл обладала несомненным талантом вовремя ретироваться в любое подвернувшееся укрытие, что она с блеском продемонстрировала и на этот раз. Она вышла на террасу через стеклянную дверь, закрыла ее за собой и устроилась в плетеном кресле лицом к темной аллее, но так, чтобы ее саму было хорошо видно. Марк с удовольствием последовал бы за ней, однако остался в гостиной. Его отец, смотревшийся очень эффектно, ничуть не смущаясь, направился напрямик к Китти, и та протянула ему левую руку жестом, который показался Марку пошлым. Сэр Джордж,

склонившись, поцеловал руку, всем своим видом выражая смирение, почтение, печаль и преданность.

— Моя дорогая Китти, — произнес сэр Джордж проникновенным тоном, — мне ужасно, просто невыразимо жаль. Ну что здесь скажешь? И чем тут можно помочь?

Судя по всему, своими словами и действиями ему в отличие от всех других удалось смягчить горечь понесенной Китти утраты, что не замедлило моментально сказаться на ее поведении. Заглянув ему в глаза, она сказала:

— Я так тронута.

Сэр Джордж присел рядом, взял ее за руку и, заметив присутствие сына, обратился к нему:

— Подожди немного, мне нужно кое-что тебе сказать.

Марк уже собирался выйти на террасу, но тут открылась дверь, и в комнату заглянула леди Лакландер.

— Марк? — позвала она, и он тут же вышел в холл.

— Она в кабинете, — сообщила ему старая леди, и через мгновение Роуз уже горько рыдала в его объятиях.

— Не обращайтесь на меня внимания, — попросила леди Лакландер. — Мне надо позвонить в Скотленд-Ярд. Твой отец сказал, что полиция к ним уже обратилась, и я попрошу прислать сюда сына Хелены Аллейн.

Марк, как раз целовавший волосы Роуз, отвлекся, чтобы спросить:

— Ты имеешь в виду старшего инспектора Аллейна, бабушка?

— Я понятия не имею, в каком он звании, но двадцать пять лет назад, когда он решил уйти с дипломатической службы в полицию, он был очень славным молодым человеком. Центральная? Это Гермiona, леди Лакландер. Мне нужен Скотленд-Ярд в Лондоне. Звонок очень срочный и касается убийства. Да, убийства. Вы меня очень обяжете, если соедините немедленно. Спасибо. — Она бросила взгляд на Марка. — При данных обстоятельствах я предпочитаю иметь дело с джентльменом.

Марк усадил Роуз на стул и, опустившись рядом на колени, нежно вытирал ей слезы.

— Алло! — после удивительно короткой паузы снова заговорила старая леди. — Скотленд-Ярд? Вас беспокоит Гермiona, леди Лакландер. Я хотела бы поговорить с мистером Родериком Аллейном.

Если его нет на месте, то вы наверняка знаете, как с ним связаться. Я понятия не имею, в каком он звании...

Она продолжила разговор холодным, властным и полным достоинства тоном аристократки, привыкшей повелевать.

Марк вытирал Роуз глаза, а его отец, оставшись наедине с Китти в гостиной, взволнованно бормотал:

— Мне искренне жаль, что вам пришлось пережить такое ужасное потрясение, Китти.

Китти устремила на него взгляд, полный печали.

— Наверное, это шок, — равнодушно произнесла она. — Я вовсе не такая бесчувственная, какой меня все считают. — Видя его бурные протесты, она мягко добавила: — О, я отлично знаю, что обо мне начнут говорить. Не вы, конечно, но все остальные. Они скажут, что я притворяюсь и только разыгрываю скорбь. Я здесь чужая, Джордж.

— Не надо так говорить, Китти, послушайте... — В его голосе появились умоляющие нотки. — У меня к вам есть просьба... если вы просто посмотрите... ну... я имею в виду ту вещь... вы понимаете... если ее найдут...

Она безучастно его слушала.

— Я понимаю, как ужасно просить вас об этом сейчас, — не унимался Джордж, — но, Китти, от этого так много зависит! Я знаю, что вы поймете меня правильно!

— Да. Хорошо, — ответила Китти. — Ладно, только дайте мне подумать.

Сестру Кеттл встревожили несколько крупных капель, упавших на террасу.

«Будет гроза, — сказала она себе. — Настоящий летний ливень».

Понимая, что она явно окажется лишней и в гостиной, и в кабинете, сестра Кеттл решила перебраться в холл. Не успела она уйти с террасы, как над долиной разразился ливень.

3

Аллейн и Фокс заработались допоздна, завершая кропотливое дело о растрате. Без двадцати десять они закончили, Аллейн закрыл папку и хлопнул по ней ладонью.

— Ужасный тип, — подытожил он. — Надеюсь, он получит по максимуму. И поделом! Предлагаю что-нибудь выпить, дружище Фокс.

Трой и Рикки уехали за границу, и я сейчас временно холостякую, от чего отнюдь не в восторге. Что скажешь?

Фокс почесал подбородок.

— Звучит заманчиво, мистер Аллейн, так что уговаривать меня не придется, — ответил он.

— Отлично! — Аллейн окинул взглядом свой кабинет в Скотленд-Ярде. — Бывают моменты, когда родные стены кажутся совершенно чужими. Жуткое ощущение! Пошли, пока есть такая возможность.

Они уже были в дверях, когда раздался звонок телефона. Фокс беззлобно чертыхнулся и взял трубку.

— Кабинет старшего инспектора, — сказал он. — Да, он здесь. — Продолжая слушать, Фокс вопросительно посмотрел на начальника.

— Скажи им, что я умер, — с досадой посоветовал Аллейн.

Фокс прикрыл трубку ладонью.

— Говорят, что звонит некая леди Лакландер из какого-то Суивнингса.

— Леди Лакландер? Господи Боже! Да это же вдова старого сэра Гарольда Лакландера! — изумился Аллейн. — Что с ней могло случиться?

— Старший инспектор ответит на звонок, — сообщил Фокс дежурному.

Аллейн вернулся за стол и взял трубку. В ней слышался настойчивый голос пожилой дамы:

— ...Я понятия не имею, в каком он звании и находится ли сейчас на месте, но настоятельно прошу вас разыскать мистера Родерика Аллейна. С вами говорит Гермiona, леди Лакландер. Это Скотленд-Ярд? Вы меня слышите? Я хочу поговорить с...

Аллейн не без опаски представился.

— Наконец-то! Что же вы сразу не назвали? Это Гермiona Лакландер. Не стану тратить времени, чтобы напоминать, кто я такая. Вы — сын Хелены Аллейн, и мне нужна ваша помощь. Только что убили моего друга, и я узнала, что полиция обратилась в Скотленд-Ярд. Я хочу, чтобы расследованием занялись вы лично. Полагаю, это можно устроить?

Не переставая удивляться, Аллейн ответил:

— Боюсь, что это зависит не от меня, а от заместителя комиссара полиции.

— А он кто?

Аллейн объяснил.

— Соедините меня с ним! — потребовала она.

Зазвонил второй телефон. Фокс взял трубку и через мгновение поднял руку, привлекая внимание шефа.

— Одну минутку, леди Лакландер, — сказал Аллейн, но голос не унимался, и детектив, прижав трубку к груди, раздраженно посмотрел на Фокса: — Что там еще?

— Звонят из управления, сэр. Срочный вызов в Суивнингс. Дело об убийстве.

— Боже милостивый! И поручают нам?

— Нам, — бесстрастно подтвердил Фокс.

— Леди Лакландер? — вернулся к разговору Аллейн. — Похоже, это расследование поручили мне.

— Рада слышать, — заявила та. — И очень прошу во всем хорошенько разобраться. Увидимся! — неожиданно игриво закончила она и повесила трубку.

Тем временем Фокс записывал вводные данные, которые ему диктовали по телефону.

— Я передам мистеру Аллейну, — говорил он. — Да, очень хорошо. Я обязательно передам ему. Спасибо. — Повесив трубку, он повернулся к шефу: — Убит полковник Картаретт. Мы едем в местечко Чайнинг в Барфорд-Шире, где нас ждет местный сержант полиции. Дорога займет два часа. Все готово.

Аллейн уже забрал свою шляпу, пальто и дорожный чемоданчик. Фокс последовал его примеру, и через минуту они уже шли по коридорам, где круглосуточно кипела работа.

Ночь выдалась душной и жаркой. Над Ист-Эндом полыхали зарницы, в воздухе пахло бензином и пылью.

— И почему мы не служим в речной полиции? Вот где работа — сплошные прогулки по воде, — проворчал Аллейн.

У входа их ждала машина с сержантами уголовной полиции Бейли и Томпсоном, чьи вещи уже были погружены. Когда они тронулись, часы на башне парламента пробили десять.

— Это удивительная женщина, Фокс, — сказал Аллейн. — Напористая, грузная и на редкость умная. Моя мать, которая сама не робкого десятка, всегда боялась Гермiony Лакландер.

— В самом деле? Это ее муж умер совсем недавно?

— Он самый. Четверть века назад он был одним из моих начальников на дипломатической службе. Потрясающий, если не сказать великий человек. Но с ней уже тогда нельзя было не считаться. Как она оказалась причастна ко всему этому? И что вообще произошло?

— Некий полковник по имени Морис Картаретт был найден у реки мертвым. Тамошний главный констебль обратился в Скотленд-Ярд за помощью, поскольку у него нет людей — все их силы сейчас брошены на обеспечение визита королевы в Симинстер.

— Кто нашел тело?

— Местная медсестра. Примерно час назад.

— Интересно, — задумчиво протянул Аллейн, — зачем это старой леди вдруг понадобилось разыскивать меня?

— Полагаю, — простодушно заявил Фокс, — что она предпочитает иметь дело с людьми своего круга.

— Думаешь? — рассеянно ответил Аллейн. Их дружба позволяла им говорить друг с другом откровенно и без обиняков. — До войны, — продолжил он рассказ о Лакландерах, — старик был Chargé d’Affaires[5] в Зломце. Помнится, там случился инцидент, расследованием которого занималась Специальная служба департамента уголовного розыска. После очень неприятной утечки информации, когда содержание секретной депеши стало известно иностранной разведке, один сотрудник покончил жизнь самоубийством. Говорили, что он был связан с ее агентами. Я тогда работал в Специальной службе и занимался расследованием. Может, вдова хочет оживить кое-какие воспоминания, а может, что-нибудь еще. Не исключаю, что она просто правит этой деревушкой Суивнингс, убитыми полковниками и всеми остальными с таким же мастерством, как некогда управляла светской жизнью мужа. Тебе приходилось бывать в Суивнингсе, Фокс?

— Вроде бы нет, сэр.

— А мне приходилось. Пару лет назад Трой останавливалась там на неделю, чтобы порисовать. Чисто внешне деревушка очень мила, а по сути просто изумительна каким-то своеобразным патриархальным покоем. Но после наступления темноты так и кажется, что вокруг происходят разные чудеса. Это одна из самых древних деревень в

Англии, а ее название означает «грезы». В долине случались битвы — не помню, какие именно — еще в доисторические времена. Там было сражение во время восстания Боллингброка и еще одно в эпоху гражданских войн. Так что полковник — не первый солдат, чья кровь пролилась в Суивнингсе.

— Такое их дело, — загадочно подвел черту Фокс.

Они долго ехали молча, лишь изредка обмениваясь обычными для друзей замечаниями.

— Похоже, впереди грозовой фронт, — сообщил Аллейн.

На лобовое стекло упали первые крупные капли, и через мгновение на машину обрушились потоки ливня.

— Как раз кстати для осмотра места преступления, — проворчал Фокс.

— Может, там дождя и нет. Хотя... черт, мы почти приехали. Это Чайнинг. Что означает «зевание», или «зевота».

— «Зевота» и «грезы», — повторил Фокс. — Забавное местечко, нечего сказать! А что это за язык такой, мистер Аллейн?

— Староанглийский времен Чосера, только не считай меня его знатоком. А здешняя округа Вэйл-оф-Траунс в современном звучании вообще означала бы «бурую учебу». Откуда это взялось — одному Богу известно, но что есть то есть. А вон и полицейский участок!

Они вылезли из машины и вдохнули посвежевший воздух. Дождь барабанил по крышам домов и низвергался потоками вниз по стенам. Аллейн прошел в типичное здание полицейского участка графства, где его встретил высокий белобрысый сержант.

— Старший инспектор Аллейн, сэр? Сержант Олифант. Очень рад знакомству, сэр.

— Детектив-инспектор Фокс, — представил Аллейн своего напарника.

После торжественного обмена рукопожатиями сержант Олифант пожаловался на традиционную нехватку людей, которая уже стала притчей во языцех во всех полицейских участках.

— В полиции графства совсем мало сотрудников, и случись нечто подобное, мы не знаем, за что хвататься. Главный констебль меня спросил: «Мы можем обойтись своими силами, Олифант? Если попросить подкрепление из Симистера, может, справимся сами?» И я, мистер Аллейн, был вынужден сказать, что нет.

— Надо же! — не удержался Фокс.

— Вот именно, мистер Фокс, — оживился Олифант. — Если нет людей, то что можно сделать? Я направил своего единственного констебля охранять тело и остался в полном одиночестве. Ну что, мистер Аллейн, может, поедем? Погода, как вы сами видите, подвела.

Аллейн и Фокс поехали в машине сержанта, а Бейли с Томпсоном тронулись следом. По дороге сержант Олифант ввел их в курс дела. Сэр Джордж Лакландер позвонил главному констеблю сэру Джеймсу Панстону, а тот, в свою очередь, связался с Олифантом без четверти девять. После этого Олифант с констеблем отправились на Нижний луг, где и обнаружили тело полковника Картаретта и ждавших там доктора Марка Лакландера и медсестру Кеттл. Они сняли показания с сестры Кеттл и попросили ее далеко не отлучаться. Доктор Лакландер осмотрел тело в присутствии Олифанта, после чего отправился известить о случившемся родственников покойного, прихватив с собой сестру Кеттл. Сержант вернулся в Чайнинг и доложил обо всем главному констеблю, который решил обратиться за помощью в Скотленд-Ярд. Констебль остался охранять тело погибшего. Еще там остался спаниель полковника Картаретта, поскольку собака так и не дала себя увести.

— А что вы об этом думаете, Олифант? — поинтересовался Аллейн. Услышать подобный вопрос от сотрудника Департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда было настоящим бальзамом для любого полицейского графства, и сержант буквально расцвел.

— Я бы не сказал, что у меня сложилось какое-то мнение, сэр. Это было бы преувеличением. Но я позаботился о том, чтобы место преступления никто не потревожил. Тело лежит на гальке излучины реки, которую опоясывают заросли ивняка. Оно лежит на боку, немного скрючившись, будто полковник стоял на коленях, когда его ударили. Лицо закрыто шляпой. Сестра Кеттл ее поднимала, когда нашла тело, и еще ее поднимал доктор Лакландер, когда осматривал рану на левом виске. Огромная и грязная пробоина, — продолжал сержант уже не так официально, — с «рваными краями», как выразился доктор. При виде раны моего констебля вывернуло наизнанку, что понятно, ведь прежде он имел дело только с пьянчугами да дебоширами.

Аллейн и Фокс в нужном месте предусмотрительно хмыкнули, и Олифант продолжил:

— Мы посветили вокруг фонарями, но никакого орудия убийства нам найти не удалось. Я очень старался не затоптать место преступления.

— Превосходно! — одобрил Аллейн.

— Действовал по инструкции, сэр, верно?

— А вы, случайно, не заметили чего-нибудь необычного? — поинтересовался Аллейн. Он задал вопрос скорее из вежливости, чем из любопытства, но реакция сержанта его удивила. Сержант хлопнул по рулю своими веснушчатými ручищами и громко фыркнул.

— Еще как заметил! — закричал он. — Клянусь Богом, это всем бросилось в глаза! Сразу! Скажите, сэр, вы любите ловить рыбу?

— Ну-у, рыболов я так себе, скорее неважный, чем хороший, но езжу на рыбалку, когда есть возможность. А что?

— Тогда слушайте! — оживился сержант Олифант, и из его речи исчезла всякая официальность. — В нашей реке водится огромная рыба, такая большая, что вам и не снилась! Хитрая до невозможности и осторожная донельзя! Постоянно прячется и сидит в засаде! А иногда все-таки показывается и всплывает на поверхность. Всего три раза хватала наживку! Один раз у убитого полковника, и случилось это пару недель назад, а кончилось тем, что у того сломался спиннинг, а блесна так и осталась во рту форели — вот какая силища! Один раз у покойного сэра Гарольда Лакландера, который сам потом признался, что промешкал с подсечкой, а последний... — Олифант едва сдерживался от возбуждения, — последний раз ее полковник все-таки вытащил! И лежала она возле его тела! Никак не меньше пяти фунтов! Говорю со знанием дела. Представляете? Если ему и суждено было умереть, то после такого подвига и смерть не страшна. Я, понятное дело, говорю о полковнике, а не форели, или, как мы здесь ее зовем, Старушке, мистер Аллейн.

Они проехали по дороге долину и теперь поднимались по склону холма в сторону деревни. Напротив «Мальчишки и осла» Олифант затормозил. На освещенном крыльце стоял мужчина в макинтоше и твидовой шляпе.

— Главный констебль, сэр, — сообщил Олифант. — Сэр Джеймс Панстон. Он предупредил, что приедет вас встретить.

— Я поговорю с ним, а потом поедем дальше. Подождите минутку.

Аллейн перешел дорогу и представился мужчине. Главный констебль оказался крепким загорелым мужчиной, который в свое время служил старшим комиссаром полиции в Индии.

— Я подумал, что стоит приехать и увидеть все своими глазами, — объяснил сэр Джеймс. — Ужасное несчастье. А Картаретт был очень достойным человеком. Не могу представить, кто мог поднять на него руку, но вы наверняка во всем сумеете разобраться. Я пойду с вами. И погода хуже некуда, верно?

Подъехала лондонская машина и припарковалась за автомобилем Олифанта. Из нее вылезли Бейли, Томпсон и водитель и начали разгружать багаж, привычно не обращая внимания на дождь. Как только они закончили, все направились по едва заметной тропинке вниз по холму. Под ногами хлюпала грязь, а лучи фонарей выхватывали из темноты струи дождя и блестящие от воды заросли дрока. Дорогу показывал главный констебль.

— Эту тропинку называют Речной, — пояснял он по ходу. — Она проходит через усадьбу Нанспардон и упирается в Нижний мост, который нам надо будет перейти.

Я слышал, что вам звонила старая леди.

— Это правда, — подтвердил Аллейн.

— Вашему начальству повезло, что оно само решило вас сюда направить. Иначе ему бы несдобровать!

— Не понимаю, какое отношение она имеет ко всему этому.

— Формально — никакого. Но с первых дней своего появления в Нанспардоне она сразу решила, что будет управлять Чайнингом и Суивнингом. И местные жители отнюдь не были против этого. Наверное, сработали какие-то феодальные инстинкты. Кое-где в глуши они еще сохраняются. А Суивнингс — как раз одно из таких глухих мест. И Гермiona, леди Лакландер, устроила здесь все на свой манер. — Сэр Джеймс продолжал рассказывать о местном укладе жизни, пока путники, то и дело скользя на мокрой траве и хлюпая по грязи, с трудом продвигались вперед. Он рассказал о семье Картаретт и их соседях, особенно красочно описав леди Лакландер.

— Вот вам вкратце местные сплетни, — сообщил он. — Здесь все знают всех, и так продолжается уже несколько веков. Никаких

нуворишей в Суивнингсе никогда не селилось. Лакландеры, Финны, Сайсы и Картаретты жили в своих поместьях на протяжении многих поколений. Они все довольно дружны между собой, правда, в последние годы между Лакландерами и старым Финном отношения немного испортились. Кстати, раз уж мы об этом заговорили, Морис Картаретт повздорил с Финном, кажется, из-за рыбалки. Правда, старый Октавиус действительно немного не в себе. Без конца со всеми ссорится. А вот Картаретт, напротив, всегда был очень славным и любезным. Чересчур, правда, вежливым и чертовски учтивым, особенно с теми, кто ему не нравился или с кем разошелся во мнениях. Но чтобы искать ссоры — никогда! Кстати, я слышал, — продолжал сплетничать сэр Джеймс, — что между Картареттом и Джорджем Лакландером тоже пробежала черная кошка. Ну да что там! А вот и наш мост.

Они перешли мост под мерный стук капель по воде. Оказавшись на другом берегу, они сразу увязли в грязи и решили держаться тропинки, где почва была потверже. В ботинках Аллейна хлюпала вода, а с полей шляпы стекали струйки.

— Это же надо, какой ливень! — возмущался главный констебль. — Уничтожит все улики!

По лицу Аллейна больно хлестнула мокрая ветка ивы. На холме справа светились окна трех поместий. Однако вскоре процессию обступили деревья, и окна исчезли.

— А оттуда видно место преступления? — поинтересовался Аллейн, показывая на дома.

— Нет, сэр, — ответил сержант Олифант. — Мешают деревья вокруг домов и заросли ивы. Оттуда видно только участок берега за мостом и прямо перед ним.

— Это земли мистера Данберри-Финна, верно? — спросил главный констебль. — Выше моста?

— Мистера Данберри-Финна? — насторожился Аллейн.

— Мистера Октавиуса Данберри-Финна, если именовать полностью. На первой части фамилии он и сам не настаивает. Он — тот самый местный чудака, о котором я уже говорил. Живет в доме наверху. У нас нет деревенского дурачка, но зато есть сварливый старый джентльмен. Так даже шикарнее, — язвительно заметил сэр Джеймс.

— Данберри-Финн, — повторил Аллейн. — А он никак не связан с Лакландерами?

— Разве что местом жительства, — коротко ответил сэр Джеймс. Он углубился в заросли камыша и говорил уже не так уверенно, как раньше.

Где-то совсем рядом послышался жалобный вой собаки, и чей-то низкий голос произнес:

— Ну перестань! Сколько можно!

Впереди мелькнул луч фонаря.

— Пришли! — сообщил сэр Джеймс. — Гриппер, это ты?

— Да, сэр, — ответил низкий голос, и лучи фонарей выхватили из темноты полицейского в плаще с капюшоном.

— Собака все никак не уймется, — заметил сержант.

— Так точно, мистер Олифант. Я ее тут привязал. — Луч фонаря переместился в сторону и осветил Скипа, привязанного носовым платком к ветке ивы.

— Привет, старина, — поздоровался Аллейн.

Все подождали, пока он пройдет через заросли. Констебль придержал мокрую ветку.

— Лучше немного нагнуться, сэр, — посоветовал он.

Наконец Аллейн выбрался из зарослей, и луч его фонаря, скользнув в сторону, сразу уткнулся в блестящий от потоков воды холмик.

— Мы достали брезент и прикрыли его, когда стал собираться дождь, — пояснил сержант.

— Хорошо.

— И постарались накрыть землю вокруг тела. Использовали кирпичи и доски из старого эллинга. Но вода все равно просочилась.

— Ничего, — успокоил Аллейн, — вы все сделали правильно. Думаю, прежде чем мы приступим, нужно все сфотографировать. Идите сюда, Бейли. Постарайтесь выжать максимум. Сначала снимите все как есть, потом тело без брезента, и как можно больше деталей, а то дождь до утра все смоеет. Господи, неужели он все-таки заканчивается?

Все прислушались. С мокрых деревьев еще продолжали падать капли, но мерного стука дождя больше не было, а к тому времени как Бейли настроил камеру, выглянула бледная луна.

Закончив съемку общего вида и закрытого тела, Бейли убрал брезент и сфотографировал труп под разными ракурсами: сначала со шляпой, прикрывавшей лицо, потом без нее. Затем он сделал несколько кадров лица крупным планом, и вспышки озарили поднятые брови и поджатые губы полковника Картаретта. Только после всех этих процедур Аллейн осторожно приблизился к телу и, наклонившись, направил луч фонаря на рану.

— Острым предметом? — спросил Фокс.

— Да, — подтвердил Аллейн. — Голова пробита, и рана глубокая. Но что это может быть за острый предмет? Гадать бессмысленно, надо знать точно. — Он посветил вокруг тела, и возле руки полковника у самой кромки воды блеснула длинная полоска. — Так это и есть Старушка?

Главный констебль и сержант Олифант энергично восторженно закивали. Луч фонаря осветил руки трупа, и в одной из них был зажат пучок зеленой травы.

— Трава срезана, — констатировал Аллейн. — Он собирался завернуть в нее рыбу. Вот здесь его нож и корзина.

— Мы тоже так подумали, сэр, — одобрительно произнес сержант.

— Да уж, рыба что надо! — заметил главный констебль, и в его голосе невольно прозвучали нотки зависти.

— А как это место выглядело перед дождем? — поинтересовался Аллейн.

— Ну, сэр, — вызвался ответить сержант, — здесь, как сами видите, местами галька. В ивняке земля была совсем сухая. На берегу мы видели следы, судя по всему, покойного, когда он ловил рыбу, а потом там, где он упал. Больше мы ничего не смогли разглядеть, потому что боялись все затоптать.

— Вы все сделали правильно. До утра дождь не пойдет снова?

Трое местных полицейских вернулись на открытое пространство и посмотрели на небо.

— Думаю, что нет, сэр, — сказал сержант.

— Вроде прояснилось, — подтвердил констебль низким голосом.

— Проясняется, — вторил ему сэр Джеймс Панстон.

— Закройте все снова брезентом, сержант, и выставите до утра охрану. Нам что-нибудь известно про время? Кто-то проходил этой

дорогой?

— Сестра Кеттл, сэр, что нашла полковника. Потом с ней сюда пришел молодой доктор Лакландер и осмотрел тело. Он говорит, что возвращался по тропинке в долине и переходил мост в начале вечера. Больше мы ни с кем не разговаривали, сэр.

— А какой глубины здесь река? — поинтересовался Аллейн.

— Около пяти футов, — ответил сержант Олифант.

— В самом деле? Полковник лежит на правом боку лицом к реке буквально в двух футах от кромки воды, ноги вытянуты в сторону моста. Рыба валяется рядом, и тут же трава, которую он срезал, чтобы завернуть ее. А рана нанесена в левый висок. Похоже, он сидел на корточках в двух футах от воды и уже собирался завернуть улов в траву. Если судить по отпечаткам ног, то сидел он в той самой позе, в которой нашли тело. Получается, что имеется всего два варианта развития событий, так ведь, Фокс?

— Либо удар нанес левша, стоявший прямо за спиной, — невозмутимо произнес Фокс, — либо правша, находившийся спереди на расстоянии не меньше трех футов.

— Тогда убийца должен был стоять в двенадцати дюймах от кромки воды, — сделал вывод Аллейн. — Что выглядит не таким уж неправдоподобным, как может показаться. Хорошо, с этим закончили. Что дальше?

Главный констебль, который до этого молча слушал, произнес:

— Полагаю, в Хаммер-Фарм собрались свидетели, которых нужно допросить. Это особняк Картареттов на холме. С вашего позволения, Аллейн, я вас покину. Делать мне там все равно нечего. Если вдруг понадобится, вы всегда можете найти меня в Туретсе, что в пяти милях отсюда. Буду рад оказаться полезным, но вы наверняка не хотите, чтобы вам мешали. Сужу по себе. Кстати, я предупредил в гостинице «Мальчишка и осел», что вам могут понадобиться места, чтобы провести остаток ночи. Ваш номер — первый у лестницы. Если потребуется ранний завтрак, оставьте записку. Спокойной ночи.

И он исчез, прежде чем Аллейн успел поблагодарить его.

Сержант показывал дорогу в Хаммер-Фарм. Аллейну удалось подружиться с собакой, и после пары фальстартов не перестававший поскуливать Скип побежал за ними. Чтобы не сбиться с пути и не

заплутать в роще, они освещали себе путь фонарями. Шедший первым Олифант неожиданно громко вскрикнул.

— Что случилось? — вздрогнув, спросил Аллейн.

— Господи Боже! — воскликнул сержант. — Я решил, что на меня кто-то смотрит! Поглядите сами — видите?

Он дрожащей рукой направил луч фонаря на мокрые ветки зарослей. На уровне глаз невысокого человека там блестели два светящихся кружка.

— Вот и черты сюрреализма в деревенской глуши, — пробормотал Аллейн. Он посветил своим фонарем, и они увидели зацепившиеся за сломанную ветку очки. — Столь необычный плод мы с благодарностью заберем с собой, — сказал он и осторожно завернул очки в носовой платок.

Над Нижним лугом теперь светила луна, отчего мост и темная тень, которую он отбрасывал на полуразвалившийся эллинг и ялик, напоминали резьбу по дереву. Высокие камыши смотрелись очень романтично, а тихие воды реки придавали пейзажу необыкновенное очарование.

Полицейские пробирались по тропинке вверх по холму. Скип начал повизгивать и усердно заработал хвостом. Через мгновение причина его возбуждения стала понятна: на тропинке, залитой лунным светом, сидела большая муаровая кошка и умывалась. Томазина Твитчетт — а это была именно она — бросила на собаку недружелюбный взгляд и, растянувшись на спине у ног Аллейна, довольно заурчала. Аллейн любил кошек. Он наклонился и понял, что кошка вовсе не возражает, чтобы ее взяли на руки. Он так и сделал, и кошка, прильнув к его груди, потянулась мордочкой к его носу.

— Ах ты, моя красавица, — сказал Аллейн. — Так ты лакомилась рыбкой!

Это оказалось чрезвычайно важным открытием, хотя тогда Аллейн об этом не подозревал.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Хаммер-Фарм

1

На подступах к особняку Хаммер-Фарм Аллейн увидел, что три усадьбы, располагавшиеся на холме, опоясывали снизу рощицы, которые, как и говорил сержант, закрывали вид на реку за мостом. Речная тропинка, от которой отходили дорожки к домам, спускалась вниз и петляла среди деревьев. Сержант направился по первой дорожке. Томазина Твитчетт спрыгнула с рук Аллейна и, двусмысленно мяукнув, исчезла в темноте.

— Наверняка одна из кошек мистера Финна, — заметил сержант Олифант. — Он помешан на них.

— Правда? — Аллейн понюхал пальцы.

Теперь Хаммер-Фарм было видно полностью: за стеклянными дверями, занавешенными шторами, горел свет.

— Вообще-то здесь уже давно никакая не ферма, — пояснил сержант. — Нынешняя хозяйка тут сильно все переделала.

Скип тьякнул и бросился вперед. Одна из штор отдернулась, и на террасу вышел Марк Лакландер, а за ним Роуз.

— Скип? — позвала Роуз. — Скип?

Он заскулил и бросился к ней. Она опустилась на колени и, заливаясь слезами, взяла его на руки.

— Отпусти его, дорогая, — сказал Марк. — Он мокрый и грязный. Отпусти его.

Аллейн, Фокс и сержант Олифант остановились. Марк и Роуз посмотрели на лужайку и увидели в лунном свете промокших полицейских в надвинутых на глаза шляпах. Какое-то время все молчали, а потом Аллейн, сняв шляпу, пересек лужайку и подошел к Марку и Роуз. Девушка поднялась. Подол ее льняной юбки был перепачкан следами собачьих лап.

— Мисс Каргаретт? — осведомился он. — Мы из Департамента уголовного розыска. Моя фамилия Аллейн.

Роуз была не только хорошо воспитана, но и умела держать себя в руках. Она пожала Аллейну руку и представила его Марку. Аллейн подозвал Фокса, а сержант Олифант скромно отошел в сторону и ждал на террасе.

— Прощу вас, входите, — пригласила Роуз, а Марк добавил:

— Здесь находятся моя бабушка, мистер Аллейн, и мой отец, который известил местную полицию.

— Надеюсь, сестра Кеттл тоже здесь?

— И сестра Кеттл.

— Отлично! Пройдемте, мисс Картаретт?

Аллейн и Фокс сняли мокрые плащи и шляпы и оставили их на плетеном кресле.

Роуз провела их через стеклянную дверь в гостиную, где Аллейн застал необычную картину. Грузная фигура леди Лакландер, одетая в черное, едва умещалась в кресле. Аллейн обратил внимание, что на одну из ее удивительно маленьких ножек был надет бархатный башмачок с пряжкой, а на другую — мужской шлепанец для ванной. Китти Картаретт полулежала на софе, покачивая обтянутой в черный бархат ножкой. В руках она держала длинный мундштук с сигаретой и бокал, а возле локтя стояла пепельница, полная окурков. Было видно, что она плакала, но уже успела привести себя в порядок, и хотя руки дрожали, но в целом казалась достаточно спокойной. На ковре между двумя столь разными женщинами возвышалась статная фигура Джорджа Лакландера, который потягивал виски с содовой с выражением чрезвычайной неловкости на лице. В отдалении на небольшом стуле с видом безмятежного спокойствия расположилась сестра Кеттл, возвращенная в гостиную из холла, где раньше пребывала в уединении.

— Здравствуйте, — сказала леди Лакландер, раскрывая лорнет, покоившийся у нее на груди. — Всем добрый вечер. Вы ведь Родерик Аллейн? В последний раз мы с вами встречались, когда вы еще служили по дипломатической линии, а это не вчера было. Сколько уже лет прошло? И как поживает ваша матушка?

— Гораздо больше, чем хочется думать, а у матушки все в порядке, учитывая, конечно, возраст, — ответил Аллейн, пожимая мягкую, как вата, руку.

— О каком это возрасте вы говорите? Она же на пять лет моложе меня! А я ни на что не жалуясь, кроме ожирения. Китти, это Родерик Аллейн. Миссис Картаретт. Мой сын Джордж.

— Как поживаете? — холодно произнес Джордж.

— А там — мисс Кеттл, медсестра нашего округа. Добрый вечер.
— Леди Лакландер перевела взгляд на Фокса.

— Добрый вечер, миледи, — вежливо поздоровался Фокс.

— Инспектор Фокс, — представил его Аллейн.

— И что вы собираетесь со всеми нами делать? Мы в вашем полном распоряжении, — любезно добавила она.

Аллейн подумал, что пора перехватывать инициативу. Он не сомневался, что старая леди что-то задумала.

Он повернулся к Китти Картаретт:

— Я прошу меня извинить за вторжение, тем более что прошло так мало времени с постигшей вас утраты. Боюсь, что расспросы полицейских при данных обстоятельствах — не самое легкое испытание. С вашего позволения, мисс Картаретт, я хотел бы спросить у вас, — он обвел взглядом комнату, — вернее, у всех, сложилось ли у вас об этом деле какое-то мнение?

В комнате воцарилась тишина. Аллейн посмотрел на Китти Картаретт и перевел взгляд на Роуз, стоявшую в углу гостиной с Марком.

— Я просто теряюсь в догадках, — наконец произнесла Китти. — Все это кажется... таким неправдоподобным.

— А что скажете вы, мисс Картаретт?

— Нет, я просто не могу представить, чтобы хоть кто-то, знавший папу, мог желать его смерти.

Джордж Лакландер кашлянул, и Аллейн посмотрел на него.

— Я... э-э... лично я считаю, что это какой-то бродяга. Вторгся в частные владения, или что-то в этом роде. Я хочу сказать, что наверняка не местный. То есть я хочу сказать, что это невообразимо!

— Понятно, — произнес Аллейн. — Тогда следующий вопрос. Находился ли кто-нибудь рядом с полковником в пределах двух часов до... Кажется, вы нашли его без пяти девять, мисс Кеттл?

— А что конкретно вы имеете в виду под словом «рядом»? — поинтересовалась леди Лакландер.

— Скажем, в пределах видимости и слышимости.

— Тогда я была рядом, — заявила леди Лакландер. — Я договорилась увидеться с ним в восемь, но он пришел на двадцать минут раньше. Мы встречались на берегу напротив ивовой рощи, где, насколько я понимаю, и нашли его тело.

Фокс, незаметно примостившийся у пианино, начал делать заметки. Даже сидя к нему спиной, леди Лакландер, казалось, почувствовала движение. Она грузно повернулась в его сторону и молча посмотрела.

— Ну что же, — произнес Аллейн, — это уже что-то. С вашего позволения, мы вернемся к этому чуть позже. Кто-нибудь видел полковника после встречи, которая длилась... Сколько, по-вашему, она продолжалась, леди Лакландер?

— Минут десять. Я помню, что посмотрела на часы после ухода Мориса Картаретта. Он перешел через Нижний мост и исчез в роще. Время было без десяти минут восемь. Я собрала свои вещи, чтобы потом их забрали, а сама отправилась домой. Я писала этюды.

— Значит, без десяти минут восемь? — переспросил Аллейн.

— Я не видела его, — сказала Китти, — но, наверное, проходила рядом, когда возвращалась с площадки для гольфа. Я вернулась домой в пять минут девятого, это точно.

— Площадки для гольфа?

— В Нанспардоне, — пояснил Джордж Лакландер. — Мы с миссис Картаретт играли там вечером в гольф.

— Ну конечно. Площадка находится над рекой и располагается по другую от нас сторону долины?

— Да, но большая ее часть лежит по ту сторону холма.

— Вторая лунка находится на этой стороне, — уточнил Марк.

— Понятно. А вы вернулись домой через Нижний мост, миссис Картаретт?

— Да, по Речной тропинке.

— А оттуда разве не видно ивовой рощи?

Китти сдавила ладонями виски.

— Наверное, видно. Мне кажется, его там не было. Я уверена, что увидела бы его. Правда, я смотрела не в ту сторону, а на верхний склон, нет ли там... — она бросила взгляд на Джорджа, — мистера Финна.

В наступившей тишине Аллейн почувствовал, что охватившее Лакландеров напряжение достигло апогея. Все трое непроизвольно замерли.

— Мистера Данберри-Финна? — переспросил Аллейн. — И вы его заметили?

— Не тогда. Нет. Он, наверное, либо отправился домой, либо скрылся за излучиной.

— Он что — ловил рыбу?

— Да.

— Браконьерствовал! — взорвался Джордж Лакландер. — Как
пить дать браконьерствовал!

Марк с бабушкой с трудом сдержались.

— Вот как? — удивился Аллейн. — И почему вы так решили?

— Мы видели его! Нет, мама, я не буду молчать! Мы видели его
от второй лунки. Его земли выше нас по течению, а Морису
Картаретту принадлежит... извини, Китти... принадлежал участок
ниже. И вот — только представьте! — он был на своей земле на
правом берегу выше моста, а блесну забрасывал в водах Картаретта!

Леди Лакландер, не выдержав, рассмеялась, а Джордж
осуждающе на нее посмотрел.

— Не может быть! Да как он посмел! — возмутился Марк.

— Удивительная низость! — продолжал Джордж. — И
сознательная! И забрасывал в тот самый омут, где обитает Старушка. Я
видел это своими собственными глазами! Правда, Китти? Такие люди
не заслуживают никакого уважения! Абсолютно! — Он настолько
разошелся, что Аллейн невольно насторожился, а Джорджу стало
неловко.

— И когда он совершил столь бесчестный поступок? — спросил
Аллейн.

— Этого я точно сказать не могу.

— А когда вы начали играть?

— В шесть тридцать. Нет, — поспешно исправился Джордж,
покраснев, — нет, позже. Около семи.

— Значит, у второй лунки вы оказались не позже семи
пятнадцати?

— Думаю, что примерно так.

— А вы что скажете, миссис Картаретт?

— Наверное, так, — подтвердила она.

— А мистер Финн вас видел?

— Нет. Он был слишком увлечен браконьерством, — ответил
Джордж.

— А почему ты не остановил его? — спросила леди Лакландер.

— Я собирался, мама, но Китти меня отговорила. И мы в
негодовании удалились, — добавил он с праведным гневом.

— Я видела, как вы удалялись, — сказала леди Лакландер, — но с
того места, где я была, ты не показался мне особенно негодующим.

Китти открыла рот, но тут же закрыла, а Джордж побагровел еще больше.

— Ну конечно, — вмешался Аллейн, — вы же рисовали, леди Лакландер. А где именно?

— В небольшой прогалине размером с эту комнату на левом берегу ниже моста.

— Возле зарослей ольхи?

— Похоже, вы очень наблюдательны. Именно там. Я видела сына и миссис Картаретт сквозь просветы в листве, — хмуро добавила леди Лакландер.

— Но как мистер Финн ловил в непопозволенном месте, вы не видели?

— Я — нет, а вот другие могли.

— И кто бы это мог быть?

— Не кто иной, как сам бедняга Морис Картаретт. Он все видел, и они разругались в пух и прах!

Аллейн подумал, что будь Лакландеры из другой породы людей, они бы куда яснее выразили те чувства, которые в этот момент наверняка испытывали. Он успел заметить, что Марк скорее почувствовал облегчение, чем удивился, а его отец, напротив, испытал оба этих чувства. Роуз встревожилась, а Китти безучастно смотрела перед собой. Как ни странно, первой высказалась сестра Кеттл.

— Сколько шума из-за какой-то рыбы! — сказала она.

Аллейн одобритительно взглянул на нее, решив, что поговорит с ней первой, когда будет беседовать со всеми по отдельности.

— А откуда вам известно, что они разругались, леди Лакландер?

— Во-первых, потому что я все слышала, а во-вторых, потому что Морис пришел ко мне сразу после скандала. Вот откуда, мой милый.

— Так что же там все-таки произошло?

— Как я поняла, Морис собирался порыбачить после разговора со мной. Он вышел из своей рощи и увидел Финна, ловившего в его водах. Морис подобрался сзади и застал его в тот самый момент, когда тот вытащил на берег Старушку. Меня они не видели, — продолжала леди Лакландер, — потому что я была в ложбине на другом берегу. Не сомневаюсь, что при мне они бы не позволили себе так выражаться. Мне даже показалось, что дело дошло до драки. Я слышала, как они топтались на мосту. Я уже подумывала подняться и предстать пред их

глазами как потревоженное божество солидной комплекции, но Финн заорал, что Морис может забрать себе эту рыбу — уж не стану повторять за ним, какую именно, — а тот в ответ заявил, что живым его с ней не увидят.

В глазах леди Лакландер вдруг промелькнуло выражение неподдельного ужаса, как будто все вокруг в один голос закричали, что именно мертвым его с ней и увидели. Она взмахнула руками и поспешила закончить рассказ:

— Послышался глухой звук, как будто на землю бросили что-то тяжелое и мокрое. Морис сказал, что подаст в суд, на что Финн ответил, что тогда он добьется, чтобы собаку Мориса изолировали, потому что та гоняет его кошек. На этом они разошлись. Морис в бешенстве поднялся на холм и увидел меня. А Окки Финн, насколько я понимаю, вернулся домой.

— А рыба была у полковника в руках?

— Нет. Я же сказала, что он отказался к ней прикасаться и оставил ее на мосту. Я видела ее, когда возвращалась домой. Думаю, что она и сейчас там.

— Сейчас она лежит возле тела полковника Каргаретта, — сообщил Аллейн. — И возникает вопрос — кто ее туда положил?

2

Наступила долгая тишина.

— Может, он за ней потом вернулся и все-таки забрал? — неуверенно предположил Марк.

— Нет, — твердо возразила Роуз. Все повернулись к ней. На лице еще виднелись следы слез, а голос дрожал. После появления Аллейна она почти все время молчала, и он даже решил, что она, наверное, слишком потрясена, чтобы их слушать.

— Нет? — мягко переспросил он.

— Он бы ни за что так не поступил, — сказала девушка. — Это совершенно на него не похоже.

— Это правда, — поддержала ее Китти, всхлипывая. — Это на него не похоже.

— Извините меня, — тут же исправился Марк. — Я сказал глупость. Конечно, вы правы. Полковник так бы не поступил.

Роуз бросила на него такой красноречивый взгляд, что Аллейн сразу понял, какие их связывают отношения.

«Они любят друг друга, — подумал он, — и если я хоть что-нибудь понимаю, то его отец неравнодушен к ее мачехе. Очень запутанный клубок».

— А вы долго еще оставались на месте после его ухода? — поинтересовался он у леди Лакландер.

— Нет. Мы поговорили минут десять, а потом Морис вернулся по мосту на другой берег и скрылся в ивовой роще.

— А какой дорогой вы направились домой?

— Через перелесок.

— А вам его было видно в ивняке?

— Конечно. Я остановилась передохнуть, посмотрела вниз по склону и увидела, как он забрасывает удочку.

— Время тогда было около восьми.

— Верно. Около восьми.

— По-моему, вы упомянули, что оставили свои принадлежности для рисования, которые должны были позже забрать.

— Именно так.

— А вы не могли бы сказать, кто именно их забрал?

— Кто-то из слуг. Наверное, Уильям, наш лакей.

— Нет, — вмешался Марк. — Нет, бабушка, это я их забрал.

— Ты? — удивилась та. — А что ты там де... — Она не стала заканчивать фразу.

Марк тут же пояснил, что навещал больного в деревне, а потом зашел в Хаммер-Фарм поиграть в теннис и пробыл там до десяти минут восьмого. Домой он возвращался по Речной тропинке, а у Нижнего моста заметил на пригорке трость-сиденье, складной стул и этюдник, сложенные в кучку. Он принес их в Нанспардон как раз в тот момент, когда лакей собирался за ними отправиться. Аллейн поинтересовался, не видел ли Марк на мосту форели, и тот заверил, что никакой рыбы там не валялось. Его бабушка, не выдержав, всплеснула руками:

— Ты не мог ее не заметить, Марк! Огромная рыба, которую в сердцах бросил Окки Финн! На самом мосту! Тебе наверняка пришлось через нее перешагивать!

— Ее там не было, — снова повторил Марк. — Извини, бабушка, но когда я проходил по мосту, никакой рыбы там не было.

— Миссис Картаретт, — обратился Аллейн к Китти, — вы проходили по мосту через несколько минут после леди Лакландер, верно?

— Да, — подтвердила Китти. — Мы видели, как она входит в перелесок, когда возвращались со второй лунки.

— А сэр Джордж, в свою очередь, тоже направился домой через перелесок, а вы пошли вниз по склону по Речной тропинке?

— Верно, — безучастно подтвердила она.

— А вы видели эту злополучную рыбину на Нижнем мосту?

— Боюсь, что нет.

— Получается, что от без десяти восемь до десяти минут девятого кто-то забрал рыбу и оставил ее в ивняке. Вы все согласны, что полковник Картаретт не мог передумать и вернуться за рыбой? — спросил Аллейн.

Джордж насупился и заявил, что не может быть ни в чем уверен, а леди Лакландер заверила, что, судя по словам самого полковника, он бы ни за что на свете не притронулся к этой рыбе. Аллейн отметил про себя, что будь полковник настроен так решительно, он не стал бы срезать траву, чтобы унести рыбу домой в корзине, а именно этим он, судя по всему, и занимался в последние минуты жизни.

— Полагаю, ни у кого нет сомнений, что та рыба была той самой знаменитой Старушкой?

— Ни у кого, — подтвердил Марк. — Других таких в Чайне не водится. Это точно.

— А вы, случайно, не бросили взгляд в сторону ивовой рощи, когда шли в перелесок?

— По-моему, нет. Я тащил вещи, оставленные бабушкой и не...

В этот момент Китти пронзительно вскрикнула.

Крик был негромким и оборвался почти сразу. Китти, привстав с софы, прижала ладонь к губам и глядела расширившимися глазами на нечто за спиной Аллейна. Подведенные брови замерли наверху.

Все обернулись посмотреть, что испугало Китти, но увидели только закрытую стеклянную дверь на террасу, в которой отражались озадаченные лица присутствующих.

— Там кто-то есть! — прошептала Китти. — Оттуда кто-то заглянул. Джордж!

— Моя дорогая, вы просто увидели отражение Джорджа, там никого нет, — заверила ее леди Лакландер.

— Нет, есть!

— Наверное, это сержант Олифант, — предположил Аллейн. — Мы оставили его снаружи. Фокс?

Фокс уже направлялся к двери, однако в этот момент за стеклом показался мужчина. Он двигался неуверенно и остановился у порога. Китти негромко охнула. Фокс взялся за ручку двери, но тут на лицо незнакомца упал луч фонаря подоспевшего Олифанта, и все увидели смертельно бледного Октавиуса в неизменной шапочке с кисточкой.

Фокс открыл дверь.

— Прошу прощения за непрошеное вторжение, — произнес мистер Данберри-Финн. — Я ищу рыбу.

3

Мистер Финн производил довольно странное впечатление. Свет в комнате, казалось, слепил его. Он щурился, отчего выглядел несколько надменным, что никак не сочеталось с необычайной бледностью и дрожащими руками. Финн покосился на Фокса, а потом оглядел собравшихся в гостиной.

— Боюсь, что я выбрал неудачный момент для визита, — произнес он. — Я понятия не имел... надеялся увидеть... — его кадык дернулся, — вообще-то мне нужен полковник Картаретт. — Он сжал зубы и растянул губы в подобие улыбки.

Китти издала нечленораздельный звук, а леди Лакландер заговорила первой:

— Мой дорогой Октавиус...

Но договорить ей не дал Аллейн, который вышел вперед и остановился перед мистером Финном.

— Вы сказали, сэр, что ищете рыбу? — спросил он.

— Прошу прощения, я, кажется, не имел чести... — начал он и, взглядевшись в лицо детектива, засомневался: — Или все-таки имел? — спросил он. Потом повернулся к Фоксу, который относился к ныне редкой породе детективов, чей род занятий можно определить с первого взгляда. Фокс был крупным седовласым мужчиной с пронизательным взглядом. — А вот вам я точно не имел чести быть представленным, — закончил он с коротким нервным смешком.

— Мы — офицеры полиции, — сообщил Аллейн. — Полковника Картаретта убили, мистер Финн. Полагаю, я не ошибся, и вы — мистер Октавиус Данберри-Финн?

— Какое несчастье! Моя дорогая миссис Картаретт! Моя дорогая Роуз! Я потрясен. У меня нет слов! — воскликнул мистер Финн, округляя от изумления глаза.

— Тебе лучше войти, Окки, — сказала леди Лакландер. — Они хотят поговорить с тобой.

— Со мной?! — удивленно переспросил тот и прошел в гостиную. Фокс закрыл за ним дверь.

— Нам нужно задать вам несколько вопросов, — сказал Аллейн. — Вообще-то, думаю, нам теперь лучше поговорить с каждым отдельно, но сначала я бы попросил мистера Финна рассказать всем о рыбе, которую он разыскивает. — Он поднял руку, призывая всех хранить молчание. — Прошу вас, мистер Финн.

— Я никак не могу опомниться и просто в ужасе от ваших слов...

— Это действительно ужасно, — согласился Аллейн. — Так что насчет рыбы?

— Рыбы? Эта рыба, милостивый государь, является, вернее, была великолепной форелью. Эта рыба — настоящая местная знаменитость. Всем форелям форель! Царица рыбьего царства. И я, да будет вам известно, сумел ее поймать!

— Где? — спросила леди Лакландер.

Мистер Финн поморгал.

— Выше Нижнего моста, сударыня. Выше Нижнего моста!

— Ты старый лгун, Окки, — сказала она.

Тут не выдержал Джордж, сорвавшийся на крик:

— Это грязная ложь, Октавиус! Ты сбраконьерничал! И ловил под мостом! Мы видели тебя от второй лунки!

— Держи себя в руках, Джордж, — ответил мистер Финн, побелев еще больше. — Что за тон?!

Фокс незаметно ретировался в угол и углубился в записи.

— Что ты себе позволяешь? Да еще когда в доме траур! — Мистер Финн отвесил полупоклоны в сторону Кипи и Роуз. — Как не стыдно, Джордж!

— Глянуть Всевышним... — взревел Джордж, но Аллейн не дал ему договорить.

— Так что же случилось с вашим уловом, мистер Финн? — снова спросил он.

Мистер Финн сделал глубокий вдох и, набрав побольше воздуха, сбивчиво заговорил дрожащим голосом:

— Преисполненный торжества, я решил продолжить столь удачную рыбалку выше по течению Чайна. Поэтому я оставил форель на том самом месте, где она проиграла битву, то есть, повторяю, на своем участке реки выше моста. А когда я вернулся — не могу сказать, через сколько времени, потому что не ношу часов, но намного, намного позже, — то сразу направился к тому месту, где оставил свою неподражаемую добычу, и... — он в отчаянии махнул рукой, и все увидели, как сильно она дрожит, — ее там не оказалось! Исчезла! Испарилась! Сгинула!

— Послушай, Окки... — не выдержала уже леди Лакландер, но и ее остановил Аллейн.

— Прошу вас, леди Лакландер, — вмешался он и, поймав ее взгляд, добавил: — Пожалуйста!

Она смирилась, демонстративно сцепив пальцы и подперев ими свои многочисленные подбородки.

— Будь по-вашему, — сказала она. — В конце концов, я сама вас вызвала! Продолжайте!

— И что вы сделали, когда обнаружили пропажу?

Мистер Финн пристально на него посмотрел.

— Сделал? — переспросил он. — А что, по-вашему, я мог сделать? Уже начинало смеркаться. Я поискал вокруг моста, но ничего так и не нашел. Форель исчезла! Тогда я вернулся домой в полном унынии.

— Где и находились, судя по всему, не меньше четырех часов. Сейчас пять минут второго ночи. Зачем же вы явились сюда в такой неурочный час?

Наблюдая за мистером Финном, Аллейн пришел к выводу, что к этому вопросу тот был готов.

— Зачем?! — воскликнул мистер Финн, разводя продолжавшие дрожать руки. — Я скажу вам, милостивый государь, зачем! Доведенный отчаянием почти до самоубийства, я не мог сомкнуть глаз, и ложе со мной разделяли лишь горечь потери такого царственного улова и невыразимое страдание. Я пытался отвлечься чтением,

разговорами с другими обитателями своего жилища — я имею в виду кошек, сэр, — слушанием неопишимо нудного шутовства по радио. И увы, все было напрасно: все мои мысли были заняты только Великой рыбой. Примерно три четверти часа назад я попытался найти успокоение в прогулке на свежем воздухе и спустился к Речной тропинке. Выйдя из роши головореза Сайса, я заметил свет в этих окнах и услышал голоса. Зная, — продолжал он, задыхаясь, — что бедный Картаретт поймет мои чувства как человек, разделяющий те же пристрастия, я... Моя дорогая леди, почему вы смотрите на меня с таким выражением?

— Окки! — заявила леди Лакландер. — Мне все равно, что скажут люди из Скотленд-Ярда, но больше я молчать не стану! Я была совсем рядом, когда вы с Морисом Картареттом ругались на чем свет стоит, и все слышала! Мало того, за несколько минут до этого его жена и Джордж видели, как ты ловил в чужих водах! Я слышала, как ты или Морис швырнул рыбу на землю, а потом вы разошлись, осыпая друг друга проклятиями. А потом Морис явился туда, где я рисовала, и мне пришлось все выслушать от него с самого начала. А теперь, дорогой Аллейн, вы можете сколько угодно на меня злиться, но я была не в силах и дальше выслушивать этот бессмысленный вздор!

Мистер Финн заморгал и растерянно зашевелил губами.

— Помнится, мы с покойной супругой часто шутили, что перечить Лакландерам — себе дороже, — наконец произнес он.

Аллейн и Фокс не сводили с него глаз, а остальные отвернулись.

— Мистер Финн, — не унимался Аллейн, — вы ведь обычно носите очки?

Тот машинально дотронулся до переносицы двумя пальцами, будто поправлял очки, скрыв на мгновение красную полоску на ней и разлившийся по щекам румянец.

— Не все время, а только для чтения, — ответил он.

Неожиданно леди Лакландер ударила ладонями о подлокотники кресла.

— С меня достаточно, — заявила она. — Я уже сказала все, что собиралась. Джордж, будь добр, отвези меня домой.

Она протянула правую руку, но Джордж чуть замешкался, и Аллейн подоспел первым, чтобы помочь ей встать.

— О Господи! — насмешливо произнесла леди Лакландер, с трудом поднимаясь и устремляя пристальный взгляд на мистера Финна. Тот, глядя на нее, пробормотал что-то неразборчивое. Старая леди посмотрела на Аллейна.

— Вы позволите мне отбыть домой? — поинтересовалась она.

Аллейн поднял бровь.

— Мне будет намного спокойнее, если вы окажетесь дома, а не здесь, леди Лакландер.

— Проводите меня до машины. Я сейчас сильно хромаю из-за проклятой подагры. Кеттл, никакого улучшения я не замечаю! Джордж, я жду тебя через пять минут — мне надо кое-что сказать Родерику Аллейну.

Она попрощалась с Роуз и обняла ее. Та, всхлипнув, прижалась к ее груди.

— Бедное дитя, моя маленькая Роуз, обязательно приходи к нам. Пусть Марк даст тебе какое-нибудь снотворное.

Китти тоже поднялась.

— Я так благодарна, что вы пришли, — сказала она и протянула руку. Леди Лакландер протянула свою для поцелуя. После секундного замешательства Китти осторожно приложила к ней губами.

— Приходи ко мне завтра, Кеттл, — сказала леди Лакландер. — Если, конечно, еще будешь на свободе.

— Пусть только попробуют меня арестовать! — ответила та, впервые заговорив с момента появления мистера Финна.

Леди Лакландер довольно хмыкнула и кивнула Аллейну, демонстративно игнорируя мистера Финна. Детектив поспешил открыть дверь и проследовал за ней через красивый и просторный холл к выходу. У крыльца стоял большой старинный автомобиль.

— Джордж поведет, а я сяду сзади. В непростые времена мне трудно выносить его общество.

Аллейн открыл дверцу и включил в машине свет.

— А теперь скажите мне, — попросила она, устроившись на сиденье, — но не как полицейский престарелой вдове, а как порядочный человек старинной подруге своей матери: что вы думаете о поведении Окки Финна?

— Престарелым вдовам, даже если они подруги моей матери, не к лицу выманывать меня на улицу и задавать неуместные вопросы.

— Значит, вы мне так ничего и не скажете?

— Послушайте, а у мистера Финна не было сына по имени Людовик? Людовик Данберри-Финн?

Даже при тусклом свете он заметил, как ее лицо окаменело, будто под складками жира на нем она сжала челюсти.

— Был, — подтвердила она. — А что?

— При таких редких именах это вряд ли могло оказаться простым совпадением.

— На вашем месте я бы не стала поднимать эту тему. Он служил по дипломатической линии и совершил непростительный проступок, как вам наверняка хорошо известно. Разыгралась настоящая трагедия, и мы стараемся никогда об этом не говорить.

— Правда? А что за человек был полковник Картаретт?

— Настырный идеалист. Упрямый донельзя. Один из тех добропорядочных граждан, которые так высоко задирают планку, что постоянно оказываются не в ладах с собственной совестью.

— Вы имеете в виду что-то конкретное?

— Нет, — твердо ответила леди Лакландер. — Ничего конкретного я не имею в виду.

— А вы не можете сказать, о чем разговаривали с полковником Картареттом?

— Мы говорили, — холодно произнесла леди Лакландер, — о браконьерстве Окки и одном семейном деле, которое не имеет к случившемуся ни малейшего отношения. Спокойной ночи, Родерик. Я могу обращаться к вам по имени?

— Только когда мы наедине.

— Вот нахал! — воскликнула она и шутливо замахнулась на Аллейна. — Возвращайтесь назад запугивать этих недотеп! И велите Джорджу поторопиться.

— А вы не припомните, что именно говорили мистер Финн и полковник Картаретт, когда ссорились?

Она посмотрела на него и, сложив унизанные перстнями руки вместе, ответила:

— Дословно — нет. Они ссорились из-за рыбы. Окки со всеми скандалит.

— А больше они ни о чем не говорили?

— Ни о чем! — твердо заверила леди Лакландер, не спуская с Аллейна пристального взгляда.

Аллейн слегка поклонился.

— Спокойной ночи, — произнес он. — Если вдруг вам удастся припомнить что-то конкретное из сказанного ими, то не считите за труд записать.

— Родерик, Окки Финн — не убийца, — произнесла леди Лакландер.

— Вот как? Что ж, это уже кое-что. Спокойной ночи.

Он закрыл дверцу машины, и свет в салоне погас.

4

На пути в дом Аллейн встретил Джорджа Лакландера. Его удивило, насколько неловко тот чувствовал себя в его обществе и явно предпочитал иметь дело только с Фоксом.

— Я... э-э... привет, — сказал Джордж. — Я... можно с вами поговорить? Вы вряд ли помните, но мы встречались тысячу лет назад — ха-ха! — когда вы подавали большие надежды под руководством моего батюшки, верно?

Воспоминания Аллейна двадцатипятилетней давности о Джордже ограничивались колкими замечаниями сэра Гарольда об умственных способностях сына.

«От Джорджа ничего путного ждать не приходится, — как-то разоткровенничался сэр Гарольд. — Пусть себе надувает щеки в Нанспардоне и со временем, возможно, станет мировым судьей. На большее он не способен».

Аллейн подумал, что это пророчество, похоже, сбылось, и ответил на первый вопрос, полностью проигнорировав второй:

— Я вас слушаю.

— Дело в том, — сказал Джордж, — что я хотел бы быть в курсе расследования. К слову сказать, хотя это и не так важно, я являюсь местным мировым судьей. И хотел бы внести свой посильный вклад в поддержание порядка во владениях ее величества. Вы меня понимаете?

— Не совсем. — Аллейн начинал злиться.

— Ну, — продолжил Джордж, смущенно поглядывая на детектива из темноты, — я... мне было интересно... как дальше будет с полковником Картареттом... в смысле с его телом. Я беспокоюсь о

Китти. В смысле о них обеих — о ней и о его дочери. Нужно распорядиться о похоронах и всем прочем. Понимаете, о чем я?

— Да, конечно, — кивнул Аллейн. — Тело полковника Картаретта будет находиться под охраной до утра на месте преступления. Затем его отвезут в ближайший морг для осмотра и, не исключено, вскрытия. Мы, безусловно, сразу известим миссис Картаретт, когда можно организовать похороны. Полагаю, что мы управимся за три дня, но заранее трудно быть в чем-то уверенным.

— Разумеется! — воскликнул сэр Джордж. — Понятно, понятно!

— А теперь вопрос по существу, который я задам всем, кто видел полковника на лужайке вчера вечером. Вы сказали, что вместе с миссис Картаретт начали играть в гольф в семь часов?

— Я не обратил внимания на точное время, — поспешно заявил Джордж.

— Возможно, миссис Картаретт припомнит точнее. Вы встретились на площадке?

— Э-э... нет. Нет. Я... я заехал за ней на машине. Когда возвращался из Чайнинга.

— Но отвезить ее обратно на машине не стали?

— Нет. Пешком было быстрее. С того места, где мы были.

— Понятно... Миссис Картаретт утверждает, что вернулась в пять минут девятого. Получается, что вы играли в гольф около часа. А сколько прошли лунок?

— Мы в общем-то и не играли. Миссис Картаретт только учится. Это был ее... хм... первый опыт. Она попросила меня дать ей несколько уроков. Мы прошли только пару лунок. А в основном она училась наносить удары клюшкой, — напыжившись, произнес он.

— Понятно. И вы расстались примерно без десяти восемь. А где именно?

— У начала Речной тропинки, — ответил он и тут же поспешно добавил: — Насколько я помню.

— Значит, вы видели, как леди Лакландер идет вам навстречу? Она тронулась в путь без десяти восемь.

— Я не смотрел вниз. И ее не заметил.

— Тогда вы, наверное, не видели и полковника Картаретта. По словам леди Лакландер, он ловил рыбу возле ивовой рожи, а с Речной тропинки это место хорошо просматривается.

— Я не смотрел вниз. Я... э-э... я проводил взглядом миссис Картаретт до тропинки и пошел через перелесок в Нанспардон. Через несколько минут пришла моя мать. Кстати, надеюсь, мы будем вам полезны. То есть если вам понадобится устроить штаб-квартиру или еще что. Можете на нас полностью рассчитывать.

— Вы чрезвычайно любезны, — поблагодарил Аллейн. — Думаю, что сейчас вы нам больше не потребуетесь. Однако я просил бы вас пока не уезжать из Суивнингса. — Увидев, как у Джорджа от неожиданности отвисла челюсть, Аллейн добавил: — Разумеется, если у вас есть какие-то важные дела, то вы всегда можете сообщить мне об этом, и мы что-нибудь придумаем. Я остановлюсь в «Мальчишке и осле».

— Боже милостивый, мой дорогой Аллейн...

— Я понимаю, какие это создает неудобства, но что поделать, если убийство произошло у вас на Нижнем лугу. Спокойной вам ночи.

Он обошел Джорджа и вернулся в гостиную, где Роуз, Марк и Китти хранили неловкое молчание, мистер Финн нервно грыз ногти, а Фокс увлеченно обсуждал с сестрой Кеттл изучение разговорного французского при помощи граммофонных пластинок.

— У меня не получается продвигаться так быстро, как хотелось бы, — признавался Фокс.

— Во время путешествия на велосипеде по Бретани, я выучила гораздо больше, чем по пластинкам.

— Об этом все говорят, но с нашей работой рассчитывать на это, увы, не приходится.

— Вам обязательно нужно выкроить время на отдых!

— С этим не поспоришь, — вздохнув, согласился Фокс. — Что есть то есть. Но пока у меня не получалось выбраться никуда дальше Бэрчингтона. Извините, мисс Кеттл, пришел мой шеф.

Аллейн выразительно посмотрел на Фокса, и тот моментально поднялся.

— С вашего позволения, — обратился Аллейн к Китти Картаретт, — я хотел бы задать пару вопросов сначала сестре Кеттл. У вас не найдется комнаты, где мы могли бы поговорить? Мне кажется, я проходил мимо кабинета. Может быть, там?

У него сложилось впечатление, что миссис Картаретт не очень-то желала пускать его в кабинет, но, видя, что она замялась, Роуз тут же

вмешалась:

— Ну разумеется! Я вас провожу.

Фокс отошел к двери на террасу и подал величественный знак сержанту, который тут же вошел в гостиную.

— Вне всякого сомнения, вы все знакомы с сержантом Олифантом, — сказал Аллейн. — Он будет отвечать за улаживание необходимых формальностей, и я надеюсь, что вы сможете уделить ему несколько минут для беседы. Я был бы признателен, если вы сообщите ему, кто из адвокатов вел дела вашего мужа, название его банка и имена родственников, которых необходимо поставить в известность. Вас, мистер Финн, я попрошу еще раз вкратце изложить свои показания сержанту Олифанту, который их запишет и даст вам подписаться, что там все верно.

Мистер Финн заморгал.

— Я не обязан, и вы не можете меня заставить! — заявил он, вскинув голову.

— Разумеется, нет! Однако боюсь, что нам придется попросить всех свидетелей дать письменные показания, если, конечно, им нечего скрывать. Как только вы это сделаете, то сможете сразу отправиться домой. И я надеюсь, — добавил Аллейн, — что отсутствие очков вас не сильно затруднит. А теперь, мисс Картаретт, вы не проводите нас в кабинет?

Роуз провела Аллейна и Фокса в кабинет, где всего восемь часов назад она рассказывала отцу о своей любви к Марку. Оглядев стол и кресла, будто видела их впервые, Роуз заметила на лице Аллейна сочувствие и обратилась к нему:

— Мистер Аллейн, я так любила папу! И относилась к нему не только как к родителю, но и как к своему ребенку, который без меня шагу ступить не может. Даже не знаю, зачем я это вам говорю!

— Иногда полезно пооткровенничать с незнакомыми людьми. Им легче довериться.

— Верно, — согласилась она, и в ее голосе прозвучало удивление. — Вы правы. Я рада, что поделилась с вами.

Аллейн понял, что после пережитого потрясения девушка находится в шоке. В таком состоянии люди не так следят за своими словами, как обычно, и могут вдруг заговорить на самые неожиданные темы. Так произошло и сейчас.

— Марк сказал, что он ничего не почувствовал, — неожиданно произнесла Роуз. — Я уверена, что он сказал вовсе не для того, чтобы меня успокоить: ведь он врач и понимает в этом. Думаю, что для папы смерть явилась своего рода избавлением. От всего!

— А его что-то тревожило? — мягко спросил Аллейн.

— Да, — подтвердила Роуз, нахмурившись, — тревожило. Но я не могу вам об этом рассказывать. Это — дело семейное и в любом случае никак не связано с трагедией.

— Как знать, — уклончиво заметил Аллейн.

— Я совершенно уверена.

— А когда вы его видели в последний раз?

— Сегодня вечером. В смысле вчера вечером. Он вышел из дома сразу после семи. Думаю, минут в десять восьмого.

— И куда он направился?

Поколебавшись, она ответила:

— По-моему, к мистеру Финну. Он прихватил спиннинг и сказал, что хочет порыбачить по вечерней зорьке. Предупредил, что к ужину не вернется, и просил что-нибудь оставить перекусить.

— А вы знаете, зачем он отправился к мистеру Финну?

Роуз долго молчала, но потом все же ответила:

— По-моему, это как-то связано с одной... публикацией.

— Публикацией?

Она откинула с лица прядь волос и закрыла глаза ладонями.

— Даже не представляю, кто мог на такое решиться! — прошептала она едва слышно.

Аллейн понимал, что она совершенно измучена, но, пересилив себя, решил еще ненадолго задержать девушку.

— А вы не можете мне вкратце рассказать, как складывалась его жизнь в последние двадцать лет?

Роуз присела на подлокотник отцовского кресла и, обняв его за спинку, принялась поглаживать рукой то место, где прежде покоилась голова полковника. Она заговорила ровным и безучастным голосом и казалась совершенно спокойной. Полковник служил военным атташе при разных посольствах, после войны был назначен военным секретарем представительства в Гонконге, а после второго брака вышел в отставку, увлекся историей и хотел написать историю своего полка. Он очень любил читать и особенно ценил драматургов

елизаветинской эпохи; это пристрастие в полной мере разделяла и она сама. Помимо чтения, другой его страстью была рыбалка. Покрасневшие от слез глаза Роуз скользнули по стене, на которой были развешаны удочки, спиннинги, наборы наживок и блесен.

— Я всегда сама привязывала блесны. Мы сами их делали, и он пользовался практически только ими. Вот и вчера я прикрепил одну к леске после обеда.

Ее голос дрогнул, и она замолчала, неожиданно широко, как ребенок, зевнув.

В этот момент распахнулась дверь, и в кабинет вошел недовольный Марк.

— Вот вы где! — воскликнул он и, подойдя к девушке, взял ее за руку. — Тебе надо немедленно лечь в постель. Я попросил сестру Кеттл приготовить горячий чай, и она тебя ждет. Я зайду попозже и дам тебе нембутал. Придется съездить за ним в Чайнинг. Надеюсь, больше я вам не нужен? — спросил он у Аллейна.

— Боюсь, что мне придется задержать вас на несколько минут.

— Вот как? — Марк помолчал и добавил: — Конечно! Разумеется! Я сказал глупость.

— Мне не нужно никаких лекарств. Честно, Марк, — заверила Роуз.

— Посмотрим, когда ты ляжешь. А сейчас отправляйся в постель. — Он с вызовом взглянул на Аллейна: — Мисс Картаретт — моя пациентка, и таковы мои врачебные назначения!

— Они очень разумны, — согласился Аллейн. — Спокойной ночи, мисс Картаретт. Мы постараемся беспокоить вас как можно меньше.

— Вы меня вовсе не беспокоите, — вежливо отозвалась Роуз и подала ему руку.

— Мы хотели бы побеседовать с сестрой Кеттл, как только она освободится. А чуть позже с вами, если вы не против.

— К вашим услугам, сэр, — сухо ответил Марк и, взяв Роуз за руку, вывел ее из кабинета.

— Много бы я дал, дружище Фокс, чтобы узнать, что, кроме кровавого убийства, лишает покоя всю эту компанию.

— У меня есть странное предчувствие, — заметил Фокс, — которое я ничем пока не могу подтвердить, что вся эта история как-то связана с форелью.

— И мой внутренний голос подсказывает, что вы правы, — согласился Аллейн.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ивовая роща

1

Сестра Кеттл смиренно сидела на обычном стуле, скрестив ноги в лодыжках и сложив руки. Ее передник под форменным пальто был аккуратно расправлен, а на голове красовалась форменная шапочка. Она только что подробно рассказала Аллейну, как нашла тело полковника Картаретта, и Фокс, который вел записи, смотрел на нее с выражением полного одобрения.

— Вот, пожалуй, и все, — закончила она, — разве что меня не покидало ощущение, что за мной наблюдают. Теперь точно все.

До сих пор ее показания были настолько четкими и не вызывавшими сомнений, что оба детектива невольно уставились на нее в изумлении.

— Теперь вы можете решить, что я обычная истеричка, потому что хотя мне и показалось, что в зарослях хрустнула ветка и кто-то испугнул вылетевшую птицу, но я никого не увидела. Никого! И все же я уверена, что за мной наблюдали. Это профессиональное. Так бывает на дежурстве, когда пациент не спит, и ты чувствуешь на себе его взгляд, даже если не смотришь. Можете смеяться сколько хотите.

— А кто смеется? — удивился Аллейн. — Никто смеяться не собирается, верно, Фокс?

— Ни в коем случае! — подтвердил тот. — Мне самому знакомо это чувство по работе ночным патрульным, а потом оказывалось, что из какой-нибудь темной подворотни за тобой действительно наблюдали.

— Надо же! — с признательностью воскликнула сестра Кеттл.

— Полагаю, — сказал Аллейн, — вы здесь всех отлично знаете, сестра Кеттл. Мне всегда казалось, что в сельской местности медицинские сестры выполняют ту же функцию, что офицеры связи в армии.

Сестра Кеттл расцвела.

— Это верно, — согласилась она, — уж кому так не знать людей, как нам! Конечно, мы в основном оказываем помощь простым людям, но при нынешней нехватке персонала приходится немало помогать и представителям знатного сословия. Они оплачивают наши услуги без всяких скидок, а это — большое подспорье для нашей ассоциации, поэтому мы всегда идем им навстречу, если это не в ущерб бедным людям. Взять хотя бы, к примеру, меня и леди Лакландер.

— Верно, ее же мучает подагра! — подтвердил Аллейн и с удивлением заметил на лице своего немолодого напарника неподдельный интерес.

— Нагноение! — с удовольствием уточнила сестра Кеттл.

— Надо же! — произнес Фокс.

— Или, к примеру, — продолжала сестра Кеттл, — я дежурила по ночам при старом сэре Гарольде и была рядом, когда он скончался. В присутствии всех членов семьи. Кстати, и полковник Картаретт тоже там был.

— Полковник Картаретт? — переспросил Аллейн как бы между прочим.

— Он самый! Погодите, что я говорю? Полковника в комнате не было — он был в коридоре с бумагами.

— Бумагами?

— Мемуарами старого джентльмена. Полковник вроде бы должен был заняться публикацией, но точно я не знаю. Сэр Гарольд очень за них переживал. Он никак не желал упокоиться с миром, пока не повидает полковника. А ведь в свое время был очень важной шишкой, и его мемуары наверняка много значат.

— Вне всякого сомнения. Он был выдающимся дипломатом.

— Вот именно! Таких уже мало осталось. Аристократ до мозга костей.

— Да, таких семей теперь днем с огнем не найдешь! Кажется, это за ними закрепилось прозвище Счастливики?

— Верно. Хотя есть и те, кто считает, что сэр Гарольд уж слишком переборщил.

— Правда? — переспросил Аллейн, моля Бога, чтобы не спугнуть удачу. — Каким же образом?

— Он же ничего не оставил внуку! И все из-за того, что тот предпочел службе медицину. Конечно, в конце концов ему все равно

все достанется, а пока приходится довольствоваться тем, что он сам зарабатывает на жизнь, хотя... Что-то я опять расплетничалась! Так на чем я остановилась? Ах да, на сэре Гарольде и его мемуарах. Едва он передал свою рукопись полковнику, как ему стало хуже, и тот позвал на помощь. Мы все вошли. Я дала сэру Гарольду коньяку, а доктор Марк сделал укол, но через минуту все было кончено. Он только и успел, что несколько раз произнести слово «Вик».

— Вик? — повторил Аллейн и замолчал, надолго погрузившись в какие-то мысли.

Пауза затянулась, и, устав ждать, сестра Кеттл сказала:

— Если я больше не нужна...

Однако Аллейн не дал ей закончить фразу.

— Я хотел у вас узнать, — сказал он, — кто живет в поместье, которое находится по пути отсюда к дому мистера Финна?

Мисс Кеттл широко улыбнулась.

— Там живет капитан Сайс. Еще один мой пациент, — добавила она, неожиданно покраснев. — Беднягу свалил сильный приступ люмбаго.

— Значит, никакого интереса он для нас представлять не может?

— Нет, если вы имеете в виду... Господи Боже! — вдруг воскликнула, сообразив, сестра Кеттл. — Мы тут сидим и приятно болтаем, несмотря на глубокую ночь, а вы все время думаете, как найти убийцу! Ужас какой!

— Пусть вас это не тревожит, — успокоил ее Фокс, и Аллейн с удивлением посмотрел на него.

— Конечно, меня это тревожит! Даже если, допустим, убийцей окажется какой-нибудь бродяга! Они же тоже люди! — с пылом произнесла сестра Кеттл.

— А мистер Финн — тоже ваш пациент? — поинтересовался Аллейн.

— Я бы так не сказала. Несколько лет назад я лечила ему карбункул. Но на вашем месте я бы не стала его подозревать.

— В нашем деле, — возразил Аллейн, — приходится подозревать всех.

— Я искренне надеюсь, что на меня это не распространяется.

Фокс смущенно закашлялся, явно желая успокоить сестру Кеттл.

— Мисс Кеттл, — продолжил Аллейн, — вы ведь хорошо относились к полковнику Картаретту? Судя по тому, как вы о нем отзывались, он вызывал у вас большую симпатию.

— Так и есть! — решительно подтвердила она. — Он был на редкость славным и добрейшей души человеком. Настоящим джентльменом. Заботливым отцом. Никогда не сказал худого слова о других.

— Даже о мистере Финне?

— Послушайте, — горячо начала она, но, спохватившись, продолжила уже спокойнее: — Послушайте, мистер Финн — просто чудак. Глупо скрывать это, раз уж вы видели его сами и услышите, что будут говорить другие. Но чудак он безобидный. А точнее сказать — безвредный. Абсолютно! У него в жизни случилась трагедия, от которой — это мое мнение — он так и не смог оправиться. Она произошла до войны. Его единственный сын покончил жизнь самоубийством. Ужасно!

— А этот сын не служил в министерстве иностранных дел?

— Служил. Беднягу звали Людовиком. Людовиком! Представляете? Хороший и умный мальчик. И случилось это где-то за границей. Говорили, что сердце матери такого не выдержало, хотя оно у бедняжки и так всегда было слабым. Мистер Финн после этого так и не смог оправиться. Понимаете?

— Понимаю. Мне кажется, я слышал об этом, — уклончиво произнес Аллейн и поинтересовался: — А он, часом, не служил под началом сэра Гарольда Лакландера?

— Верно! Старый джентльмен был настоящим аристократом. Сами понимаете, вековые связи знатных родов Суивнингса и все такое. По-моему, он сам просил командировать молодого Финна к нему и очень переживал, что все так вышло. Мне кажется, он чувствовал свою вину.

— Как знать, — задумчиво протянул Аллейн. — Выходит, знатные семейства Суивнингса тяготеют к заграничной службе?

Сестра Кеттл охотно это подтвердила. Кроме молодого Викки Данберри-Финна, за рубежом служил и капитан Сайс, чей корабль базировался в Сингапуре, да и полковник тоже участвовал в различных миссиях на Дальнем Востоке, в том числе и в Сингапуре. Немного

подумав, сестра Кеттл добавила, что полковник, кажется, там и женился во второй раз.

— Вот как? — отреагировал Аллейн с нарочитой небрежностью. — И капитан Сайс там был как раз в это время?

Он спросил наугад, но вопрос попал точно в цель. Сестра Кеттл покраснела и торопливо ответила, что, по ее мнению, капитан и вторая жена полковника уже были раньше знакомы. Она добавила, явно преодолевая внутренние сомнения, что видела прелестный портретик миссис Картаретт, нарисованный Сайсом.

— Ее можно сразу узнать. Очень похожа, и нарисована на фоне тропической растительности и всего такого.

— А вы знали первую жену полковника?

— Я бы не сказала, что хорошо. Они были в браке всего полтора года, когда она умерла в родах, будучи наследницей крупного состояния. И теперь оно все отойдет к мисс Роуз. Полковник очень переживал, но к деньгам жены так и не притронулся. Это всем известно, — добавила сестра Кеттл, — так что я не сплетничаю.

Аллейн ловко перевел разговор на Марка Лакландера, и сестра Кеттл рассыпалась в похвалах ему. Фокс, уважительно поглядывая на нее, заметил, что Марка и Роуз, похоже, связывают нежные чувства, и медсестра охотно это подтвердила, не скрывая одобрения. Настоящая любовь, какой ей и подобает быть в Суивнингсе.

— Чужаков вы здесь не очень-то жалуете, верно? — поинтересовался Аллейн.

— Да уж, — хмыкнула сестра Кеттл, — признаюсь, что так. Я как раз недавно говорила одному своему пациенту, что мы похожи на иллюстрированную карту. Я имела в виду, что у нас свой замкнутый мир, если вы понимаете, о чем я... — Сестра Кеттл снова залилась румянцем и поджала губы. — Лично я, — добавила она несколько туманно, — целиком за старые семьи и сохранение традиций.

— А вот мне показалось, — вмешался Фокс, поднимая в удивлении брови, — хотя и допускаю, что могу быть не прав, но мне все же показалось, что нынешняя миссис Картаретт принадлежит к другому обществу. Она гораздо более *mondaine*[6], и заранее прошу извинить за произношение.

Мисс Кеттл пробормотала нечто похожее на «*demi-mondaine*»[7] и поспешно продолжила:

— В наших краях все довольно незатейливо, а она привыкла к развлечениям и совсем другому образу жизни. — Сестра Кеттл поднялась. — Если у вас больше нет вопросов, то я пойду переговорю с доктором. Надо узнать, не надо ли чего мисс Роуз или ее мачехе, пока они не легли.

Мужчины тоже встали.

— Пока это все, но вам нужно будет подписать показания, как было найдено тело, и вас вызовут на предварительное слушание по делу.

— Хорошо.

Аллейн открыл ей дверь, но перед уходом она обернулась и окинула их взглядом.

— Убийцу надо искать не среди местных, — сказала она. — Здесь живут мирные люди. Уж поверьте мне на слово!

2

Аллейн и Фокс, привыкшие понимать друг друга с полуслова, обменялись взглядами.

— Прежде чем поговорить с доктором Лакландером, дружище Фокс, давай подведем итоги, — предложил Аллейн. — О чем это ты задумался?

— О мисс Кеттл, — ответил тот с обычным прямотушием. — На редкость приятная женщина.

— Уж не поразила ли тебя часом стрела Купидона? — осведомился Аллейн.

— Жизнь покажет, мистер Аллейн, верно? — благодушно отозвался тот. — Мне нравятся такие ладные во всех отношениях женщины, — добавил он.

— Постарайся не отвлекаться на фигуру сестры Кеттл, какой бы она ни была, и подумай вот о чем. Полковник Картаретт вышел из дома примерно в семь десять и собирался зайти к Октавиусу Данберри-Финну. Судя по всему, дома он его не застал, поскольку вскоре его видят во время ссоры с Финном на Нижнем мосту. Время — около половины восьмого. Без двадцати восемь они расстаются, и полковник, перейдя через мост, встречается с леди Лакландер, которая пишет этюд в ложбинке на левом берегу Чайна прямо напротив ивовой рощи на другом берегу. Судя по всему, об этой встрече на свежем воздухе они заранее условились. Беседа продолжалась минут десять.

Без десяти восемь полковник оставляет леди Лакландер, переходит через мост, поворачивает налево и направляется напрямиком в ивовую рощу, потому что леди Лакландер видела его, когда поднималась по холму в Нанспардон. Вскоре после восьми миссис Картаретт прощается с этим дуралеем Джорджем и спускается вниз. Примерно в четверть восьмого они видели, как старый Финн ловил в чужих водах, и, спускаясь по тропинке, она посмотрела, продолжал ли он ловить. Она, должно быть, разминулась с леди Лакландер, которая к тому времени уже успела войти в перелесок, о котором все без конца говорили. Китти...

— Кто? — переспросил Фокс.

— Миссис Картаретт зовут Китти. Она спускалась вниз, как обычно покачивая бедрами и поглядывая вверх по течению Чайна, где мог рыбачить мистер Финн. Она не видела в ивовой роще мужа, но это ни о чем не говорит, пока мы сами не убедимся в этом на месте, тем более что ее мысли, как она говорит, были заняты другим. Она переходит через мост и возвращается домой. На мосту она ничего необычного не заметила. А вот леди Картаретт видела на нем огромную форель, которую, по ее словам, в сердцах бросил мистер Финн во время скандала с полковником за двадцать пять минут до этого. Затем уже Марк Лакландер, игравший до этого в теннис и наверняка не сводивший глаз с прелестной Роуз, покидает этот дом примерно в то время, когда миссис Картаретт возвращается в него, и идет к Нижнему мосту, на котором тоже не видит никакой рыбы. Зато он находит вещи, оставленные его бабушкой на левом берегу Чайна, и, как воспитанный молодой человек, захватывает их с собой, избавляя лакея от лишних трудов. Он идет через перелесок, и, насколько нам известно, долину, на которую начинают опускаться сумерки, никто больше не видел до без четверти девять. Именно в это время сестра Кеттл, лечившая капитана Сайса от люмбаго, спускается на луг, слышит вой собаки и находит тело. Таковы факты, которыми мы располагаем в настоящее время, если, конечно, им верить. И какие выводы мы можем сделать?

Фокс потер подбородок.

— Для такого уединенного места, как долина Чайна, — сказал он, — что-то уж больно интенсивное движение людей.

— Тоже обратил внимание? Вниз по холму, через мост, вверх по холму и наоборот. И никто из них не встретился друг с другом, если не считать убитого и мистера Финна во время ссоры в половине восьмого и беседы полковника со старой леди через десять минут. Во всех остальных случаях всем удавалось благополучно разминуться друг с другом. Я точно не помню географии долины Чайна, но, похоже, из домов по эту сторону видно только верхнее течение реки и маленький участок на правом берегу сразу за Нижним мостом. Как только рассветет, а это, должен заметить, будет уже даже очень скоро, мы должны все обстоятельно проверить на месте. Если нам не удастся найти следов каких-нибудь местных жителей, затаивших злобу, или непонятно откуда взявшегося цветного джентльмена, рыскающего по деревне, то придется иметь дело с довольно ограниченным кругом подозреваемых.

— Вы их имеете в виду? — уточнил Фокс, кивнув в сторону гостиной.

— За исключением медсестры, которая ничего не скрывает, все остальные о чем-то умалчивают. Абсолютно все! Давай поговорим с молодым Лакландером. Будь добр, Фокс, позови его и заодно посмотри, как там продвигаются дела с показаниями мистера Финна. Я не хотел оставлять их всех в одиночестве, поэтому и призвал на помощь сержанта под благовидным предлогом. Нужно будет снять отпечатки пальцев с очков, которые мы подобрали, но у меня нет сомнений, что они принадлежат мистеру Финну. Если он уже изложил то, что собирался нам рассказать, пусть идет домой. И попроси его никуда не уезжать. На всякий случай. Ну, ступай!

Оставшись один, Аллейн внимательно осмотрел кабинет полковника Картаретта и обнаружил в нем несколько расхождений по сравнению с обычным набором предметов, которые можно встретить в подобном помещении. Конечно, здесь имелись традиционные кожаные кресла, стеллаж для трубок и групповая фотография сослуживцев, но вместо картин на охотничьи сюжеты стены украшало с полдюжины китайских гравюр. На книжных полках, закрывавших две стены, конечно, имелась военная литература и биографии полководцев, но основную часть библиотеки составляли потертые тома английских драматургов эпохи Елизаветы I и Якова I. Там имелось и несколько редких изданий по ужению. Внимание Аллейна привлек

внушительный том, озаглавленный «Чешуйчатое племя», автором которого значился Морис Картаретт. В книге рассказывалось о повадках и особенностях пресноводной форели. На столе стояли фотографии Роуз и Китти: дочь на снимке стеснительно улыбалась, а миссис Картаретт пыталась позировать и выглядела как-то неестественно.

Взгляд Аллейна скользнул по столу и остановился на ящиках, которые он попробовал выдвинуть. В верхних ящиках лежали письменная бумага, конверты и несколько листков, исписанных четким, ровным почерком, видимо, самого полковника. Средние ящики были заперты, а вот нижний ящик левой тумбочки удалось выдвинуть, правда, он оказался пустым. Аллейн наклонился, чтобы разглядеть получше, но, услышав в коридоре голос Фокса, задвинул ящик обратно и отошел от стола.

В кабинет вошли Марк Лакландер и Фокс.

— Я вас не задержу, — сказал Аллейн. — Вообще-то я пригласил вас только для того, чтобы уточнить одну маленькую деталь и, возможно, кое-что для нас прояснить. Первый вопрос такой: когда в четверть девятого вы шли домой, вы слышали, как на Нижнем лугу воет собака?

— Нет, — ответил Марк. — Уверен, что не слышал.

— А Скип всегда находился рядом с хозяином?

— Только не во время рыбалки, — не раздумывая ответил тот. — Полковник приучил его держаться на почтительном расстоянии.

— И Скипа вы сами не видели?

— Я не видел и не слышал собаки, но зато встретил муаровую кошку. Полагаю, одна из тех, кого содержит Окки Финн, решила перед сном прогуляться.

— А где это было?

— По эту сторону моста. — Марка явно начинали тяготить эти расспросы.

— Хорошо. Значит, поиграв в теннис с мисс Картаретт, вы возвращались домой через Нижний мост по Речной тропинке. И по дороге подобрали вещи, оставленные бабушкой, верно?

— Да.

— А у вас в руках было что-нибудь еще?

— Только принадлежности для тенниса. А что?

— Я просто восстанавливаю картину. Чтобы собрать оставленные вещи, вам пришлось задержаться. Может, вы слышали или видели что-нибудь необычное?

— Ничего. Мне кажется, я вообще не смотрел в сторону реки.

— Понятно. А теперь вы не поделитесь с нами своими соображениями относительно раны на голове полковника?

— Да, конечно, — с готовностью отозвался Марк. — Правда, я осмотрел его довольно поверхностно, так что полностью полагаться на мои наблюдения вряд ли стоит.

— Насколько я понял, — продолжал расспрашивать Аллейн, — вы пришли туда вместе с сестрой Кеттл, которая подняла тревогу, осторожно приподняли с лица покойного шляпу и, убедившись, что полковник мертв, вернули шляпу на место и стали дожидаться полиции. Верно?

— Да. У меня с собой был фонарь, и я осмотрел раны, не трогая тела. Вообще-то у меня была хорошая возможность их разглядеть.

— Вы сказали «раны», — повторил Аллейн, делая упор на последнем слове. — Выходит, что полковнику нанесли не один удар, а несколько?

— Чтобы сказать наверняка, мне нужно еще раз осмотреть тело. Мне показалось, что сначала ему нанесли удар одним предметом, а потом уже пробили череп другим. Правда, удар, нанесенный острым предметом в висок, может вызвать различные внешние повреждения. Гадать не имеет смысла. Ваш судебный врач наверняка во всем разберется и сумеет объяснить некоторые странности, которые бросились мне в глаза.

— Но при осмотре вам сразу показалось, что сначала полковника оглушили и только потом нанесли удар в висок колющим предметом? Верно?

— Да, — не задумываясь подтвердил Марк. — Это так.

— Насколько я запомнил, — продолжил Аллейн, — след от раны был примерно два на три дюйма с неровными краями, будто удар нанесли большим молотком с вогнутой ударной поверхностью, хотя таких и не существует в природе. А посередине раны находилось отверстие, которое могло образоваться от удара острым предметом.

— Верно, — подтвердил Марк. — Вы очень точно описали внешние повреждения. Но повторяю, черепные травмы могут иметь

самый причудливый вид.

— Надеюсь, вскрытие внесет окончательную ясность и все объяснит, — сказал Аллейн и, взглянув на умное и благородное лицо Марка, решил рискнуть: — Послушайте, давайте не будем притворяться, будто мистера Данберри-Финна не существует. Они с полковником Картареттом сильно повздорили меньше чем за час до убийства. Что вы об этом думаете? Излишне говорить, что это останется между нами. Что за человек этот мистер Финн? Вы наверняка его хорошо знаете.

Марк сунул руки в карманы и, помрачнев, уставился в пол.

— Я вовсе не так хорошо его знаю, — ответил он. — В смысле я знаю его всю жизнь, но по возрасту он годится мне в отцы и никогда не проявлял ко мне особого интереса ни во время учебы, ни во время практики.

— Полагаю, ваш отец знает его гораздо лучше.

— Как соседа и ровесника — безусловно, но у них мало общего.

— А вы, конечно, знали его сына Людовика?

— Разумеется, — спокойно ответил Марк, — правда, не очень близко. Я учился в Итоне, а он — в Винчестерском колледже. Он готовился к дипломатической карьере, а я оставил Оксфорд ради анатомического театра. Стал, по выражению деда, «деклассированным элементом». — Марк взглянул на Аллейна и добавил с усмешкой: — Как, впрочем, и вы, сэр, по мнению деда. Разве вы не ушли от него к лорду Тренчарду, поменяв дипломатическую службу на полицию?

— Можно выразиться и так, хотя для меня это звучит гораздо более лестно, чем для обоих начальников. А молодой Финн, кстати, работал под началом вашего деда в Зломце, верно?

— Да, — ответил Марк и, чувствуя, что надо что-то добавить, продолжил: — Мой дед был истинным «патриотом Долины», как здесь говорят. Как человек старой закалки, он предпочитал окружать себя уроженцами здешних мест и доверял только им. Когда Викки Финн поступил на дипломатическую службу, дед добился его перевода в Зломце, чтобы устроить там некое подобие Суивнингса. Господи Боже! — воскликнул Марк. — Я вовсе не имел в виду, что...

— Вы, наверное, вспомнили, что молодой Финн пустил там себе пулю в лоб.

— Вы знали об этом?

— Наверное, для вашего деда это было ужасным ударом.

Марк поджал губы и отвернулся.

— Разумеется, — сказал он и, вытащив портсигар, достал сигарету, продолжая стоять спиной к Аллейну. Чиркнула спичка, и Фокс откашлялся.

— Мне кажется, что мемуары сэра Гарольда следует опубликовать, — сказал Аллейн.

— Это мистер Финн вам сказал? — спросил Марк.

— А с чего вдруг мне должен об этом говорить мистер Октавиус Финн? — удивился Аллейн.

После долгого молчания Марк наконец произнес:

— Прошу меня извинить, но я категорически отказываюсь отвечать на дальнейшие вопросы.

— Это — ваше право, однако вряд ли это разумно.

— В конце концов, — заявил Марк, — это мне решать. Вы не станете возражать, если я съезжу за лекарствами?

Аллейн секунду помедлил.

— Конечно, нет! — заверил он. — Всего хорошего, доктор Лакландер.

Марк еще раз извинился и, бросив на детективов встревоженный взгляд, удалился.

— Дружище Фокс, — обратился Аллейн к напарнику, — мы еще успеем поспать пару часов в «Мальчишке и осле», но прежде я хочу, чтобы ты отвлекся от мыслей о местной медсестре и взглянул на нижний левый ящик стола полковника Картаретта.

Фокс удивленно поднял брови, подошел к столу и, надев очки, опустился на колени перед ящиком.

— Замок взломан, — сообщил он. — Причем совсем недавно.

— Совершенно верно. На полу валяются щепки. А в самом ящике лежит отломившийся кончик ножа для разрезания бумаг. Замок взламывали второпях и непрофессионально. Мы опечатаем кабинет и пришлем сюда завтра экспертов сделать снимки и снять отпечатки. Образцы для сравнения сестры Кеттл, мистера Финна и доктора Лакландера будут на подписанных ими показаниях. Нужно срочно забрать бокалы, которыми пользовались Лакландеры и миссис Картаретт, и запереть их здесь. Если понадобятся еще чьи-то отпечатки, мы раздобудем их утром. — Он вытащил из кармана платок

и развернул его, вытаскивая дешевые очки. — А перед тем как отправиться спать, мы выясним, не оставил ли своих отпечатков на этих непрезентабельных очках мистер Данберри-Финн. А утром, если ты будешь себя хорошо вести, я расскажу тебе печальную и поучительную историю о молодом Людовике Финне.

3

Китти Картаретт лежала в большой старинной кровати. Выйдя замуж, она сначала пожелала, чтобы ее обили стеганым бархатом персикового цвета, но быстро сообразила, что это расценят как безвкусицу. Желая зарекомендовать себя среди окружения с наилучшей стороны, она отказалась от этой идеи, но туалетный столик, стулья и светильники все-таки выбрала на свой вкус. Теперь она с печалью разглядывала обстановку, и со стороны этот взгляд можно было вполне принять за прощальный. Повернувшись на кровати, Китти увидела свое отражение в длинном зеркале. Из-под шелковой розовой простыни выглядывало опухшее от слез лицо.

— Как же ужасно я выгляжу! — пробормотала она и сообразила, что лежит на месте, где обычно спал ее муж. Она зябко поежилась, но среди соседей вряд ли бы кто расценил это как проявление скорби по любимому мужу. В свое время леди Лакландер даже заметила, что Китти Картаретт относилась к той редкой породе женщин, которым на протяжении всей жизни не доводилось испытывать особой привязанности ни к кому на свете. Даже сейчас леди Лакландер вряд ли бы смогла объяснить, почему Китти плакала. Она бы скорее предположила, что это результат нервного потрясения, а вовсе не ощущение одиночества, которое Китти вдруг почувствовала особенно остро.

В дверь постучались, и Китти вздрогнула от неожиданности. Морис со своей старомодной деликатностью всегда стучался, прежде чем войти.

— Кто там? — спросила она.

Дверь открылась, и вошла Роуз. В муслиновом халате и с заплетенными в косу волосами она походила на школьницу. Глаза у нее тоже покраснели и распухли от слез, но даже это — с досадой отметила Китти — ничуть не портило ее очарования. Китти подумала, что ей следовало уделить Роуз побольше внимания, но потом решила, что у нее сейчас и так хватает забот.

— Китти, надеюсь, ты не против, что я заглянула. Я никак не могла уснуть, вышла в коридор и заметила у тебя под дверью свет. Марк поехал в Чайнинг за снотворным, может, и тебе нужно таблетку?

— Спасибо, но у меня есть все, что нужно. Все разошлись?

— Леди Лакландер и Джордж уехали, Окки Финн, кажется, тоже ушел. Сказать Марку, чтобы заглянул к тебе?

— Зачем?

— Он может помочь чем-нибудь, — ответила Роуз дрожащим голосом. — Мне, во всяком случае, при нем становится легче.

— Еще бы! — сухо заметила Китти, и Роуз слегка покраснела. — Со мной все в порядке, но я признательна за заботу. А что полицейские? Все еще хозяйничают в кабинете как у себя дома?

— Думаю, что они уже ушли. Но они ведут себя на редкость тактично, Китти. Хорошо, что мистер Аллейн — настоящий джентльмен.

— Еще бы! — снова повторила Китти. — Не волнуйся, Роуз, я все понимаю.

Она говорила доброжелательно, но давала понять, что хочет остаться одна. Роуз, поколебавшись, все же сказала:

— Китти, пока я ждала возвращения Марка, я стала думать. О будущем.

— О будущем? — переспросила Китти, не сводя с нее глаз. — Мне казалось, что и настоящего более чем достаточно.

— О настоящем я не могу сейчас думать! — моментальноотреагировала Роуз. — Думать о папе слишком больно! Но я вдруг сообразила, как нелегко тебе придется в будущем. Может, ты не в курсе... не знаю, говорил ли тебе папа...

— Ах да, — безучастно произнесла Китти. — Я знаю, он мне говорил. Твой отец был чрезвычайно щепетилен в денежных вопросах. — Она подняла глаза на девушку. — Не волнуйся, Роуз, все в порядке. Я справлюсь. Я и так ни на что не рассчитывала. Таким, как я, рассчитывать ни на что не приходится, — хмуро добавила она.

— Но я хотела тебе сказать, чтобы ты не переживала. Во всяком случае, из-за денег. Сейчас об этом трудно говорить, и нам, наверное, надо привыкнуть к тому, что произошло, но я искренне хочу помочь. — Роуз сначала говорила быстро, но потом начала лепетать и запинаться. Как будто от нервного напряжения она впала в состояние,

близкое к опьянению. Природная сдержанность, казалось, ее оставила и уступила место желанию излить свои чувства первому встречному. Сейчас на месте такого человека оказалась мачеха. — Как бы то ни было, — продолжала она, нервно сцепляя пальцы, — я все равно должна тебе сказать. Дело в том, что я не задержусь в нашем доме надолго. Мы с Марком собираемся обручиться.

Китти взглянула на нее и, помедлив, ответила:

— Но это же чудесно! И я искренне желаю тебе счастья. Но эта новость меня вовсе не удивила.

— Конечно, — согласилась Роуз. — Я допускаю, что скрывать свои чувства нам не очень-то удавалось. — Ее голос задрожал, и глаза наполнились слезами. — Папа знал!

— Да, — подтвердила Китти, слегка улыбнувшись. — Я сама ему сказала.

— Ты?

Китти, казалось, только сейчас сообразила, что разговаривает с мачехой.

— Не обижайся, — сказала Китти. — Это вышло само собой. Я не могла не заметить.

— Но мы сами ему обо всем рассказали! — пролепетала Роуз.

— И как он отреагировал? Послушай, Роуз, — продолжила Китти устало, но доброжелательно, — к чему ходить вокруг да около? Я знаю про мемуары старого Лакландера.

Роуз недовольно поморщилась:

— Я совсем про это не думала! Это ничего не меняет!

— Не меняет, — согласилась Китти, — особенно теперь. Что там такое?

Роуз подняла голову.

— Мне кажется, я слышу голос Марка, — ответила она и направилась к двери.

— Роуз! — громко окликнула ее Китти, и та остановилась. — Я знаю, что это не мое дело, но сейчас ты совершенно разбита. Как мы все. Не нужно принимать поспешных решений. И «гнать лошадей», как выразился бы твой отец.

Роуз с изумлением на нее посмотрела:

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать. Каких «лошадей»?

Она открыла дверь, и на ее пальцы легла холеная мужская рука.

— Это я! — раздался голос Марка. — Мне можно войти?

Роуз взглянула на Китти, которая, помедлив, ответила:

— Ну конечно! Входите, Марк.

Он действительно был на редкость красивым мужчиной: высоким, смуглым, с волевым ртом и решительным подбородком, что придавало ему властный вид, столь неотразимый для женщин. Марк стоял, держа за руку Роуз и глядя на Китти. Они действительно были великолепной парой.

— Я услышал ваши голоса и решил заглянуть. Я могу чем-то помочь? Я привез кое-какие лекарства для Роуз, чтобы она могла уснуть. Если хотите, я с удовольствием с вами поделюсь.

— Надо проверить, — ответила она. — По-моему, у меня что-то было.

— Давайте, я оставлю пару таблеток на всякий случай? — предложил Марк. Достав пару капсул, он налил в стакан воды и оставил все на тумбочке. — Одной достаточно.

Он стоял между Китти и Роуз, так и оставшейся у двери в конце спальни. Китти подняла на него глаза и громко спросила:

— Вы там оказались первым, так ведь?

Марк предостерегающе поднял руку и повернулся к Роуз.

— Не совсем первым, — тихо ответил он. — Мисс Кеттл...

— Не важно... — раздраженно отозвалась Китти. — Я хочу знать — в конце концов, я же его жена! — что там произошло?

— Роуз, — обратился Марк к девушке, — тебе лучше отправиться в постель.

— Нет, Марк, дорогой, — ответила Роуз, смертельно побледнев. — Я тоже хочу знать. Пожалуйста. Неведение еще хуже!

— Намного хуже, — согласилась Китти. — Причем всегда.

Марк выдержал паузу и быстро произнес:

— Прежде всего, лицо совершенно не пострадало...

Китти скривилась, а Роуз закрыла лицо руками.

— ...и я уверен, что он ничего не почувствовал, — продолжил Марк и поднял палец. — Ладно! Его стукнули вот сюда. В висок.

— Стукнули? — переспросила Роуз. — И все?

— Это очень уязвимое место, милая.

— Тогда это, возможно, несчастный случай?

— Ну... боюсь, что нет.

— Но почему, Марк?

— Это не могло быть несчастным случаем.

— Но почему?

— По характеру ран.

— Значит, их было несколько? — спросила она.

Марк быстро подошел к ней и взял ее руки в свои.

— В общем... да.

— Но ты сказал... — начала Роуз.

— Дело в том, что на одном небольшом участке несколько повреждений. И было бы неправильно уверять тебя, что они носят случайный характер, если патологоанатом все равно установит, что это не так.

Китти, на которую перестали обращать внимание, неожиданно произнесла:

— Понятно. Я прошу меня извинить, но больше я сегодня не выдержу. Вы не обидитесь?

Марк тут же подошел к ней и взял за руку пощупать пульс.

— Вам нужно отдохнуть.

— Нет-нет, — сказала она, отдергивая руку. — Я в порядке. Но Роуз лучше срочно лечь, пока она не лишилась чувств от изнеможения.

— Совершенно с вами согласен, — довольно холодно заверил Марк и открыл дверь.

— Да, я ухожу. Китти, надеюсь, тебе удастся уснуть, — сказала Роуз и вышла из комнаты.

Марк проводил ее до двери.

— Милый Марк, спокойной ночи, — сказала она, осторожно освобождая руку.

— Завтра я перевезу тебя к нам в Нанспардон.

— О, не нужно... — ответила она. — Мы не можем так поступить. И зачем?

— Во-первых, я хочу за тобой присмотреть, и, во-вторых, даже учитывая все обстоятельства, я не считаю, что твоя мачеха сможет проявить необходимую заботу и внимание, — ответил Марк, нахмурившись.

— Не волнуйся, — ответила Роуз. — Все это не важно. Я привыкла не обращать на это внимания.

Вскоре после рассвета Фокс и Аллейн уже поглощали на завтрак в «Мальчишке и осле» яичницу с ветчиной, и старший инспектор рассказал напарнику историю Людовика Финна. Бейли и Томпсон, которые провели остаток ночи в баре, уже отправились пешком на Нижний луг, прихватив с собой необходимое оборудование. Из Лондона ожидался патологоанатом, командированный министерством внутренних дел.

— Я знаю о молодом Финне, — начал Аллейн, — потому что скандал разразился в 1937 году, когда я работал в Специальной службе уголовного розыска. В то время сэр Гарольд Лакландер был нашим послом в Зломце, а молодой Данберри-Финн — его личным секретарем. Было известно, что правительство Германии ведет неспешные, но очень перспективные переговоры с местными властями относительно железнодорожных концессий. Мы получили информацию, что немцы готовятся подписать это важное, а для нас губительное соглашение в самом недалеком будущем. Лакландеру поручили не допустить этого и уполномочили предложить местному правительству такие выгодные условия, что оно бы наверняка отказалось от сотрудничества с Германией. Немцам стало об этом известно, и они тут же ускорили переговоры и завершили их подписанием договора. Наше правительство захотело выяснить, как такое могло произойти. Лакландер догадался, что произошла утечка информации, и заподозрил в ней молодого Финна, поскольку никто другой к этим сведениям доступа не имел. Тот сразу во всем признался. Судя по всему, он так и не сумел адаптироваться в Зломце и осознать важность своей работы. Печальная и старая как мир история. Он явился туда из альма-матер с еще не обсохшим на губах молоком. Язык у Викки был неплохо подвешен, а думать он еще не научился. Завел себе сомнительных дружков, среди которых, как потом выяснилось, оказался молодой человек, работавший на немцев и умевший убеждать. Говорили, что тот взял молодого Финна в оборот и сумел увлечь его нацистскими идеями. Как водится, наши источники тоже были довольно сомнительными, однако факты говорили сами за себя, и все указывало на то, что молодой Финн оказался предателем. В следующую же ночь после получения сэром Лакландером той секретной телеграммы Финн отправился со своим нацистским другом к цыганам. А расшифровкой послания занимался именно он. И

выходило, что он поделился этой новостью со своими друзьями. Потом утверждали, что он даже брал взятки. Лакландер устроил ему разнос, после которого тот вышел из кабинета и застрелился. Рассказывали, что молодой Финн буквально боготворил сэра Гарольда и во всем брал с него пример, и мы тогда еще все удивлялись, как же он мог пойти на предательство. Я думаю, что он был блестящим, но неуравновешенным юношей, единственным сыном в семье, и Октавиус, с которым мы вчера познакомились, возлагал большие надежды на то, что он вернет славу их древнему, но сильно поредевшему роду. Если не ошибаюсь, то его мать пережила сына всего на несколько месяцев.

— Печально, — заключил Фокс.

— Очень.

— А вам не показалось, мистер Аллейн, что у этого мистера Финна с головой не все в порядке?

— Не в своем уме?

— Ну-у, я бы сказал, что он какой-то странный и чудаковатый.

— Во всяком случае, вчера ночью его поведение, несомненно, было на редкость странным. Он был очень напуган, Фокс, ты согласен?

— У него была возможность убить, — напомнил Фокс первое правило полицейского расследования.

— Была, — согласился Аллейн. — Кстати, Бейли проверил отпечатки пальцев. Очки точно принадлежат мистеру Данберри-Финну.

— Ну вот! — удовлетворенно воскликнул Фокс.

— Только это ни о чем не говорит. Он мог их потерять раньше. И будет отпираться до последнего.

— Что ж... — скептически протянул Фокс.

— Я согласен. Но у меня есть версия, как и когда они могли там оказаться. И заключается она вот в чем.

Он изложил свои соображения, которые Фокс выслушал, удивленно подняв брови.

— Что до возможности совершить убийство, то она была у жены полковника, всех трех Лакландеров, да и у сестры Кеттл, если уж на то пошло.

Фокс открыл было рот, чтобы возразить, но, заметив предостерегающий взгляд Аллейна, закрыл его.

— Конечно, — признал Аллейн, — мы не можем исключать бродяг или каких-нибудь смуглолицых уроженцев Дальнего Востока. Но есть одно обстоятельство, Фокс, которое мы ни в коем случае не должны упускать из виду. Судя по всему, находясь на смертном одре, сэр Гарольд Лакландер передал полковнику Картаретту свои мемуары. И тот должен был проследить за их изданием.

— Я не очень-то понимаю, какое отношение... — начал Фокс, но Аллейн снова прервал его:

— Это может оказаться совершенно не относящимся к делу. Однако разве не может так получиться, что эти мемуары связывают Лакландеров с одной стороны и мистера Октавиуса Финна с другой, а сами бумаги оказываются в руках полковника Картаретта?

— Другими словами, — как обычно неторопливо подытожил Фокс, — вы допускаете, что в мемуарах может подробно излагаться история предательства молодого Финна. А если его отец об этом узнал, то не захотел ли воспрепятствовать изданию?

— В такой формулировке это звучит, конечно, слишком уж неправдоподобно, правда? Но что мы имеем, если это так? Картаретт спускается вниз по холму без двадцати семь, видит, что Финн ловит в его водах, и закатывает скандал, который слышит леди Лакландер. Они расходятся. Картаретт направляется на встречу с леди Лакландер, беседует с ней десять минут и идет в ивовую рощу ловить рыбу. Старая леди уходит домой, а Финн возвращается и убивает Картаретта, потому что тот хочет опубликовать мемуары, которые бесчестят имя Финнов. Но леди Лакландер ни словом мне об этом не обмолвилась. Она не говорила, что они ссорились из-за мемуаров, хотя я не вижу оснований скрывать это, если так оно и было. Она просто сообщила, что причиной ссоры являлось браконьерство и что Картаретт ей об этом рассказал. Однако она добавила, что встречались они обсудить некое семейное дело, которое не имеет ничего общего с убийством. А может так быть, что этим частным семейным делом оказались мемуары и их публикация? И если так, то почему она отказывается об этом говорить?

— А у нас есть причина подозревать, что здесь замешаны мемуары?

— Нет. И я занимаюсь тем, от чего всегда предостерегаю других, а именно: предаюсь домыслам. Но разве ты не обратил внимания, как

не понравилось молодому Лакландеру само упоминание о мемуарах? Он сразу перестал разговаривать. Мемуары постоянно выплывают на поверхность, Фокс. Они связывают Картареттов с Лакландерами и могут запросто связывать мистера Финна и с теми и с другими. Пока именно мемуары являются единственным связующим звеном между всеми этими — в остальном обычными — людьми.

— Я бы не назвал миледи обычной женщиной, — заметил Фокс.

— Для своего круга она вполне типична, уж поверь. Слышишь, подъехала машина? Наверное, это доктор Кэртис. Что ж, пора отправиться на Нижний луг поискать улики и проверить на месте, у кого была возможность совершить убийство.

Но перед уходом он остановился в дверях и, потеряв нос, посмотрел на коллегу.

— И не забывай, что перед смертью старого сэра Гарольда, похоже, мучили угрызения совести и умер он со словом «Вик» на устах.

— В самом деле!

— Да. А Марк Лакландер называл молодого Финна Викки! Заставляет задуматься, верно? А теперь в путь!

5

При утреннем свете середины лета лежавшее ничком бездыханное тело полковника Картаретта явно нарушало идиллию мирного берега реки с живописной ивовой рощей. Брезент, закрывавший тело, убрали, и на виске бросалось в глаза клеймо насилия, оставленное преступником. Бейли и Томпсон снова проделали свою ночную работу и сфотографировали тело со всех сторон, правда, по мнению Аллейна, толку от этого было мало. Вода затекла под доски, прижимавшие брезент, пропитала всю одежду полковника и даже собралась в лужицу у него в ладони.

Окончив беглый осмотр, доктор Кэртис поднялся.

— Я здесь закончил, Аллейн, — сообщил он. — Содержимое карманов я передал сержанту Олифанту. Связку ключей, табак, трубку, зажигалку. Банку с наживками. Носовой платок. Бумажник с несколькими банкнотами и фотографией дочери. Вот, собственно, и все. Теперь несколько общих замечаний. Налицо трупное окоченение, но оно уже начинает проходить. Насколько я понял, вы уже выяснили, что последний раз его видели живым без четверти восемь, а в девять

уже нашли тело. Вряд ли мне удастся установить более точное время смерти.

— А что скажете про раны?

— Предварительно скажу, что они нанесены двумя орудиями или одним орудием дважды. Есть глубокая проникающая рана, есть круглая вмятина на черепе с проколом посередине. В это место нанесли сильный удар, который проломил череп и вызвал обширное кровоизлияние. Его могли нанести чем-то вроде кувалды или даже плоским камнем овальной формы. После такого удара он наверняка потерял сознание и мог даже умереть. В любом случае помешать нанести второй удар он уже был не в силах.

Аллейн обошел тело и остановился у кромки воды.

— Никаких следов? — спросил он у Бейли.

— Только тех, кто его нашел, — ответил тот. — Они достаточно четкие. Мужчина и женщина. Подошли один за другим, присели на корточки, встали и отошли. Есть и следы самого полковника, мистер Аллейн, вы их сами видели вчера ночью. Тогда они были наполовину заполнены водой, но где он стоял, видно достаточно хорошо.

— Да, — подтвердил Аллейн. — Он присел на корточки здесь, на мягкой земле. Срезал ножом несколько пучков травы, чтобы завернуть форель. Вот нож, вот трава в руках, а вот и рыба. Потрясающий экземпляр! Сержант Олифант рассказывал, что несколько дней назад эта форель попала сама полковнику, но вытащить ее он не сумел.

Он нагнулся и засунул палец рыбе в рот.

— Так и есть! — сказал он, нащупав что-то. — Давайте-ка посмотрим поближе.

С минуту покопавшись, он наконец сумел извлечь из пасти рыбы сломанную блесну.

— Таковую в магазине не купишь! Отличная блесна, сделанная вручную! Красные перышки, золотистая ткань, обмотанная медной проволокой. По-моему, я видел точно такие в кабинете полковника Картаретта. Роуз делала их для отца своими руками, и эту блесну он и потерял, когда ее зацепила Старушка за день до смерти сэра Лакландера.

Аллейн перевел взгляд на пробитую голову полковника и его лицо, на котором застыло выражение безмятежного безразличия ко всему происходящему, и громко воскликнул:

— Но тогда поймать ее так и не удалось! Зачем же ты кричал в полвосьмого, что скорее умрешь, чем притронешься к ней, а в девять нашли твой труп рядом с этой рыбой?

Он повернулся к реке. Росшие вдоль берега ивы огораживали небольшую глубокую заводь, где воды, медленно кружась, снова вырывались на быстрину.

Аллейн показал на низкий берег бухточки, где виднелся глубокий горизонтальный след.

— Посмотри-ка сюда, Фокс. И туда, чуть повыше. — Он кивнул на ромашки, росшие вдоль берега примерно в ярде от ног полковника. Три стебля были выше других, но цветков на них не было. — Можете забирать тело, — разрешил он, — но постарайтесь не делать лишних шагов. Может, нам придется осмотреть это место еще раз. Кстати, Фокс, ты заметил, что внутри ивняка трава примята и несколько веток сломано? И сестре Кеттл показалось, что за ней наблюдали оттуда. Приступайте, Олифант.

Сержант Олифант и констебль Гриппер принесли носилки и, положив их неподалеку от тела, приподняли его. На землю упал помятый и влажный цветок ромашки.

— Заберем его со всей осторожностью и сохраним, — произнес Аллейн, сопровождая свои слова действиями. — Хорошо бы найти остальные два. Это следы, которые нам оставил убийца.

Олифант и Гриппер уложили тело на носилки и ждали дальнейших указаний.

Второй цветок Аллейн обнаружил на том месте, где лежала голова полковника.

— А третий, — сказал он, — возможно, унесло течением. Там посмотрим.

Теперь внимание детектива переключилось на спиннинг полковника, лежавший на берегу, и он, опустившись на корточки рядом, взял в руки блесну.

— Точно такая же, как и та, что осталась в пасти Старушки, — констатировал он.

Приглядевшись повнимательнее, он понюхал блесну.

— Вчера он вытащил рыбу: на крючке остался кусок мякоти. Тогда куда же она делась? Оказалась слишком маленькой, и полковник ее отпустил? Или нет? Будь проклят этот дождь! — Отцепив блесну, он

убрал ее в пакет. Потом понюхал скрюченные пальцы мертвеца. — Он точно снимал рыбу! Нужно внимательно осмотреть его руки, ногти и одежду на предмет каких-то следов. И заберите с собой пучок травы, который был у него в руке. А где остальная трава?

Он повернулся и аккуратно собрал всю срезанную полковником траву. Осмотрев нож полковника, Аллейн выяснил, что, помимо следов травы на лезвии, сохранился запах рыбы. Потом поднял Старушку и внимательно оглядел гальку, на которой форель пролежала всю ночь.

— Следы сохранились, но принадлежат ли они этой самой рыбе? Смотрите, здесь есть острый камушек, за который зацепился лоскут рыбьей кожи. Ну-ка, ну-ка...

Он тщательно осмотрел форель, но так и не сумел найти вырванного куска кожи.

— А вот это уже кое-что значит, — пробормотал он и достал карманную лупу.

Полицейские, покашливая, переминались с ноги на ногу. Фокс наблюдал за шефом с явным одобрением.

— Что ж, — наконец произнес Аллейн, — нам надо заручиться мнением эксперта, чтобы снять все сомнения. Однако я уже сейчас уверен, что полковник сам поймал рыбу, которая лежала на этом самом месте и оставила здесь на камне лоскут кожи, а потом ее поменяли на Старушку. Пойманную рыбу полковник вряд ли выпустил, потому что тогда он снял бы ее с крючка и тут же отправил обратно в реку, а не стал бы класть на гальку. И как рыба могла ободраться о камень? Зачем на ее место положили Старушку? Кто это сделал? И когда?

— Когда — определить нетрудно, — заметил Фокс. — Это случилось до дождя: почва еще была сухой.

— Но это нам ни о чем не говорит, поскольку полковника убили, а его тело нашли тоже до дождя. Однако обрати внимание, дружище Фокс: в момент убийства у полковника в руке был пучок травы. Разве нельзя предположить, что он срезал траву, чтобы завернуть в нее свой собственный улов? Он отказался забрать Старушку и оставил ее валяться на мосту. Все, кто его знал, в один голос утверждают, что полковник никогда не нарушал слова. И что тогда? Может, это убийца забрал его рыбу, поменяв на Старушку?

— Похоже на то, мистер Аллейн.

— Но зачем?

— Черт его знает! — с досадой воскликнул Олифант. Бейли, Томпсон и констебль Гриппер одобрительно закивали, а доктор Кэртис, сидевший на корточках возле носилок, понимающе улыбнулся.

— А где стоял убийца во время нанесения удара? — продолжил рассуждать Аллейн. — Насколько я понимаю, а вы, Кэртис, поправьте меня, если я не прав, полковник Картаретт сидел на корточках лицом к реке и держал в руках срезанную траву. Оставленные подошвами следы и положение тела говорят о том, что после удара он завалился вперед и остался лежать в том положении, в котором и нашла его сестра Кеттл. Получается, что удар нанес либо левша, подкравшийся сзади, либо правша, ударивший спереди с разворота. Как считаешь, Олифант?

— Прошу прощения, сэр, я хотел только обратить внимание, что удар похож на тот, что наносит рабочий в каменоломне, когда хочет отколоть кусок породы на уровне колен.

— Верно! — одобрительно заметил констебль Гриппер. — Или на нижнюю подачу в теннисе.

Аллейн переглянулся с Фоксом.

— Но между кромкой воды и полковником: было достаточно места для нанесения такого удара. Поэтому я и делаю вывод, что нападавший находился в воде в трех футах от берега. Посмотри-ка повыше по течению, дружище Фокс, только обойди нас стороной, чтобы ничего не затоптать, а потом возвращайся.

Фокс присоединился к Аллейну в том месте, где низкий берег бухточки был ближе всего к течению. Оттуда ивовая роща закрывала вид на начало моста, но зато его конец на другом берегу Чайна был хорошо виден, и там примерно в сорока футах от детективов виднелся старый ялик, пришвартованный в заводи.

— Очаровательный пейзаж, верно? — не мог скрыть восхищения Аллейн. — Так и просится на иллюстрацию в викторианский альбом. Интересно, леди Лакландер когда-нибудь рисует с этого места? Ты, случайно, не читал «Обесчещенную Лукрецию», Фокс?

— Вряд ли, если, конечно, речь не о полицейском расследовании преступления, на что указывает название. Может, вы имеете в виду Шекспира?

— Именно его. Там говорится о причудливости речных течений. Вообще-то в поэме описывается Эйвон у Клоптонского моста, но на

его месте вполне мог фигурировать Чайн.

Под аркой моста так бурлит течение,
За ним угнаться неспособен глаз.
В водоворотах ярое стремленье
Его обратно увлечет подчас.[8]

Посмотри-ка на эту ветку, которую относит к нам. Она попала как раз в такой поток и, вместо того чтобы плыть дальше по течению, оказалась в бухте. Вот она! Кружится и движется обратно к мосту. Тут налицо сильный встречный поток. Вот что я попрошу тебя сделать: опустишь-ка на колени и наклони свою грешную голову, будто разглядываешь воображаемую рыбу. Представь, что ты рыболов. Не поднимай голову и не шевелись, пока я тебе не скажу.

«Интересно, зачем все это нужно?», — подумал Фокс, но послушно опустился на колени и, опираясь на выставленные вперед руки, устремил взгляд вниз.

Аллейн обошел место преступления стороной и скрылся в ивовой роще.

— Что это он делает? — поинтересовался Кэртис, не обращаясь ни к кому конкретно, и отпустил пошловатую шутку насчет позы детектива Фокса.

Сержант Олифант и констебль Гриппер смущенно переглянулись, а Бейли с Томпсоном ухмыльнулись. Они слышали, как Аллейн быстро прошел по Нижнему мосту. Однако видеть его мог бы только Фокс, если бы послушно не смотрел вниз, как и просил шеф. Остальные ждали, когда Аллейн появится на другом берегу.

Совершенно неожиданно для доктора Кэртиса, Бейли, Томпсона, Олифанта и Гриппера в бухте показался ялик, в котором стоял старший инспектор с увядшим цветком ромашки в руках.

Встречным течением ялик медленно несло с противоположного берега прямо в маленькую бухточку с ивовой рощей. Тихо скользя по воде, суденышко ткнулось носом в то самое место на берегу, где Аллейн раньше заметил горизонтальный след. Заскрежетав днищем о гальку, ялик замер на месте.

— Полагаю, ты это слышал? — спросил Аллейн. Фокс поднял голову.

— Да, но до этого я не видел и не слышал ничего.

— Картаретт, должно быть, тоже, — предположил Аллейн. — Что, полагаю, объясняет и наличие ромашек. Дружище Фокс, как считаешь, мы теперь знаем, чьих рук это дело?

— По тому, как вы спрашиваете, мистер Аллейн, — ответил Фокс, — вы считаете, что знаем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Уоттс-Хилл

1

— Вот, чем нам следует руководствоваться, — произнес Аллейн, по-прежнему стоя в лодке. — Первое: я нашел ромашку на носу ялика. То есть она была рядом с двумя другими, но только дальше от места удара. Второе: эта старая посуда имеет швартов в несколько десятков футов длиной. Его конец прочно закреплен на берегу, и я думаю, что это сделано для удобства леди Лакландер. Судя по пятнам акварели и пустому тьюбику из-под краски, она изредка пишет свои этюды и в лодке тоже. Представляю, как она, подобно какой-нибудь внушительной древней богине, сидит на носу ялика и подтаскивает его к месту швартовки. Кстати, в ялике оказались еще большая желтая заколка и несколько окурков сигарет, некоторые — со следами губной помады. Судя по всему, они там уже давно, но это совсем другая история.

— Сэра Джорджа и его подружки? — предположил Фокс.

— Не будем углубляться в любовную тематику и лучше вернемся к нашим баранам. Третье: никто из обитателей поместий на холме не смог бы увидеть движение ялика. Из их домов видны только этот участок моста и ивовая роща. Можете забрать его, Гриппер.

Доктор Кэртис накрыл тело полковника Картаретта брезентом, и констебль Гриппер вместе с водителем машины Скотленд-Ярда отнесли его к фургону, присланному из больницы Суивнингса. Им пришлось пройти вдоль того самого участка реки, где при жизни полковник имел обыкновение рыбачить.

— Он был славным джентльменом, — сказал сержант Олифант. — Надеюсь, нам удастся поймать убийцу, сэра.

— Можете не сомневаться, — заверил Фокс, взглянув на шефа.

— Мне представляется, — продолжил Аллейн, — что убийца находился на другом берегу и увидел Картаретта, склонившегося над рыбой. Убийца знал про ялик, пробрался к нему, оттолкнулся от берега и позволил течению, которое мне нравится считать шекспировским, отнести ялик в эту заводь и прибить к берегу, где остался след. Полагаю, что убийца был достаточно хорошо знаком с полковником, поскольку тот, услышав звук причалившей лодки, не стал вставать с корточек. Как вы сами можете убедиться, ялик прибывает к берегу довольно основательно, и если я отойду к корме, то окажусь как раз напротив того места, где находился полковник, если удар ему нанесли оттуда.

— Если, — с сомнением повторил Фокс.

— Согласен насчет «если» и с удовольствием выслушаю вашу версию, — с готовностью откликнулся Аллейн.

— Виноват, сэр, — смутился Фокс. — Своей версии у меня нет. Пока.

— На первый взгляд кое-что может показаться непонятным, а именно три стебля ромашки без самих цветков. Конечно, цветки мог срезать некий предмет, которым нанесли удар с размаху, и тогда один цветок упал бы на полковника, другой — на берег, а третий — в лодку. Но этот удар никак не мог достать полковника.

Олифант покосился на багор, лежавший в ялике.

— Нет, Олифант, — возразил Аллейн, перехватив его взгляд. — Попробуйте-ка, стоя в ялике, размахнуться этой штукой и одним ударом снести головки ромашек и попасть концом точно в висок. Вы же не считаете нашего убийцу... чемпионом по метанию бревен Горских игр в Шотландии?

— Так вы склонны думать, — поинтересовался Фокс, — что цветки были срезаны вторым ударом или вообще раньше этих событий? Или как?

— Прошу прощения, — не выдержал Олифант, — а вы уверены, что цветки как-то связаны с убийством?

— Полагаю, что да, — ответил Аллейн, поворачиваясь к сержанту. — Все три цветка достаточно свежие, чтобы указывать на это. Один был на теле полковника, а другой — в лодке.

— Прошу прощения, сэр, — не унимался сержант, явно осмелевший после ответа детектива, — а лодка точно связана с

убийством?

— Пока мы не нашли подозреваемого, который является левшой, нам придется в качестве рабочей версии остановиться на ялике. Посмотрите: лодка стоит здесь, а тело лежало там. Между местом, где срезали траву, и рыбой насыпана галька. С лодки запросто можно наступить на гальку, и вы сразу окажетесь в непосредственной близости от полковника. Причем никаких следов практически не оставите. А вот со стороны ивовой роши почва мягкая и рыхлая. На ней хорошо видны следы и самого полковника, и сестры Кеттл, и доктора Лакландера. Но никаких следов четвертого человека. Значит, мы вполне можем допустить, что убийца оглушил полковника, а потом шагнул с ялика на гальку, чтобы добить его или, возможно, просто удостовериться, что тот мертв. Но как увязать в одну версию пропавшую форель, ялик и ромашки?

Аллейн перевел взгляд с Олифанта на Фокса. Сержант насупился, пытаясь скрыть замешательство, а детектив, напротив, казалось, уловил ход мыслей начальника.

Аллейн изложил свою версию убийства, которая объясняла и наличие ялика, и что случилось с рыбой, и откуда взялись ромашки.

— Я отлично понимаю, — сказал он, — что все это основано на сплошных допущениях. Предложите другую версию, которая объяснила бы имеющиеся у нас факты, и я первым приму ее с величайшим удовольствием.

— Странно, как все получается, — с сомнением произнес Фокс. — Что же до ялика...

— Кстати, о ялике! В лодке есть несколько пучков травы, и они пахнут рыбой.

— Вот как? — оживился Фокс и продолжил: — Получается следующая картина. Преступник приплывает на ялике и наносит жертве удар по голове. Сомневаясь, что ему удалось сразу убить полковника, он вылезает из ялика на гальку и добивает его другим орудием. Потом по причинам, которые, мистер Аллейн, звучат вполне разумно, хотя и ничем не подтверждены, он меняет пойманную полковником рыбу на Старушку. Для этого ему приходится вернуться обратно в ялик и забрать ее. По ходу этих перемещений он случайно срывает головки ромашек. Где он взял эти орудия и как поступил с

пойманной полковником рыбой, остается пока тайной. Я правильно все изложил, мистер Аллейн?

— Правильно, и я уверен в своей правоте. А теперь слушайте мой приказ, Олифант: надо немедленно организовать поиски пропавшей рыбы. — Он посмотрел на Фокса. — Встретимся на том берегу. Мне надо кое-что тебе показать.

Он взялся за швартов и стал его выбирать, помогая течению отнести ялик к месту стоянки на другом берегу. Когда там появился Фокс, вынужденный сделать круг, чтобы обойти место преступления стороной, Аллейн сокрушенно покачал головой.

— Олифант со своим подчиненным топтались здесь, как стадо носорогов, пока искали доски. Жаль, конечно. Но тем не менее взгляни-ка сам, Фокс!

Он провел его в глубокую ложбину, где дождю не удалось уничтожить характерные следы, оставленные складным стулом и этюдником леди Лакландер. Аллейн показал на них и добавил:

— Но самый интересный экспонат находится выше на склоне холма. Пойдем покажу.

Фокс проследовал за ним по слегка примятой траве, и, добравшись до места, они с минуту молча разглядывали едва заметное углубление в земле. В нем еще стояла вода, а трава вокруг была смята.

— Если посмотреть внимательно, — сказал Аллейн, — видно, что вокруг отверстия имеется круглая вмятина с зубцами.

— Да, — подтвердил Фокс после долгой паузы. — Бог мой, да она точно такая же, как и на виске убитого!

— Это след второго орудия! — заявил Аллейн. — И этим орудием было сиденье в виде трости, дружище Фокс.

2

— Чудесный дом! — одобрительно заметил Аллейн, когда они вышли из перелеска и перед ними открылся вид на особняк Нанспардон. — Ты не находишь, Фокс?

— Очень красивый, — согласился тот. — Георгианский, верно?

— Верно. Построен на месте бывшего женского монастыря, отсюда и название. Пожалован Лакландерам, как водится, Генрихом Восьмым. А теперь, Бога ради, постарайся не шуметь. Интересно, где леди Лакландер завтракает: у себя в спальне или внизу? Внизу, — тут

же ответил он сам на свой вопрос, увидев, как та выходит из дома в окружении своры собак.

— Она в мужских сапогах! — изумился Фокс.

— Наверное, из-за подагры.

— Господи Боже! Да у нее в руках трость-сиденье! — воскликнул Фокс.

— Верно. Но не обязательно то же самое, хотя кто знает... — пробормотал Аллейн и, сняв шляпу, помахал ей, чтобы привлечь к себе внимание.

— Она идет к нам. Нет, не идет.

— Проклятие! Она собирается сесть!

Сначала леди Лакландер действительно направилась в их сторону, но потом передумала. Помахав в ответ Аллейну рукой в перчатке для садовых работ, она раскрыла трость-сиденье и грузно опустилась на него.

— С ее-то весом, — сердито заметил Аллейн, — она вгонит его в землю целиком! Пошли!

Дождавшись, когда они подойдут поближе, леди Лакландер крикнула: «Доброе утро!» — и молча наблюдала за их приближением. Аллейн с досадой подумал, что она нарочно хочет поставить их в неловкое положение. Однако он выдержал ее взгляд и ответил приветливой улыбкой.

— Вам так и не удалось прилечь? — осведомилась она, когда они подошли. — Я это не к тому, что вы плохо выглядите. Как раз наоборот!

— Нам очень неудобно беспокоить вас в столь ранний час, но мы столкнулись с проблемой.

— Вас что-то беспокоит?

— И притом очень сильно. Вас не затруднит, — Аллейн пустил в ход все свое обаяние, которое его жена находила слишком уж незатейливым, — вас не затруднит оказать нам одну услугу?

— Интересно, что за услуга от меня понадобилась? — Заплывшие жиром глазки старой леди сверлили его взглядом.

Аллейн прибег к заранее заготовленной лжи.

— У нас появились основания подозревать, — сказал он, — что убийца Картаретта мог поджидать свою жертву, прячась неподалеку.

— Вот как?

— Да.

— Но я никого не видела!

— Я же сказал, что он прятался! Определить точное место его укрытия, к сожалению, пока не представляется возможным, поскольку мы еще многого не знаем. Мы полагаем, что оттуда должно было быть видно часть моста и ивовую рощу. И судя по всему, ту ложбину, где вы рисовали.

— Значит, вы ее нашли?

— Это не составило труда, поверьте. У вас был этюдник и складной стул.

— Который под тяжестью моего тела не мог не оставить следов, — заметила она, раскачиваясь, к ужасу Аллейна, на своем сиденье.

— Дело в том, что прятавшийся человек мог дожидаться вашего ухода и только потом покинуть свое убежище. Вы все время оставались в ложбине?

— Нет. Я несколько раз отходила назад, чтобы взглянуть на эскиз издали. Правда, толку от этого было мало.

— А откуда именно вы разглядывали свой эскиз?

— С пригорка между ложбиной и мостом. Наверное, вы не так уж внимательно все осмотрели, иначе бы точно не задавали этот вопрос.

— Правда? И почему? — осведомился Аллейн, мысленно постучав по дереву, чтобы услышать ответ, на который он рассчитывал.

— А потому, мой милый Родерик, что я использовала вот это сиденье в виде трости и вогнала его в землю так глубоко, что не стала вытаскивать и садилась на него несколько раз.

— И вы оставили его на месте, когда отправились домой?

— Разумеется! Чтобы слуге было легче найти мои вещи, которые я сложила рядом.

— Леди Лакландер, мне очень нужно точно восстановить, как все было там, когда вы ушли. Я могу позаимствовать у вас трость-сиденье и этюдник примерно на час? Обещаю, что будем обращаться с ними очень бережно.

— Не знаю, зачем вам все это, но вы все равно вряд ли сочтете нужным меня просветить. Так что делайте что хотите.

Она тяжело поднялась. Ограничительный диск внизу опорного стержня, не говоря уже об острие, так глубоко вошел в землю, что

трость-сиденье осталось прочно стоять.

Аллейну очень хотелось вытащить его с максимальными предосторожностями, может, даже выкопать с дерном, чтобы потом, когда земля высохнет, она отвалилась сама. Но его мечте не суждено было сбыться: леди Лакландер повернулась и, резким движением выдернув сиденье из земли, протянула Аллейну.

— Держите, — сказала она равнодушно. — А принадлежности для рисования находятся в доме. Заберете их сами?

Аллейн ее поблагодарил и, взяв трость-сиденье за середину, последовал вместе с Фоксом за старой леди. В холле они увидели Джорджа. Утром он держался совсем иначе и теперь говорил с той приглушенной торжественностью, с какой люди его типа ведут себя при больном или в церкви. Еще раз напомнив, что он является мировым судьей, Джордж вел себя подчеркнуто сдержанно.

— Джордж, — обратилась к нему мать с насмешливой улыбкой, — меня вряд ли отпустят под залог, но я не сомневаюсь, что навещать меня в тюрьме тебе позволят.

— Что ты говоришь, мама!

— Родерику понадобились мои принадлежности для рисования под явно надуманным предлогом. Однако никаких прав он мне пока не зачитывал.

— Что ты говоришь, мама! — снова повторил Джордж, неловко улыбнувшись.

— Пойдемте, Родерик, — позвала леди Лакландер и привела его через холл в кладовую, где хранились зонтики, теннисные ракетки, клюшки для гольфа и бесчисленные пары самой разнообразной обуви: галош, ботинок и туфель. — Я держу их здесь, чтобы они всегда были под рукой. Лучше всего мне удаются цветы, чем, пожалуй, и исчерпываются мои таланты в акварели. Не сомневаюсь, что ваша жена наверняка бы с этим согласилась.

— Она вовсе не заносчивая особа, — мягко возразил Аллейн.

— Зато художник замечательный! Вот они! Забирайте!

Он поднял холщовый заплечный мешок, к которому был привязан этюдник и зонтик для рисования.

— А вы пользовались зонтиком? — спросил Аллейн.

— Уильям, наш лакей, раскрыл его, но он был не нужен, поскольку солнца в долине не было. Я оставила его, но сложила, когда

пошла домой.

— Надо проверить, было ли его видно в ложбине.

— Родерик, а что за раны были на теле полковника? — неожиданно спросила леди Лакландер.

— Разве ваш внук вам не сказал?

— Если бы сказал, я бы не спрашивала.

— Черепные.

— Можете не спешить вернуть вещи обратно. Я сегодня не в настроении рисовать.

— Я вам очень признателен, что вы позволили их взять.

— Кеттл мне все расскажет подробно!

— Не сомневаюсь, — охотно согласился Аллейн. — И намного лучше меня!

— А почему вы решили поменять дипломатическую службу на такое малопривлекательное занятие?

— Это было давно, — ответил Аллейн, — но, помнится, мне нравилось иметь дело с фактами.

— Только нельзя их путать с истиной.

— Я по-прежнему считаю, что в основе истины лежат факты. Не буду вас больше задерживать. Еще раз огромное спасибо за помощь и понимание. — Аллейн поднялся и посторонился, пропуская даму вперед.

По дороге в перелесок детективы ощущали на себе взгляд тучной старой леди, неподвижно стоявшей на ступенях особняка. Аллейн нес трость-сиденье, продолжая держать его за середину, а Фокс тащил принадлежности для рисования.

— Готов держать пари, — заметил Аллейн, — что со спины мы смотримся так же нелепо, как снежки в аду.

Скрывшись за деревьями, они тут же осмотрели добытые трофеи.

Аллейн положил трость-сиденье на землю и опустился рядом на корточки.

— Ограничительный диск навинчивается на опорный стержень, оставляя заостренный выступ длиной в два дюйма. Все заляпано мягкой землей, комочки которой остались под диском. Но сам диск точно не отвинчивали по меньшей мере месяц. Это хорошо! Если это и было орудием, то его могли вымыть в реке, высушить и потом снова воткнуть в землю, но диск не отвинчивали. Так что под ним могли

сохраниться следы крови. Нужно срочно передать Кэртису на анализ. А теперь взглянем на рисовальные принадлежности.

— Хотя нас они в общем-то и не интересуют.

— Как знать. Этюдник складной, с заостренными ножками, а зонт — составной и тоже с заостренным опорным стрижнем. Остриев набирается целый набор, но трость-сиденье подходит на роль орудия убийства больше всего. Теперь посмотрим, что тут у нас внутри. — Аллейн расстегнул ремни этюдника и заглянул внутрь. — Большая коробка с красками. Несколько листов акварельной бумаги. Набор кистей. Карандаши. Ластик. Баночка для воды. Губка. Тряпка. Тряпка, — тихо повторил он и наклонился понюхать. Затем он развернул тряпку: та была вся заляпана мазками акварельной краски, а посередине расплылось больше бурое пятно с разводами, как будто в нее что-то заворачивали.

Аллейн перевел взгляд на своего коллегу.

— Понюхай, Фокс, — предложил он.

Детектив опустил на корточки рядом и, втянув воздух носом, констатировал:

— Рыба!

3

По дороге назад они прошли через площадку для гольфа и остановились у второй лунки, чтобы взглянуть на долину со стороны Нанспардона. Оттуда были видны дальний конец моста и верховья Чайна. Как и на противоположном склоне, ивовую рощу, нижнее течение реки и мост со стороны Нанспардона закрывали деревья, но сквозь их крону виднелась часть ложбины, где леди Лакландер работала над рисунком.

— Посмотри, — показал Аллейн. — Отсюда миссис Каргаретт и не хватающий с неба звезд Джордж Лакландер заметили, как мистер Финн ловит в чужих водах, а леди Лакландер их видела внизу из ложбины. — Он повернулся и посмотрел на заросли деревьев, росших неподалеку. — Держу пари, что все эти уроки гольфа — только повод уединиться, чтобы никто не мешал им пофлиртовать от души.

— Вы так считаете, мистер Аллейн?

— Во всяком случае, очень на то похоже. А вон и Олифант на мосту, — произнес Аллейн и помахал рукой. — Попросим его Доставить все это хозяйство Кэртису, который сейчас наверняка в

Чайнинге. Около одиннадцати он начнет вскрытие. Доктор Лакландер договорился с местной больницей, что он может воспользоваться их моргом. Я хочу, чтобы Кэртис как можно скорее провел экспертизу тряпки и трости-сиденья и представил отчет.

— Вы думаете, молодой доктор придет на вскрытие?

— Полагаю, да. А сейчас нам не помешает нанести визит вежливости капитану Сайсу.

— Это про его люмбаго говорила сестра Кеттл? И живет он в среднем поместье? Сомневаюсь, чтобы он что-нибудь видел.

— Зависит от того, где стоит его кровать.

— Приступ люмбаго — ужасная штука. Никому не пожелаю, — заметил Фокс.

Они передали сержанту Олифанту вещи леди Лакландер с пояснительной запиской доктору Кэртису и велели полицейскому прочесать долину и постараться найти пропавшую форель или хотя бы то, что от нее осталось. После чего направились в поместье Аплэндс, где жил капитан Сайс.

Миновав владения Хаммер-Фарм, они оказались в части рощи, принадлежавшей капитану Сайсу. На одном из деревьев висела небольшая табличка с предупреждением, выведенным аккуратными буквами: «Осторожно! Ведется стрельба из лука!»

— Ничего себе! А мы не захватили свои робингудовские костюмы!

— Это вполне может быть предупреждением сестре Кеттл, — заметил Аллейн.

— Не понял, сэр?

— Не строить глазки капитану, когда она лечит его люмбаго.

— Сомневаюсь! — натянуто отреагировал Фокс.

Выйдя из рощи и добравшись до сада, разбитого возле дома, детективы услышали характерный звук поющей тетивы и глухой удар.

— Что за черт! — воскликнул Фокс. — Похоже на звук выпущенной стрелы.

— Что вполне естественно, поскольку это была именно она, — ответил Аллейн, показывая на дерево неподалеку от них. В самом центре сердца, аккуратно вырезанного в коре и выкрашенного в красный цвет, еще подрагивала вонзившаяся в него стрела с красивым алым оперением. — Нельзя сказать, чтобы нас не предупредили.

— Что за беспечность! — возмутился Фокс.

Аллейн вытащил стрелу и внимательно осмотрел ее.

— Может убить, если попадет в нужное место. Надеюсь, ты обратил внимание на сердце. Похоже, от люмбаго капитан Сайс исцелился, но теперь его терзает любовная лихорадка. Пошли!

Они вышли из рощи и в ярдах пятидесяти увидели самого капитана Сайса с луком в руке и колчаном на бедре. Тот был явно растерян.

— Послушайте! — закричал он. — Я, конечно, прошу прощения и все такое, но откуда мне было знать, что вы там ходите! И к тому же я специально повесил табличку!

— Да-да, — успокоил его Аллейн. — Никаких претензий!

Детективы направились вверх по склону, и чем ближе они подходили, тем сильнее капитан Сайс нервничал. В отличие от леди Лакландер он смотрел куда угодно, но только не на них. Когда Аллейн представил себя и Фокса, капитан шарахнулся от них как от прокаженных.

— Мы — офицеры полиции, — объяснил Аллейн.

— Боже милостивый!

— Полагаю, вы уже слышали о ночной трагедии?

— Какой трагедии?

— С полковником Картареттом.

— Картареттом?

— Его убили.

— Господи Боже!

— Мы опрашиваем соседей, на случай...

— Во сколько?

— Мы считаем, что около девяти часов.

— А откуда известно, что это — убийство?

— По характеру ран, нанесенных в висок. Причем очень жестоких.

— А кто нашел тело?

— Медсестра. Сестра Кеттл.

— А почему же она не зашла ко мне?! — воскликнул Сайс и покраснел.

— А должна была?

— Нет.

— Тогда почему...

— Послушайте, пройдемте в дом, что мы здесь стоим как неприкаемые! — перебил Аллейна капитан Сайс.

Детективы прошли в холостяцкую гостиную и обратили внимание, что его временная постель была аккуратно заправлена, а на столе разложены принадлежности для рисования и акварельные краски. На чертежной доске красовался большой лист бумаги с наброском иллюстрированной карты. Аллейн узнал Суивнингс, и кое-где уже были прорисованы крошечные фигурки людей.

— Хорошо получается, — похвалил Аллейн, разглядывая рисунок.

Капитан Сайс буркнул что-то невразумительное и, подойдя к доске, загородил свою работу и пробормотал что-то насчет подарка.

— Он ей наверняка придется по душе, — вежливо заметил Аллейн, чем вогнал Сайса в краску и расстроил Фокса.

Аллейн пояснил капитану Сайсу, что они опрашивают всех соседей Картаретта.

— Мы хотим составить общую картину. Когда начинаешь расследовать подобное преступление...

— Так вы не поймали убийцу?

— Пока нет. Но мы рассчитываем, что, опросив всех соседей, которые оказались в этот момент поблизости...

— Меня поблизости точно не было.

— Тогда откуда вы можете знать, где нашли тело? — поинтересовался Аллейн слегка изменившимся тоном.

— А что тут знать?! Вы сказали, что тело нашли в девять часов. Мисс... э-э... словом, та леди, которая, по вашим словам, обнаружила тело, ушла отсюда без пяти девять и направилась в долину. Если она нашла его в девять, то, значит, он был в низине, верно? Я видел, как она направилась вниз по тропинке.

— А откуда вы за ней наблюдали?

— Отсюда. Из окна. Она мне сама сказала, что пойдет через долину.

— Значит, вы уже были на ногах? А не прикованы к постели приступом?

Капитан Сайс явно смутился.

— Хоть и с трудом, но мне удалось подняться, — пояснил он.

— А этим утром уже почувствовали себя совершенно здоровым?

— Люмбаго может скрутить в любой момент и так же неожиданно отпустить.

— Надо же! Просто удивительно! — заметил Аллейн и протянул капитану стрелу, которую по-прежнему держал в руках. — А вы часто стреляете в сторону рожи? — поинтересовался он.

Капитан Сайс пробормотал, что делает это для разнообразия: постоянно стрелять по одной и той же мишени приедается.

— Мне всегда хотелось пострелять из лука, — дружелюбно солгал Аллейн. — Это один из самых благородных видов спорта. Скажите, а по силе натяжения у вас что за лук?

— Шестьдесят фунтов.

— Правда? И на какое расстояние можно выпустить из него стрелу?

— Двести сорок ярдов.

— И можно выбить максимум двенадцать очков?

— Верно, — подтвердил Сайс, бросив на Аллейна уважительный взгляд.

— Впечатляет! Однако не хочу вас больше задерживать пустой болтовней. Скажите, вы действительно знали полковника Картаретта уже много-много лет?

— Не так чтобы мы особенно тесно общались, но были соседями. Очень порядочный человек.

— Не сомневаюсь! Скажите, вы, кажется, с ним встречались, когда служили на Дальнем Востоке? А где — в Гонконге? — спросил Аллейн, пытаясь разговорить собеседника.

— В Сингапуре.

— Да, верно. Я почему спрашиваю: судя по нанесенным ранам и полному отсутствию мотива, может, это как-то связано с его службой на Востоке?

— Понятия не имею.

— А вы не можете ничего припомнить о его жизни на Востоке? Мы были бы признательны за любую информацию, которая сдвинет расследование с мертвой точки. Когда вы его там видели?

— Последний раз, думаю, четыре года назад. Я тогда еще служил. Мой корабль стоял в Сингапуре, и полковник заглянул ко мне, когда мы пришвартовались. А через полгода меня списали на берег.

— А вы с ними там часто встречались?

— С ними?

— С четой Картареттов.

Капитан Сайс пристально посмотрел на Аллейна и ответил:

— Тогда он еще не был женат.

— Значит, вы познакомились с его второй женой только здесь?

Капитан Сайс сунул руки в карманы и подошел к окну.

— Я познакомился с ней раньше, — нехотя ответил он. — Еще там.

— До их свадьбы?

— Да.

— А случайно, не вы их познакомили? — небрежно поинтересовался Аллейн и заметил, как капитан напрягся и побагровел.

— Я действительно представил их друг другу, — громко ответил Сайс, продолжая смотреть в окно.

— Занятно, когда удастся устроить судьбы знакомых, — заметил Аллейн. — По крайней мере для таких неисправимых энтузиастов этого дела, как я.

— Господи Боже, да ничего подобного! — возмутился капитан. — У меня и в мыслях не было! Да вы что!

Он говорил с такой горячностью, будто его переполняли изумление, стыд и возмущение. Аллейн удивился, почему капитан не дал ему заслуженной отповеди, и пришел к выводу, что тот просто растерялся. Он постарался выведать что-нибудь еще о пребывании Картареттов в Сингапуре, но у него ничего не вышло. Заметив, как у Сайса дрожат руки, на лице, покрытом пятнами, выступила испарина, а взгляд голубых глаз стал тоскливым, он понял, что Сайс любит прикладываться к бутылке.

— Меня бесполезно о чем-то расспрашивать! — неожиданно заявил Сайс. — Мне никто ничего не рассказывает. Я никуда не хожу. И никому до меня нет дела!

— Мы просто собираем всю возможную информацию, и я надеялся, что вы нам поможете. Вчера мисс Кеттл рассказывала нам, насколько близко здешние семьи связаны друг с другом. Как будто живут не в наши дни, а в средние века. Даже сэр Гарольд Лакландер взял молодого Финна себе в секретари. Что вы сказали?

— Ничего. Жаль беднягу. Не важно!

— И Картаретт пришел вас навестить, когда вы прибыли в Сингапур. И вы познакомили его с мисс... Я, к сожалению, не знаю девичьей фамилии миссис Картаретт.

Капитан Сайс буркнул что-то неразборчивое.

— Может, вы мне его подскажите? — извиняющимся тоном попросил Аллейн. — Нам это надо для отчета. А ее беспокоить не хочется.

Он безмятежно посмотрел на Сайса, который с затравленным видом с трудом проглотил слюну и хрипло ответил:

— Де Вер.

Наступила неловкое молчание, и после долгой паузы Фокс закашлялся, а Аллейн произнес:

— Все понятно.

4

Покинув дом Сайса, детективы направились через рощу к жилищу Данберри-Финна.

— Кто бы мог подумать, мистер Аллейн, — спросил Фокс, — что вдова полковника голубых кровей?

— Никто, дружище Фокс. Потому что это не так.

— Но де Вер?

— И что с того?

— А может, — предположил Фокс, решив щегольнуть словом из французского языка, освоить который было его заветной мечтой, — может, она... э-э... *declassée*?[9]

— Как раз наоборот! Ее социальный статус постоянно повышается.

— Верно! Сейчас в ее сети попал баронет. Он явно неровно к ней дышит, что бросается в глаза. Как думаете, это может оказаться достаточно сильным мотивом для совершения преступления кем-то из них?

— Полагаю, в его жизни сейчас наступил сезон той неразумной восторженности и увлеченности, который неизбежно переживают все мужчины его типа в этом возрасте. Однако мне трудно представить, чтобы он мог вызвать в женщине столь необузданную страсть, что она не остановится перед убийством. Впрочем, как знать! Жизнь в

Суивнингсе ей наверняка кажется слишком уж унылой и тоскливой. А какое впечатление на тебя произвел Сайс в целом, Фокс?

— Ну, я так и не понял, какие чувства он испытывает по отношению к жене полковника. Они же старые знакомые, верно? По словам мисс Кеттл, он нарисовал портрет миссис Картаретт еще до того, как та вышла замуж. И он точно не в восторге от этого брака! Вспомните, как он разозлился, когда об этом зашла речь. Я думаю, что между ними кое-что было в зарослях магнолии, где Восток встречается с Западом.

— Нельзя быть таким циником, Фокс, — рассеянно произнес Аллейн, — но выяснить нам не помешает.

— *Crime passionnel?*[10]

— Трудно сказать. Мы свяжемся со Скотленд-Ярдом и попросим проверить Сайса. Они узнают, когда он был в Сингапуре, и соберут конфиденциальные сведения.

— А что, если, — продолжил рассуждать Фокс, — Сайс был в нее влюблен? Что, если они обручились и он познакомил ее с полковником? А затем он отправился в плавание, а после отставки вернулся домой и узнал, что Китти де Вер стала миссис Картаретт? Тогда он ищет утешения в бутылке, и у него появляется *idée fixe*. [11]

— У тебя самого она появится, если ты не перестанешь так буйно фантазировать. А что скажешь о его люмбаго? На мой взгляд, капитан неровно дышит к сестре Кеттл.

Фокс растерялся.

— Еще не хватало, — пробормотал он.

— А вот и рожа мистера Финна и, если не ошибаюсь, наша ночная знакомая.

Действительно, миссис Томазина Твитчетт вышла совершить моцион. Увидев детективов, она махнула хвостом, зажмурилась и села.

— Доброе утро, моя дорогая, — поздоровался Аллейн.

Он опустил на корточки и протянул руку. Миссис Твитчетт не тронулась с места, но громко заурчала.

— Знаешь, — продолжил Аллейн строгим голосом, — если бы ты умела не только мяукать и мурлыкать, я бы попросил тебя все нам рассказать. Ты была вчера вечером на Нижнем лугу и наверняка все видела и слышала.

Миссис Твитчетт прикрыла глаза, понюхала протянутый указательный палец Аллейна и принялась его облизывать.

— Она приняла вас за котенка, — язвительно заметил Фокс.

Аллейн, в свою очередь, тоже понюхал свой палец и наклонился к кошке почти вплотную. Она приветствовала его, ткнувшись носом ему в лицо.

— Надо же! — не удержался Фокс.

— Она больше не пахнет рыбой. Пахнет молоком и вареной крольчатинной. Ты помнишь, где мы ее вчера встретили?

— На склоне, по которому поднимались, верно?

— Да. Надо обязательно еще раз осмотреть местность повнимательнее. Пошли!

Они прошли через рощу и оказались на лужайке перед Джейкобс-Коттедж.

— Если это «коттедж», — заметил Фокс, — то Букингемский дворец — просто дом с верандой.

— Полагаю, что здесь не обошлось без ложной скромности. Но фасад очень красивый. Наверное, этот особняк возвели в свое время для вдовы владельца Нанспардона, когда умер хозяин. Тебе не кажется странным, что два одиноких мужчины живут бок о бок в домах, которые слишком для них просторны?

— Интересно, как ладят между собой мистер Финн и капитан?

— Готов держать пари, что не ладят. Смотри, вот и хозяин!

— Боже мой! — воскликнул Фокс. — Целый зверинец!

Мистер Финн вышел из дома в окружении стаи кошек и трех упитанных котят миссис Твитчетт.

— Больше ничего нет! — урезонивал он их писклявым голосом. — Все съели! Ступайте ловить мышей, пушистые бездельницы!

Он поставил на землю пустую миску и, выронив что-то из нагрудного кармана, торопливо засунул обратно. Часть кошек изобразили испуг и отскочили в сторону, а остальные просто наблюдали за происходящим. Котята, завидев мать, припустились к ней, задрвав хвосты и мурлыча. Заметив Аллейна и Фокса, мистер Финн несколько раз хлопнул в ладоши, как механическая игрушка, у которой кончался завод.

Кисточка шапочки свисала ему на нос, но внезапно разлившаяся по лицу бледность полностью нивелировала комический эффект. Из

нагрудного кармана выглядывал торопливо засунутый туда предмет. Он тронулся навстречу полицейским, и вся кошачья свита, за исключением семейства Твитчеттов, потянулась за ним.

— Доброе утро, — поздоровался он и дрожащей рукой откинул кисточку в сторону и, вытянув из нагрудного кармана кончик несвежего платка, прикрыл им торчавший из него предмет. — Чем я обязан чести удостоиться внимания нашей доблестной полиции? Из лесной чащи появляются сыщики! — Он всплеснул руками. — Словно фавны, преследующие ускользающих от них нимф! Да еще с оружием в руках, — добавил он, бросив косой взгляд на стрелу капитана Сайса, которую Аллейн по рассеянности прихватил с собой.

— Доброе утро, мистер Финн, — поздоровался Аллейн. — Я решил проведать вашу очаровательную кошку, с которой познакомился вчера.

— Чудесная, правда? — Мистер Финн облизнул губы. — И на редкость заботливая мать!

Аллейн опустился на корточки возле миссис Твитчетт, которая мягко оттолкнула лапой слишком уж назойливого котенка.

— Для кормящей матери у нее просто потрясающая шерсть! — сказал он, глядя ее. — Вы держите ее на какой-то особой диете?

Мистер Финн, как истый кошатник, с удовольствием поделился секретами правильного питания, которые для обычных людей показались бы просто блажью:

— Ее сбалансированная диета подобрана с учетом ее собственных пристрастий. Рыбка по понедельникам и пятницам, мяско по вторникам, печеночка по средам, крольчатинка по четвергам и воскресеньям. К тому же, — добавил он с жестокой улыбкой, — мы не ленимся разнообразить меню мышками и птичками, которых ловим своими острыми коготками.

— Значит, рыба два раза в неделю, — задумчиво повторил Аллейн.

Фокс, чувствуя, что тоже должен что-то сказать, произнес:

— Надо же!

— Она, подобно истой католичке, с нетерпением ждет завтрашнего дня, — продолжил мистер Финн, — хотя по религиозному мировоззрению она, безусловно, исповедует верования Древнего Египта.

— А вы, наверное, балуете ее рыбкой из Чайна?

— Если мне удастся что-нибудь поймать, то я, конечно, с ней делюсь.

— А ты, моя прелесть, случайно, не лакомилась вчера свежей рыбкой? — обратился Аллейн к кошке, что со стороны выглядело довольно нелепо. Миссис Твитчетт презрительно отвернулась к котяткам.

— Нет! — ответил за нее мистер Финн.

— Значит, вчера, кроме знаменитой Старушки, больше ничего поймать не удалось?

— Нет!

— Мы можем где-нибудь побеседовать?

Мистер Финн молча провел детективов в дом через боковую дверь и по коридору — в просторную библиотеку.

Аллейн, привыкший бывать в чужих домах, незаметно огляделся. Кабинет полковника был уютным, ухоженным, и в убранстве чувствовалась женская рука. Гостиная капитана Сайса отличалась чистотой и порядком, но была явно холостяцкой. В библиотеке мистера Финна царили грязь и запустение, а впечатление беспорядка усиливалось причудливым сочетанием викторианской помпезности, георгианского изящества и эдвардианской эклектики. Некогда изысканные подушки заляпаны пятнами и потускнели. Развешанные на стенах многочисленные картины некогда модных художников покрыты слоем пыли. Среди них бросался в глаза портрет хрупкой женщины с неожиданно волевым подбородком, который казался смутно знакомым. Бесконечные ряды дорогих изданий о кошках разбавляли романы эпохи короля Эдуарда VII, на иллюстрациях в которых женщины в легких пальто и вуалях презрительно поглядывали на атлетически сложенных мужчин, одетых в просторные куртки с нагрудными карманами. Вместе с тем в библиотеке имелись пара превосходных кресел и чудесный, хоть и грязный ковер. Среди канувших в небытие романов попадались и действительно хорошие книги. На одном из стеллажей Аллейн неожиданно обнаружил книгу, которая указывала на связь Октавиуса Финна с покойным полковником: среди изданий по рыбной ловле там стояло «Чешуйчатое племя» Мориса Картаретта. Но больше всего Аллейна заинтересовал беспорядок, устроенный возле очаровательной конторки, украшенной

резьбой. Ящички были наполовину выдвинуты, а один даже валялся на полу. Крышка конторки завалена всякой мелочевкой, явно извлеченной из ящиков, и даже на полу разбросаны какие-то вещи. Казалось, что здесь орудовал грабитель, которого неожиданно спугнули.

— Чем могу служить? — осведомился мистер Финн. — Может, желаете что-нибудь выпить? Стаканчик хереса? Могу предложить «Тио Пепе», который не нуждается в рекомендациях.

— Благодарю вас, но сейчас еще утро, и к тому же, боюсь, мы здесь по долгу службы.

— Вот как? Мне бы очень хотелось вам помочь! Я провел ужасно беспокойную ночь, вернее, то, что от нее осталось. Все время думал и размышлял. Убийца в наших краях! Сама мысль об этом представляется каким-то черным юмором, а ведь надо же — случилось! В Суивнингсе живут очень достойные люди. Здесь настолько мирно, что, кажется, даже воды Чайна никогда не покрываются зыбью!

Он вздрогнул и скривился, будто от внезапного приступа зубной боли.

— Правда? — недоверчиво переспросил Аллейн. — А как же битва за Старушку?

Мистер Финн был готов к этому вопросу и взмахнул дрожавшей рукой.

— Nil nisi[12] и все такое, — воскликнул он, стараясь не выдавать волнения, — но рыбак из полковника был никудышный. Во всем остальном — самый достойный пример для подражания, но, как спиннингист, должен признаться, он допускал невероятные промахи! Просто поразительно, как в таком благородном виде спорта могут совершаться столь прискорбные нарушения!

— Например, — предположил Аллейн, — забрасывать блесну под мост, где уже чужие владения?

— Я готов отстаивать свою правоту перед Всевышним, и на мою защиту встанет нетленный дух самого великого Уолтона![13] Я поступил так, как был вправе!

— А вы с полковником говорили о чем-нибудь, кроме... этого инцидента?

Мистер Финн смерил его сердитым взглядом и открыл было рот, чтобы ответить, но, видимо, подумав о леди Лакландер, снова закрыл.

Аллейн с досадой вспомнил о существовании закона о внесудебных показаниях. Леди Лакландер сообщила ему, что полковник и мистер Финн обсуждали и другую тему, но отказалась уточнить какую. Если мистера Финна будут судить по обвинению в убийстве Мориса Картаретта или хотя бы заслушают в качестве свидетеля, то использование Аллейном первой части показаний леди Лакландер и сокрытие второй будут расценены судом как нарушение закона. Он решил рискнуть.

— Нам известно, — сказал он, — что вы обсуждали еще один вопрос.

Наступила долгая тишина.

— Итак, мистер Финн?

— Я жду!

— Чего вы ждете?

— Когда вы зачитаете мне мои права, — ответил тот.

— Полицейский обязан зачитать права, только если совершает арест.

— А разве у вас нет такого намерения?

— Пока нет.

— Вы, конечно, располагаете сведениями, полученными от леди Гаргантюа, Тучной хозяйки поместья, с большой буквы и во всех отношениях Великой владелицы Нанспардона, — заявил мистер Финн и неожиданно покраснел. Его взгляд остановился на каком-то предмете за спиной Аллейна. — И определенное представление о ее величии можно составить даже по полноте. А она посвятила вас в суть нашей дальнейшей беседы с полковником?

— Нет.

— Тогда и от меня вы ничего не узнаете, — заявил мистер Финн.

— По крайней мере сейчас. Если только меня не вынудят.

Его взгляд был по-прежнему прикован к чему-то за спиной Аллейна.

— Что ж, будь по-вашему, — сказал детектив и отвернулся.

Он находился спиной к письменному столу, заваленному бумагами и всякой всячиной. Сверху там стояли две фотографии в потускневших серебряных рамках. На одной была та же женщина, что и на портрете, а на другой — очень похожий на нее молодой человек. Внизу изящным почерком было подписано: «Людовик».

Мистер Финн смотрел на эту фотографию.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Джейкобс-Коттедж

1

Аллейн скрепя сердце решил использовать представившуюся ему возможность. Он служил в полиции больше двадцати лет, и эти годы невольно сказались на его манере держаться, которую теперь можно было принять за черствость и бездушие. Однако, подобно кубику льда, меняющему форму под действием тепла, но сохраняющему внутреннюю структуру, сама личность Аллейна не претерпела никаких изменений. Когда в интересах следствия ему приходилось совершать нечто противоречившее его внутренним устремлениям, он заставлял себя поступать так, как было нужно для дела. Чувство долга и самодисциплина были для него превыше всего.

— Это ваш сын, сэр? — осведомился он, показывая на фотографию.

— Мой сын Людовик, — подтвердил Финн изменившимся голосом.

— Я не был с ним знаком лично, но в 1937 году работал в Специальной службе уголовного розыска. И конечно, слышал о трагедии.

— Он был хорошим мальчиком, — сказал мистер Финн. — Боюсь, что я, наверное, слишком баловал его.

— Об этом трудно судить.

— Да, трудно.

— Я не прошу у вас прощения, что заговорил о нем. При расследовании убийства запретных тем не существует. Нам стало известно, что сэр Гарольд Лакландер скончался с именем Вика на устах и переживал по поводу мемуаров, поручив полковнику Картаретту решить вопрос с их изданием. Мы знаем, что ваш сын работал секретарем сэра Гарольда в тот ключевой период, когда тот возглавлял посольство в Зломце. И если сэр Гарольд собирался изложить в мемуарах правдивую картину всего, чему ему довелось быть свидетелем, он не смог бы обойти трагедию, случившуюся с вашим сыном.

— Можете не продолжать, — остановил его мистер Финн, махнув рукой. — Я отлично понял, к чему вы клоните. — Он взглянул на Фокса, державшего в руке блокнот: — Вы можете делать свои заметки открыто, инспектор. Мистер Аллейн, вы хотите знать, не поссорился ли я с полковником Картареттом из-за того, что тот хотел опубликовать мемуары Лакландера и предать гласности позор моего сына? Уверяю вас, что это совершенно не соответствует действительности!

— Мне хотелось бы знать, касалась ли этой проблемы ваша беседа, которую случайно подслушала леди Лакландер, но отказывается сообщить нам детали.

Мистер Финн вдруг хлопнул в ладоши маленькими пухлыми ручками.

— Если леди Лакландер не считает нужным посвятить вас в это, то пока я тоже промолчу.

— Еще мне хотелось бы знать, — не унимался Аллейн, — не ошибаемся ли мы относительно вероятных мотивов, которыми руководствуется леди Лакландер и вы сами.

— Мистер Аллейн, — произнес мистер Финн неожиданно благодушно, — вы и так уже находитесь в очень непростой ситуации. Если вы попытаетесь очистить луковицу этики от кожуры мотивов, то на глаза могут навернуться слезы. А они совсем не к лицу старшему инспектору, уж поверьте!

Уголки его губ дрогнули в улыбке. Аллейн решил бы, что мистер Финн полностью овладел собой и совершенно успокоился, если бы не предательский тик правого глаза и нервное поглаживание рук.

— Не могли бы вы показать нам снасти, которыми вчера ловили на Чайне? — попросил Аллейн.

— Отчего же? — ответил мистер Финн и добавил, повысив голос: — Но я хочу знать, являюсь ли подозреваемым в этом убийстве! Это так?

— Послушайте, — ответил Аллейн, — вы должны отлично понимать, что не можете рассчитывать на ответ, если сами не желаете отвечать на вопросы. Так как насчет рыболовных снастей?

— Они не здесь, — ответил мистер Финн, пристально посмотрев на сыщика. — Я сейчас принесу.

— Фокс вам поможет.

Мистер Финн не скрывал, что это предложение его вовсе не обрадовало, но предпочел не спорить. Когда они с Фоксом вышли, Аллейн подошел к стеллажу с книгами и достал «Чешуйчатое племя» Мориса Картаретта. На титульном листе имелась дарственная надпись «Январь 1930. Викки в день восемнадцатилетия с пожеланиями удачной рыбалки» и подпись автора. Аллейн подумал, что отношения полковника с молодым Финном были намного лучше, чем с его отцом.

Он полистал книгу. Она была издана в 1929 году и представляла собой сборник живо написанных очерков о повадках и особенностях пресноводных рыб. В книге удачно сочетались бытовавшие среди рыбаков поверья и фантазии с научными фактами и данными естествознания. Оценив изящество иллюстраций на полях, Аллейн снова посмотрел на титульную страницу и выяснил, что они выполнены Джеффри Сайсом. Еще один пример удивительных связей между обитателями Суивнингса. Могли ли полковник и капитан, служившие в столь разных местах, писать друг другу двадцать шесть лет назад и обмениваться мнениями о «чешуйчатом племени» и оформлении книги? Его взгляд упал на заголовок «Каждая на свой лад» и два изображения, похожих на увеличенные отпечатки разных пальцев, которые можно встретить во всех учебниках по криминалистике. Подписи гласили: «Увеличенные фотографии чешуи форели. Рис. 1. Возраст — 6 лет, вес — 2,5 фунта. Река Чайн. 4 года медленного роста, 2 года бурного роста. Рис. 2. Возраст — 4 года, вес — 1 фунт. Река Чайн. Отличается от рис. 1 годовыми кольцами и следами нереста». Заинтересовавшись, Аллейн прочитал пояснение. Полковник писал: «Возможно, не все знают, что чешуя разных форелей никогда не бывает одинаковой, подобно тому, как у разных людей не бывает одинаковых отпечатков пальцев. Забавно, что в подводном мире форель-преступницу можно было бы опознать по такой неопровержимой улике, как оставленная ею чешуйка».

На полях капитан Сайс нарисовал забавную картинку: плотва с трубкой в зубах и в шляпе Шерлока Холмса с козырьками спереди и сзади разглядывает сквозь увеличительное стекло чешую на свирепого вида форели.

Аллейн еще раз перечитал страницу, а потом посмотрел на портрет самого полковника на фронтисписе. В его лице угадывались

черты дипломата и воина, но было в них и что-то от обычного сельского жителя.

«Похоже, славный был человек. Наверное, его бы немало позабавило, узнай он, что сумел снабдить меня бесценной информацией», — подумал Аллейн.

Он поставил книгу на место и переключил внимание на стол, заваленный брошюрами, буклетами, вскрытыми и нераспечатанными конвертами, газетами и журналами. Оглядев то, что лежало сверху, он принялся осторожно перебирать бумаги и вскоре натолкнулся на большой конверт, на котором красивым и ровным почерком полковника было выведено: «Октавиусу Финну, эсквайру».

Аллейн заглянул в конверт, где лежало около тридцати машинописных страниц, помеченных цифрой «7», но тут на лестнице послышался голос Фокса. Он быстро положил конверт на место и отошел к портрету на стене.

В дверях показались мистер Финн и Фокс, которые принесли снасти.

— Я любовался этим чудесным портретом, — сказал Фокс.

— Это моя жена.

— Мне показалось, или все-таки есть некоторое сходство с доктором Марком Лакландером?

— Они были в дальнем родстве, — коротко ответил мистер Финн.
— Вот то, что вы просили.

Он, несомненно, относился к тем рыболовам, которые не могут устоять перед соблазнами иллюстрированных каталогов и всяких хитрых приспособлений. Корзина для рыбы, багор, сеть, набор блесен и отличный спиннинг — все снаряжение было наивысшего качества и наверняка стоило целое состояние. В холщовой сумке, снабженной многочисленными кармашками и прорезями, хранились бесконечные рыболовные принадлежности, и, извлекая их, Аллейн имел возможность убедиться, что все они содержались в чистоте и идеальном порядке.

— А на какую блесну попалась Старушка? — поинтересовался он. — Наверняка это была настоящая битва титанов!

— Я расскажу вам, если вы обещаете не затрагивать тему моста!
— тут же оживился мистер Финн.

— Так и быть, обещаю, — согласился Аллейн с улыбкой. — Рассказывайте!

И мистер Финн приступил к делу. Казалось, что одного упоминания о совершенном им подвиге было достаточно, чтобы он начисто позабыл обо всех переживаниях. Страх и отцовское горе, которые он мог испытывать, вспышки ярости, овладевавшие им, — все отошло на задний план, стоило заговорить о его истинной страсти — рыбалке. Он вывел полицейских наружу, продемонстрировал, как забрасывал блесну, потом снова завел в дом и показал в лицах, как боролся со Старушкой. Как она сопротивлялась и какую невероятную проявила силу. Как он ловко вывел ее на свой законный участок, и она почти сорвалась, и как, несмотря на все ее коварные уловки, ему удалось ее перехитрить. Завершила представление красочная пантомима о последовавшей капитуляции Старушки, как ее удалось выбросить на берег и нанести *coup de grace*[14] специальной дубинкой, налитой свинцом.

Аллейн взял дубинку в руки и оценивающе прикинул вес.

— А как называется эта штука? — поинтересовался он.

— «Пастор», — ответил мистер Финн. — Она называется «пастор», а почему — я и сам не знаю.

— Наверное, потому, что провожает в последний путь, — предположил Аллейн и положил дубинку рядом со стрелой капитана Сайса.

Мистер Финн проводил ее взглядом, но промолчал.

— Нужно вернуть стрелу капитану Сайсу, — небрежно заметил Аллейн. — Я нашел ее воткнутой в дерево.

Он явно задел мистера Финна за живое. Побагровев, тот начал поносить капитана Сайса и его увлечение стрельбой из лука. Он с нескрываемой злостью припомнил смерть матери Томазины Твитчетт, погибшей от руки капитана Сайса. По словам мистера Финна, Сайс был настоящим чудовищем, который в пьяном угаре садистски утолил свою жажду крови и нарочно расправился с вдовствующей Твитчетт. Ссылки на несчастный случай просто нелепы, ибо Сайс одержим убийством. Он напивается до потери сознания и начинает осыпать стрелами всю округу! Только вчера ночью, продолжал распалившийся мистер Финн, когда он возвращался после небольшого, как он выразился, *mésentente*[15] с полковником Картареттом, он слышал, как

на лугу пела тетива, и в дерево вонзилась стрела в опасной близости от него! И случилось это в четверть девятого. Его часы как раз пробили четверть часа.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, — мягко возразил Аллейн. — По словам сестры Кеттл, в тот вечер капитан Сайс был прикован к постели приступом люмбаго.

— Полная чушь! — возмутился мистер Финн. — Либо она его сообщница или любовница, либо, — добавил он, слегка сбавив тон, — была им одурочена. Клянусь, он был на ногах, да еще как! Клянусь! Я еще перепугался, как бы моя Томазина, которая сопровождала меня на реку, не разделила горькой участи своей матери. Она не стала возвращаться со мной, а решила подышать вечерним воздухом. Кстати, причина моего столь драматического появления глубокой ночью в Хаммер-Фарм была надежда отыскать свою загулявшую кошечку. А трагическая новость, которой вы меня огорошили, совершенно выбила меня из колеи! — завершил мистер Финн свою пылкую тираду, явно не рассчитывая, что ему поверят.

— Понятно, — невозмутимо произнес Аллейн. — Какое удивительное нагромождение совпадений! Вы не возражаете, если мы ненадолго заберем ваши снасти? Нам нужно кое-что проверить.

Мистер Финн опешил.

— Как это — заберете?! — наконец вымолвил он. — Мои снасти? Похоже, отказаться я не могу!

— Мы вернем их сразу, как только сможем, — заверил его Аллейн.

Фокс упаковал все снасти и водрузил их на плечо.

— Боюсь, — извиняющимся тоном произнес Аллейн, — что мне придется попросить вас также передать нам одежду и обувь, в которой вы вчера ходили на рыбалку.

— Обувь? Одежду? — изумился мистер Финн. — С какой стати? Мне это совершенно не нравится!

— Возможно, вас несколько успокоит, если я скажу, что мы обратимся с такой же деликатной просьбой еще к четверем особам.

Мистер Финн немного приободрился.

— Ищете следы крови? — осведомился он.

— Не только, — невозмутимо ответил Аллейн. — То да се, много чего... Так мы можем их забрать?

— Будто у меня есть выбор, — пробурчал мистер Финн, — и я могу отказаться. Как бы то ни было, весь мой гардероб в вашем полном распоряжении. С точки зрения полиции он чист, если можно так выразиться, как свежавыпавший снег.

Увидев принесенные вещи, Аллейн подумал, что с точки зрения полиции они, возможно, действительно были «чистыми», однако в общепринятом смысле назвать эту на редкость грязную и пропахшую рыбой одежду чистой было никак нельзя. Он с удовлетворением отметил, что на правом колене старомодных бриджей имелось липкое пятно. Ботинки измазаны грязью, а носки — в дырах. Их хозяин с вызовом водрузил на принесенные вещи ветхую твидовую шляпу с заткнутыми за ленту блеснами.

— Делайте с этим что хотите, — величественно произнес он, — только прошу вас проследить, чтобы все было возвращено в том же состоянии.

Аллейн торжественно обещал вернуть все в целости и сохранности, а Фокс написал расписку в получении столь непривлекательной кучи старья.

— Мы не станем вас больше задерживать, — сказал Аллейн, — если, конечно, вы сами не пожелаете рассказать нам правду о своих ночных приключениях.

Мистер Финн уставился на него, отрыв рот, и сам стал похож на вытащенную из воды рыбу.

— Вы же до сих пор этого не сделали, — продолжил Аллейн. — Дело в том, что вашу историю насчет освещенных окон и желания поделиться с полковником новостью о своем улове полностью опровергла леди Лакландер. А последняя версия насчет поисков своей кошки тоже не выдерживает никакой критики. Кормящие котят кошки — а вы сами рассказывали, какая она заботливая мать, — никогда не покинет их больше чем на шесть часов. Более того, мы сами встретили миссис Твитчетт, когда она возвращалась домой, примерно в половине первого. Но даже если предположить, что вы говорите правду, то почему не сказали об этом сразу? — Аллейн сделал паузу. — Как видите, у вас нет ответов на эти вопросы.

— Я больше не стану ничего говорить и буду хранить молчание.

— Хотите, я сам расскажу, что произошло ночью? Мне кажется, что вчера у двери на террасу Хаммер-Фарм вы сказали нечто похожее

на правду. Я думаю, что ночью, а может, и вечером вы отправились на поиски своей чудесной добычи. Наверное, пожалели, что швырнули ее на мост во время ссоры с полковником Картареттом. Вы знали, что он к ней не притронется, ведь он сам так сказал и ушел, оставив ее на мосту. Думаю, что вы вернулись на реку, чтобы забрать форель, но на мосту ее не оказалось! Так ведь?

Лицо мистера Финна пошло красными пятнами. Он опустил голову и взглянул на Аллейна исподлобья, но промолчал.

— Если я прав, — продолжил Аллейн, — а ваше молчание позволяет надеяться, что так оно и есть, то возникает вопрос: что же вы предприняли дальше? Может, решили отправиться в Хаммер-Фарм и обвинить полковника в краже вашей рыбы? Вряд ли. Тогда вы вели бы себя иначе. Еще не зная о смерти полковника, вы бы так не дрожали и не бледнели. И не стали бы выдумывать на ходу столь неправдоподобную историю о желании поделиться с полковником радостью такой невероятной удачи. Ее тут же опровергла леди Лакландер, рассказав о ссоре с полковником из-за этой рыбы, не говоря уж о том, что вы давно уже не ладите и не ходите в гости друг к другу.

Мистер Финн отвернулся, и Аллейн, обойдя его, снова оказался перед ним.

— Так что же может объяснить ваше поведение вчера ночью? Сказать вам, что я думаю? Я считаю, что, появившись в Хаммер-Фарм в пять минут второго, вы уже знали, что полковник Картаретт был убит.

Мистер Финн продолжал хранить молчание.

— И если это правда — а вы опять этого не отрицаете, — то выходит, что вы намеренно пытались ввести нас в заблуждение. Вы дали понять, что побывали на Нижнем лугу непосредственно перед приходом в дом полковника. Но ваша одежда была абсолютно сухой. Значит, вы вернулись на мост еще вечером до дождя и уже тогда выяснили, что рыбы там не оказалось. Зная, что полковник ловит в своих водах неподалеку, разве вы бы не отправились на его поиски? И если действительно отправились, то это было как раз в то время, когда вас никто не видел. Леди Лакландер, миссис Картаретт и доктор Лакландер уже отправились по домам. Миссис Картаретт оказалась в Хаммер-Фарм примерно в пять минут девятого, а доктор Лакландер

пошел домой в четверть девятого. Никто из них форели на мосту не видел. Моя рабочая гипотеза состоит в следующем. Вы вернулись в долину после четверти девятого и, судя по всему, до без четверти девять, когда там оказалась сестра Кеттл. И там, мистер Финн, вы нашли тело полковника Картаретта, а рядом лежала злополучная форель. И разве не вы находились в ивняке, когда там была сестра Кеттл?

— А разве она сказала... — начал мистер Финн, но осекся и замолчал.

— Нет, — заверил его Аллейн, — ничего такого она не говорила. Это я считаю, что в ивняке прятались вы и, дождавшись, когда она уйдет, тоже потихоньку ретировались. Но это еще не все. Я также считаю, что когда вы рванулись прятаться в заросли, то задели головой ветку, и за нее зацепились очки для чтения. Может, в панике или из страха, что вас увидят, вы не стали их искать. А может, вы сообразили, что потеряли их, только когда оказались дома. Вот почему, едва кончился дождь, вы снова отправились туда, чтобы найти и забрать очки, если они вдруг окажутся на месте преступления. А потом увидели свет в окнах поместья полковника и не решились идти дальше. Вы пробрались к дому полковника, чтобы узнать, стало ли уже известно о его смерти, но вас заметил сержант Олифант и ослепил лучом фонаря прямо в глаза.

Аллейн повернулся к окну и посмотрел на рощу мистера Финна, верховья Чайна и проглядывавший сквозь деревья мост.

— Примерно так я представляю ваш маршрут передвижений по округе вчера вечером и ночью. — Аллейн вытащил из кармана очки и помахал ими перед мистером Финном. — Боюсь, что пока я не могу их вам вернуть. А вот здесь, наверное, — он показал длинным пальцем на нагрудный карман мистера Финна, — увеличительное стекло, которое вы, судя по беспорядку, долго искали?

Мистер Финн молчал.

— Что ж, — сказал Аллейн, — я рассказал вам о своих выводах, основанных на вашем поведении и паре известных фактов. Если они соответствуют действительности, то, поверьте, лучше в этом признаться.

— А если я предпочту хранить молчание? — спросил мистер Финн изменившимся голосом.

— Вы, конечно, имеете на это право, но и мы оставляем за собой возможность интерпретировать это по-своему.

— Так, значит, вы не собираетесь зачитывать мне пресловутые права?

— Нет.

— Полагаю, меня вряд ли можно назвать смелым человеком, — сказал мистер Финн, — но смею вас заверить, что к этому преступлению я не причастен.

— Тогда, — предложил Аллейн, стараясь придать голосу искреннее участие, — ваша невиновность должна одержать верх над робостью. Вам нечего бояться.

Аллейну показалось, что мистера Финна раздирают мучительные сомнения. Как будто внутри его нарастало колоссальное напряжение, которое вот-вот должно было разразиться взрывом.

И действительно тот вдруг заговорил быстро и сбивчиво, то и дело срываясь на фальцет:

— Вы очень умный человек. Вы исходите из личности, которую примеряете к фактам, и наоборот. Признаюсь, все так и было. Вы правы! Я повздорил с Картареттом. И швырнул благородный трофей на мост. Я вернулся домой, но не стал входить внутрь, а в отчаянии бродил по саду. Я пожалел, что бросил рыбу, и вернулся. Но на мосту ее не оказалось! Я отправился разыскивать своего недруга, и, услышав вой собаки, этой ужасной псины, я... я увидел его! — Мистер Финн зажмурился. — Ужасное зрелище! Хотя лицо прикрывала шляпа, но все было ясно с первого взгляда. А собака даже ни разу на меня не посмотрела! И только выла и выла! А потом я услышал ее. В смысле мисс Кеттл. Ее шаги по тропинке вдоль ивняка. Я рванулся в кусты и, согнувшись, замер там, дожидаясь, пока она не уйдет. А затем побежал домой. И уже там, как вы и предполагали, я обнаружил пропажу очков, которые часто ношу на шляпе. Я испугался. Вот и все.

— Теперь действительно все, — согласился Аллейн. — Вы не против дать письменные показания об этом?

— Опять показания! Сколько можно! Ну, да делать нечего!

— Отлично. Мы оставим вас, чтобы вы все написали, и можете воспользоваться очками. Начните с поимки Старушки, ладно?

Мистер Финн кивнул.

— Вы по-прежнему отказываетесь сообщить нам, о чем беседовали с полковником Картареттом?

Мистер Финн снова кивнул. Он стоял спиной к окнам, а Аллейн — лицом к ним. Из рощи показался сержант Олифант и, подойдя к дому, остановился. Аллейн подошел к окну, и сержант, увидев его, поднял вверх большой палец и удалился.

Фокс забрал тюк с одеждой.

— Мы зайдем попозже и заберем ваши показания. А может, вы сами занесете их в полицейский участок вечером?

— Ладно, — согласился мистер Финн и с трудом сглотнул. — Только как же я расстанусь со своей чудесной форелью?

— Вы уже так поступали. Так что ничего страшного!

— Я ни в чем не виноват!

— И отлично! Не будем вас больше задерживать. И до встречи в Чайнинге, скажем, в пять часов.

Они вышли через боковую дверь в сад и направились в рощу. Дорожка петляла между деревьями и заканчивалась ступеньками, спускавшимися на Речную тропинку. Здесь их поджидал Олифант, а на ступеньке рядом стоял полицейский саквояж Аллейна, доверенный сержанту. Заслышав их голоса, он обернулся, и они увидели в его руках кусок газеты, на которой лежали обглоданные остатки форели.

— Я нашел ее, — доложил сержант.

2

— Она была неподалеку от моста по эту сторону реки, — пояснил он, будто говорил о человеке. — Лежала в высокой траве, как будто ее туда притащили волоком. Судя по следам зубов, здесь точно потрудилась кошка, сэр.

— Как мы и предполагали, — согласился Аллейн. — Работа миссис Томазины Твитчетт.

— Неплохой экземпляр, думаю, фунта два, но до Старушки ей далеко!

Аллейн разложил на ступеньках газету с обглоданной рыбой и с интересом принялся разглядывать. Миссис Твитчетт, если это действительно была она, славно потрудилась над форелью, пойманной полковником, если та действительно была поймана им. Вся мякоть объедена, а часть мелких костей изжевана. Голова оторвана, а хвост держался непонятно на чем. Однако на ребрах кое-где еще темнели

кусочки плоти и кожи, покрывавшие бока и брюхо рыбы. Аллейна заинтересовал маленький и неприятного вида лоскут кожи, который он аккуратно расправил с помощью двух миниатюрных пинцетов и показал на нечто похожее на часть неровного рубца шириной с четверть дюйма и с изогнутыми краями.

— Клянусь всеми святыми! — торжествующе воскликнул Аллейн. — Молитвы скромного полицейского были услышаны! Посмотри, Фокс, разве не это мы рассчитывали найти? И посмотри еще сюда!

Он осторожно перевернул рыбу и нашел на другом боку еще один лоскут кожи с треугольной вмятиной.

— Не могу не проверить! — пробормотал Аллейн.

Под зачарованным взглядом Олифанта он открыл саквояж и вынул из него плоское эмалированное блюдо и маленькую стеклянную баночку с завинчивающейся крышкой. Расправив пинцетом лоскут кожи на блюде, он достал из баночки кусочек рыбьей кожи, найденный на камне под Старушкой, и с величайшей осторожностью стал их совмещать, будто они были фрагментами складной мозаичной картинки. Края совпали идеально.

— Так вот почему, — воскликнул Аллейн, — миссис! Твитчетт пахла рыбой, а не печенкой! О рок! О Немезида, богиня возмездия! О Боги! Это перст судьбы! — Перехватив непонимающий взгляд Олифанта, он обратился к нему: — Вы отлично потрудились, сержант! И так быстро нашли! А теперь слушайте, что надо сделать.

Он подробно проинструктировал Олифанта, завершив свои указания пересказом отрывка из книги полковника Картаретта.

— Мы обратимся за помощью к какому-нибудь гуру рыбной ловли и проверим. Но если полковник был прав, а он, похоже, был человеком в высшей степени компетентным и основательным, то у наших двух форелей не может быть одинаковой чешуи. А к обоим рыбам прикасался только убийца! Мы тщательно осмотрим всю одежду и будем надеяться, что наши усилия принесут плоды.

Сержант Олифант откашлялся и, нагнувшись, достал что-то из зарослей шиповника с видом скромного победителя.

— Тут вот какое дело, сэр, — сказал он. — Я нашел это в кустарнике у подножия холма.

Он выпрямился, держа в руках стрелу.

— Похоже, на ней есть следы крови.

— Вот как? — удивился Аллейн и взял ее. — Отлично, Олифант. Вы просто молодец! Как много мы уже знаем! И если, — добавил он, желая вознаградить за усердие взволнованного Олифанта, — если все сойдется, на что я очень рассчитываю, то мы получим ответы на очень многие вопросы, верно, Фокс?

— Не сомневаюсь, мистер Аллейн, — охотно откликнулся Фокс.

— Так что отправляйтесь, Олифант, — продолжил Аллейн, — и отвезите мистера Фокса в участок, откуда он позвонит в Скотленд-Ярд и Музей естественной истории. А найденный вами клад доставьте доктору Кэртису. Я надеюсь получить остальные вещи для экспертизы еще до вечера. Пошли, ребята, Дело сдвинулось с мертвой точки!

Аллейн вернулся с полицейскими в долину, проводил Олифанта и Фокса, нагруженных снастями и другими уликами, в Чайнинг, а сам отправился вверх по холму в Нанспардон.

К своему удивлению, он застал там большую компанию. Укрывшись от полуденного солнца, на террасе собрались трое Лакландеров, Китти Каргаретт и Роуз. Время было половина первого, и стоявшие на столике напитки и бокалы несколько оживляли довольно унылое зрелище, которое представляли собой собравшиеся. Леди Лакландер, казалось, укрылась за своим внушительным фасадом и сохраняла на лице непроницаемое выражение. Поза Джорджа напоминала заварочный чайник: одну руку он сунул в карман пиджака, а второй упирался в спинку кресла; одна нога в отутюженных брюках выпрямлена, а вторая — согнута. Марк заботливо склонился над заплаканной и бледной Роуз, которая не только никак не могла оправиться от горя, но и сильно из-за чего-то нервничала. Китти в костюме из тонкой шерсти, туфлях на высоком каблуке и перчатках с вышивкой разговаривала с Джорджем. Она выглядела измученной и растерянной, будто трагическая смерть мужа застала ее врасплох и совершенно выбила из колеи. Своим присутствием Китти вносила явный диссонанс в типичную сценку помещичьего быта, для полноты картины в которой не хватало только ожидавших егерей с борзыми на поводках. Она говорила не в меру громким и пронзительным голосом, и Аллейн услышал ее последние слова:

— Совершенно верно. «Брайерли и Бентвуд».

Заметив детектива, Китти сделала резкое движение, и все повернулись в его сторону.

В известном смысле Аллейна даже начало забавлять, что его приближение уже не в первый раз замечают издали. Он ничуть не сомневался, что будь это в воле Джорджа Лакландера, тот бы властным жестом подал команду всем разойтись и удалился бы сам в достойное его статусу укрытие и позволил бы лакею проводить детектива к себе только после надлежащей паузы.

А сейчас каждый из собравшихся на террасе, за исключением леди Лакландер, сделал невольное движение, но тут же взял себя в руки. Китти приподнялась с кресла, будто хотела скрыться, но, с отчаянием взглянув на Джорджа, снова села.

«Да у них тут военный совет!» — догадался Аллейн.

После секундного колебания Марк, будто приняв какое-то решение, решительно вздернул голову и громко объявил:

— А вот и мистер Аллейн!

Он направился навстречу детективу, и Аллейн, заметив, как встревожилась Роуз, уже не испытывал того удовольствия от лицемерия сценки из помещичьей жизни, как всего мгновение назад.

— Доброе утро, — поздоровался Аллейн. — Мне искренне жаль, что я снова вынужден появиться так рано и нарушить ваш покой. Но я постараюсь вас не задерживать.

— Все в порядке, — вежливо отозвался Марк. — С кем бы вы хотели поговорить?

— Собственно говоря, со всеми. Мне очень повезло застать вас всех вместе.

Они с Марком подошли к террасе.

— Что, Рори, — обратилась к детективу леди Лакландер, как только тот приблизился, — вы никак не хотите оставить нас в покое? И что вам понадобилось на этот раз? Может, то, в чем мы ходим?

— Боюсь, что вы недалеки от истины, — подтвердил Аллейн. — В определенном смысле.

— В каком таком смысле?

— Мне нужна одежда, в которой вы все были вчера вечером.

— Правильно ли я помню из тех немногих детективов, что мне удалось прочитать, что это входит в стандартный набор следственных действий?

— В некотором роде, — холодно подтвердил Аллейн. — Да. Это обычная практика.

— И кто сказал, — заметила Китти измученным голосом, не обращая ни к кому конкретно, — что доля полицейского незавидна?

Наступило неловкое молчание. Впечатление было такое, что собравшиеся хоть и оценили шутку Кипи, но не одобрили самого тона, в котором она прозвучала, что смутило даже Джорджа. Он неловко улыбнулся, леди Лакландер подняла брови, а Марк хмуро опустил взгляд.

— Вы имеете в виду одежду, — спросила леди Лакландер, — которая была на нас, когда убили Мориса Картаретта?

— Совершенно верно.

— Что ж, мою можете забрать. Что на мне вчера было, Джордж?

— Право, мама, боюсь, что я не...

— Я тоже. Марк?

Марк улыбнулся ей.

— Кажется, зеленая накидка, колониальный шлем от солнца и пара дедушкиных сапог.

— Точно! Зеленая накидка! Скажите служанке, Родерик. И она вам все принесет.

— Благодарю вас. — Аллейн посмотрел на Джорджа: — А ваша одежда и обувь?

— Ботинки на шипах, носки и бриджи, — громко ответил тот. — Совсем не современно, ха-ха!

— А мне кажется, — устало заметила Китти, — что они смотрятся очень недурно! Не на всех, конечно!

Джордж машинально подкрутил ус, но на Китти смотреть не стал, явно почувствовав неловкость.

— А на мне была клетчатая блузка и кардиган с джемпером. Чисто деревенский стиль, — добавила она, явно пытаясь пошутить, — поскольку мы играли в гольф. — В ее голосе зазвучали слезы.

— А обувь? — поинтересовался Аллейн.

Китти вытянула ноги, и Аллейн обратил внимание, что они были очень красивы: маленькие и в туфельках из крокодиловой кожи на очень высоком каблуке.

— Не совсем деревенские, — со слабой улыбкой пояснила Китти, — но ничего лучшего не нашлось.

Джордж растерянно переводил взгляд с туфель на мать и на видневшуюся вдали рощу.

— Если вы не возражаете, я заберу на время вашу одежду, перчатки и чулки. Мы заедем за ними в Хаммер-Фарм, когда отправимся в Чайнинг.

Китти согласилась. Она посмотрела на Аллейна с тем выражением, которое появляется во взгляде даже смертельно усталой женщины, вдруг обнаружившей флакон настоящего «Диора» на дешевой распродаже.

— Я сейчас же вернусь домой, чтобы все приготовить.

— Особой спешки нет.

— На мне был белый теннисный костюм, — сказал Марк. — Но домой я возвращался в ботинках, а туфли нес с собой.

— И ракетку?

— Тоже.

— А после Нижнего моста вы еще захватили принадлежности для рисования леди Лакландер и ее трость-сиденье?

— Верно.

— Кстати, — спросил Аллейн, — а вы отправились играть в теннис сразу из Нанспардона?

— Сначала я зашел проведать пациентку в деревне.

— И еще к дочурке садовника, верно? — сказала Китти. — Они мне говорили, что вы вскрыли ей абсцесс.

— Да, у бедняжки был нарыв, — охотно подтвердил Марк.

— Так, значит, у вас еще был с собой врачебный саквояж? — уточнил Аллейн.

— Он небольшой.

— Но все равно не такой уж и легкий.

— Пожалуй.

— А леди Лакландер все оставила аккуратно сложенным, верно?

— Ну-у... — протянул Марк, с улыбкой глядя на бабушку. — Более-менее.

— Глупости! — вмешалась леди Лакландер. — Никакого «более-менее». Я женщина аккуратная и всегда за собой убираю.

Марк открыл было рот, чтобы возразить, но промолчал.

— А как насчет тряпки для вытирания кистей? — осведомился Аллейн, и Марк с тревогой на него посмотрел.

— Когда я собиралась, то тряпку сразу не заметила, — величественно призналась леди Лакландер. — Но я аккуратно сложила ее и сунула под лямку рюкзака. Марк, я не понимаю, с какой стати ты на меня так смотришь! — гневно воскликнула она.

— Дело в том, что когда я пришел, тряпка не только не была свернута и убрана, но висела на кустах шиповника. Я забрал ее и положил в рюкзак.

Все перевели взгляд на Аллейна, будто ожидая от него объяснений. Однако он промолчал, и после долгой паузы тишину нарушила леди Лакландер:

— В конце концов, это все не важно! Сходи в дом и попроси собрать вещи. Фишер знает, в чем я была.

— И мои тоже, ладно? — добавил Джордж, и Аллейн подумал, что в Англии осталось не так много семей, где еще отдавали подобные распоряжения.

Леди Лакландер повернулась к Роуз:

— А как насчет тебя, милая?

Но Роуз смотрела на нее невидящими глазами, на которые снова навернулись слезы. Она промокнула их кончиком платка, сердясь на себя.

— Роуз? — тихо окликнула ее леди Лакландер.

Все еще хмурясь, Роуз повернулась к ней и ответила:

— Извините.

— Они хотят знать, во что ты была одета, моя дорогая.

— Наверное, в теннисный костюм? — предположил Аллейн.

— Ах да. Конечно! В теннисный костюм, — подтвердила Роуз.

— Сегодня же забирают вещи в чистку! — вспомнила Китти. —

По-моему, я видела твой теннисный костюм в ящике для грязного белья. Или я ошибаюсь?

— Я?.. Да, извините. Верно, я положила его туда.

— Может, сходим и заберем его? — предложил Марк.

Роуз заколебалась. Он посмотрел на нее и, помолчав, предупредил, что сейчас вернется, и отправился в дом.

Девушка отвернулась и отошла в сторону.

— Роуз приходится сейчас особенно трудно! — с неожиданным состраданием заметила Китти, но тут же к ней снова вернулась привычная манерность, и она отпила из бокала, изящно отогнув

пальчик. — Надеюсь, моя юбка не вселит в вас ужас, мистер Аллейн, — громко добавила она. — Едва ли прикасаться к ней будет приятно.

— Вот как? И почему же? — осведомился тот.

— Она насквозь пропахла рыбой.

3

Аллейн взглянул на невозмутимое личико Китти, надеясь, что на его собственном лице тоже ничего не отразилось. Потом, разыграв удивление, перевел взгляд на остальных. На лице леди Лакландер можно было прочитать не больше, чем на статуе Будды, зато Джордж явно разволновался. Роуз по-прежнему смотрела в сторону.

— Так вы тоже увлекаетесь рыбалкой, миссис Картаретт? — спросил детектив.

— Боже упаси! — с чувством возразила та. — Нет, я пыталась отнять рыбу у кошки вчера вечером.

Все в изумлении уставились на нее.

— Моя дорогая Китти, — сказала леди Лакландер, — надеюсь, вы отдаете себе отчет в своих словах.

— А что в этом такого? — вдруг возмутилась Китти, не в силах сдержаться. — Что такого? Это правда! К чему вы, собственно, клоните? — добавила она нервно. — Что такого, если моя юбка пахнет рыбой? Что они хотят этим сказать? — потребовала она ответа у Аллейна.

— Моя дорогая... — начала леди Лакландер, но Аллейн не дал ей договорить:

— Прошу прощения, леди Лакландер, но миссис Картаретт абсолютно права. Говорить правду никогда никому не вредило.

Леди Лакландер закрыла рот.

— А где вы встретили кошку с рыбой, миссис Картаретт?

— По эту сторону моста, — с вызовом ответила та.

— В самом деле? — оживился Аллейн.

— Форель выглядела просто отлично, и я решила, что кошка наверняка ее стащила. Наверное, она — в смысле кошка — одна из тех, кто живет у Окки Финна. Я попыталась ее забрать, но та никак не отдавала. А когда мне все-таки удалось ее отнять, то оказалось, что другой бок уже обкусан. Поэтому я и бросила рыбу ей обратно, — с недовольным видом объяснила Китти.

— А вы заметили на форели какую-нибудь отметину или рубец?
— спросил Аллейн.

— Да нет. Она была наполовину обглодана.

— Да, но с той стороны, где была целой?

— По-моему, нет. Послушайте, о какой отметине вы говорите? — встревожилась Китти.

— Не важно. Пустяки.

— Форель была отличной. Я сначала подумала, что ее поймал Морис, но потом решила, что, наверное, ее вытащил сам Окки Финн и отдал кошке. Он на них так помешан, что ничего для них не жалеет, верно, Джордж?

— Еще бы! — механически подтвердил Джордж, по-прежнему не глядя на Китти.

— Вполне возможно, — согласился Аллейн, как будто потеряв к этому вопросу всякий интерес.

Из дома вернулся Марк.

— Одежда будет упакована и положена в вашу машину, которая, кстати, уже приехала, — сказал он, обращаясь к Аллейну. — Я позвонил в Хаммер-Фарм и предупредил, чтобы вещи пока не отдавали в чистку.

— Большое спасибо, — поблагодарил Аллейн и повернулся к леди Лакландер: — Я искренне рассчитываю на ваше понимание, что в подобных делах мы стараемся получить самую полную картину событий, происходивших накануне трагедии. За несколько дней, недель или даже месяцев. Обычно девяносто девять процентов этой информации оказывается совершенно ненужной, и тогда все считают, что полиция проявила чрезмерное любопытство и даже непростительную бесцеремонность. Однако иногда самая, казалось бы, незначительная и не имеющая отношения к делу деталь может помочь размотать весь клубок и привести к раскрытию преступления.

Леди Лакландер смотрела на него, как рептилия. Сходство усиливалось редким морганием белесых век, опускавшихся на глаза, как ставни. Моргнув дважды подобным образом, она спросила Аллейна:

— Что вы хотите этим сказать, мой дорогой Родерик? Надеюсь, вы не станете прибегать к разным ухищрениям и прямо спросите, что вас интересует.

— Конечно. Я хотел бы знать, не мемуары ли сэра Гарольда Лакландера были предметом ваших обсуждений, когда я пришел?

По наступившей тишине он понял, что попал в точку. Еще его поразило, как одинаково выглядят люди, которых вдруг неожиданно испугали: их всех охватывает своего рода столбняк.

Леди Лакландер пришла в себя первой.

— Вы не ошиблись, — сказала она. — У вас изумительно острый слух.

— Я слышал имена своих собственных издателей, — объяснил Аллейн. — Фирма «Брайерли и Бентвуд» весьма достойная и респектабельная. Вот я и подумал, что изданием занимаются именно они.

— Я рада, что вы так высоко о них отзываетесь, — сухо ответила она. — И разделяю ваше мнение об их репутации.

— А полковнику Картаретту было поручено подготовить рукопись к изданию, верно?

И снова наступила тишина, которую одновременно нарушили Марк и Роуз:

— Да.

— Полагаю, — заметил Аллейн как бы невзначай, — для полковника это было большой честью.

Джордж выдавил из себя сдавленным голосом что-то насчет «ответственности» и неожиданно предложил Аллейну выпить.

— Мой дорогой Джордж, — нетерпеливо вмешалась его мать, — Родерик сейчас при исполнении обязанностей, так что пить не станет! Не глупи!

Джордж побагровел от возмущения и посмотрел на Китти, явно рассчитывая найти в ней поддержку.

— Как бы то ни было, Рори, — продолжила леди Лакландер, меняя тон на грубовато-дружелюбный, — почему бы вам не присесть? Зачем маячить, когда есть стул?

— Благодарю вас, — сказал Аллейн, усаживаясь. — Я вовсе не собираюсь «маячить» больше, чем вынужден, но я не могу быть самой любезностью, когда вы все, едва завидев меня, с удивительным единодушием замыкаетесь в себе и уходите в глухую оборону.

— Глупости! — заявила она, но ее лицо потемнело, и на мгновение они с сыном стали очень похожи. Аллейн заметил полный

муки взгляд, который устремила на него Роуз. Марк взял ее за руку.

— Что ж, если все это глупости, — подхватил Аллейн, — то забудем об этом и займемся деталями, которые вы наверняка посчитаете не относящимися к делу. Например, автобиографией. Я рад, что в данный момент здесь нет мистера Финна, потому что хочу вас спросить, описывает ли сэр Гарольд в своих мемуарах несчастье, произошедшее с молодым Финном. Вряд ли он мог оставить этот эпизод без внимания, вы не находите?

Все растерянно на него смотрели.

— Или все-таки он обошел этот вопрос молчанием? — добавил он.

— Я не читала мемуаров мужа, — ответила леди Лакландер. — Полагаю, что их не читал никто, кроме Мориса.

— Вы имеете в виду, что не читали их целиком или что вообще не читали и не слышали ни единого слова из них?

— Мы обсуждали какие-то моменты. Иногда я помогала мужу освежить память.

— А вы обсуждали с ним дело молодого Людовика Финна?

— Никогда! — твердо и громко заявила она, и Джордж поперхнулся.

Аллейн повернулся к Китти и Роуз.

— Возможно, — обратился он к ним, — полковник говорил вам что-нибудь о мемуарах?

— Мне — нет! — ответила Китти и добавила: — Считал себя выше этого!

Остальные неловко переглянулись.

— Мне самому очень неприятны все эти расспросы, но, с вашего позволения, я хотел бы знать, говорил ли кому-нибудь из вас сэр Гарольд Лакландер или полковник Картаретт хоть что-то о деле Людовика Финна в связи с мемуарами.

— Да что, черт возьми, происходит? — не выдержал Джордж, приводя в смятение остальных. — Будь я проклят, если понимаю, какое отношение мемуары отца могут иметь к убийству Мориса Картаретта! Извини, Китти. Прошу прощения, Роуз. Но это так!

— После самоубийства молодого Людовика Данберри-Финна прошло восемнадцать лет, в том числе и военные годы. Многие люди уже забыли об этой истории. Но для тех, кто помнит... для его отца...

мысль о том, что эта история снова всплывет, должна быть невыносимой. — Аллейн подался вперед, и, будто повинуюсь его приказу или гипнотическому внушению, остальные невольно повторили его движение. Джордж Лакландер покраснел, а остальные побледнели, но на лицах всех без исключения было написано крайнее изумление. Однако Аллейну показалось, что Китти с Джорджем и, возможно, леди Лакландер испытали и некоторое облегчение. Он поднял руку. — Если, конечно, в этих мемуарах не содержится нечто, что может обелить имя молодого Финна.

Его слова произвели эффект разорвавшейся бомбы.

— Да как вы смеете... — начал Джордж, бывший самым слабым звеном этой группы, но тут же осекся.

Как нередко бывает с влюбленными, Марк и Роуз почти одновременно воскликнули: «Нет!» — но их остановил властный жест леди Лакландер.

— Родерик, — спросила она, — вы разговаривали с Октавиусом Финном?

— Да, — ответил Аллейн, — я пришел к вам прямо от него.

— Подожди, мама! — вмешался Джордж. — Подожди минутку. Октавиус наверняка ничего не сказал! Неужели ты не понимаешь, что поэтому Аллейн и пытается все вытянуть из нас?

На террасе воцарилась мертвая тишина. Леди Лакландер повернулась к сыну и медленно произнесла:

— Как можно быть таким глупцом, Джордж!

Теперь у Аллейна исчезли всякие сомнения относительно правды насчет мистера Финна, полковника Картаретта и мемуаров сэра Лакландера.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Чайнинг и Аплэндс

1

Следующим заговорил Марк Лакландер.

— Надеюсь, ты позволишь мне высказаться, бабушка, — сказал он. — И ты, отец, — вежливо добавил он после секундной паузы. — Хотя, должен признаться, особого смысла сейчас уже в этом нет.

— Тогда зачем вообще говорить, мой мальчик?

— Бабушка, это скорее дело принципа. И Роуз со мной согласна. Мы послушались тебя, хотя оба считали, что лучше ничего не скрывать от мистера Аллейна. И жизнь подтвердила, как ты сама видишь, что мы были правы.

— Мое мнение не изменилось, Марк. Не нужно торопить событий!

— О да, — поддержала ее Китти. — Я тоже так считаю. Честно. И я уверена, — добавила она, — что Мори бы нас поддержал.

Ее лицо вдруг исказилось, и она стала нервно искать платок.

Роуз сделала произвольное движение, которое было красноречивее слов, а Аллейн, о котором все на мгновение позабыли, подумал, что полковнику вряд ли нравилось, когда его называли «Мори».

— Вот именно! Надо подождать! — заявил Джордж, с вызовом глядя на мать.

— Конечно, подождите, — вмешался Аллейн, поднимаясь. Все невольно шевельнулись. — Полагаю, — сказал он, обращаясь к леди Лакландер, — что, прежде чем что-нибудь предпринять, вы сначала хотите поговорить с мистером Финном. Мне представляется, что он скорее всего и сам это предложит. — Аллейн смотрел ей прямо в глаза. — Я предлагаю вам подумать о том, что поставлено на карту. Когда совершается убийство, выплывают наружу очень многие секреты, которые до того тщательно охранялись. Такова уж особенность расследования подобного рода преступлений. — Видя, что леди Лакландер продолжает хранить молчание, он добавил: — Я рассчитываю, что, придя к какому-то общему решению, вы сообразовите поставить меня о нем в известность. Сообщение для меня можно оставить в «Мальчишке и осле». А сейчас, с вашего позволения, я займусь тем, что мне поручено.

Он поклонился леди Лакландер и уже хотел выйти, как его остановил Марк:

— Я провожу вас до машины, сэр. Ты со мной, Роуз?

Поколебавшись, Роуз направилась за ним. Как показалось Аллейну, к вящему неудовольствию всех остальных.

Марк и Роуз провели Аллейна вдоль восточного крыла внушительного особняка к открытой площадке, где его ждал Фокс в полицейской машине. Рядом стояли спортивный автомобиль доктора и

солидная машина, принадлежавшая, судя по всему, Картареттам. Из дома появился молодой лакей Уильям с чемоданом в руке, передал его Фоксу и вернулся обратно.

— Вот и наше грязное белье, — неловко пошутил Марк и смутился.

— Но у вас еще была теннисная ракетка, а у сэра Джорджа, как я понимаю, сумка для клюшек? Можно, мы их тоже возьмем?

— Да, конечно. Я сейчас принесу, — сказал Марк и, взбежав по лестнице, скрылся в доме.

Аллейн повернулся к Роуз. Она смотрела на дверь, за которой исчез Марк, будто чувствовала себя в опасности, оставшись в одиночестве.

— Мне так страшно, — призналась она. — Не знаю почему, но ужасно страшно.

— А чего вы боитесь? — мягко спросил Аллейн.

— Я сама не знаю. Это трудно объяснить, раньше такого не было. Как будто мой отец был единственным человеком, которого я знала по-настоящему, а теперь, когда его убили, все остальные стали еще более непонятными.

Марк вернулся с теннисной ракеткой и сумкой с клюшками.

— А ракетка не была в чехле?

— Что? Да, была.

— Можно его тоже забрать?

Марк снова ушел в дом и на этот раз задержался.

— Я не помню точно, какой брал чехол, но, кажется, этот.

Аллейн убрал его в машину вместе с остальными вещами.

Марк взял Роуз за руку, и та слегка отстранилась.

— Мистер Аллейн, — обратился к нему Марк, — мы с Роуз попали в чертовски трудное положение. Правда, Роуз? Дело в том, что мы обручены.

— Вот как? — удивился Аллейн.

— Да, и я, понятно, сделаю все от меня зависящее, чтобы Роуз не заставляли нервничать. Она понесла очень тяжелую утрату и...

— Не надо, — сказала Роуз. — Пожалуйста, не надо, Марк.

Марк взглянул на нее и, казалось, потерял ход мысли, но взял себя в руки.

— Дело в том, что в моем отношении к тебе и между нашими семьями не должно быть никаких недомолвок. Мы связаны обязательством ничего не разглашать и не станем этого делать, но нас очень тревожит то, что происходит. Я говорю об Октавиусе Финне. Дело в том, сэр, что мы располагаем самыми достоверными сведениями об отсутствии у Окки Финна каких бы то ни было оснований для совершения этого преступления. Повторяю — каких бы то ни было! А если вы сами уже и так догадались, в чем тут дело, то моей вины в этом нет.

— Вы согласны с этим, мисс Картаретт? — спросил Аллейн.

Заплаканная и измученная Роуз собралась с силами и ответила, тщательно подбирая слова:

— Мистер Аллейн, мой отец был бы в шоке, узнав, что из-за ссоры по поводу форели бедного Окки могут подозревать в убийстве. Они ссорились из-за нее на протяжении многих лет, и это даже превратилось в своего рода невинное развлечение. И если во время той встречи и обсуждалось что-то еще — а вам известно, что обсуждалось! — то Октавиуса это только порадовало. Поверьте мне, прошу вас! Дело в том, что мой отец специально отправился к Октавиусу.

— Вы хотите сказать, что он пошел к нему домой? Вчера после обеда? — оживился Аллейн.

— Да. Мы были вместе, а потом он ушел, сказав, что идет к нему.

— А он говорил зачем? Мне кажется, вы упоминали об издании мемуаров.

— Да. Он... хотел что-то показать Окки.

— А что именно, вы можете сказать?

— Нет, этого я сказать не могу, — с отчаянием ответила Роуз. — Не могу, хотя и знаю, но это не моя тайна. Однако я уверена, что папа отправился к Окки, потому что он взял большой конверт и положил его в карман... — Роуз закрыла глаза рукой. — Но куда он тогда делся?

— А где именно он хранил конверт? В каком ящике стола?

— По-моему, в нижнем левом. Обычно он всегда заперт.

— Понятно. Я благодарю вас. А мистера Финна, конечно, не оказалось дома?

— Нет. Думаю, что, не застав его дома, папа пошел поискать его на реку. Конечно, я не должна говорить вам, что за весть он нес Окки,

— голос Роуз задрожал, — но если весть и может быть благой, то вчера вечером был тот самый случай.

Лицо Роуз отличала одухотворенная красота, воспетая итальянскими живописцами раннего Возрождения; столь немодная в наши дни трогательная печаль не могла никого оставить равнодушным.

— Я знаю, — мягко и участливо проговорил Аллейн. — Не волнуйтесь. Обещаю, что мы во всем разберемся.

— Вы очень добры, — с благодарностью пролепетала девушка.

Марк пробормотал что-то неразборчивое.

Аллейн уже был у полицейской машины, когда его остановил голос Роуз:

— Наверняка это какой-то сумасшедший! Никакой нормальный человек так не мог поступить! Просто не мог! Убить человека без всякой причины! — Она с мольбой протянула руку. — Вы тоже так считаете?

— Я считаю, что вы пережили настоящее потрясение! Вам вчера удалось уснуть?

— Совсем ненадолго. Извини, Марк, но я не стала пить таблетку, которую ты оставил. Не могла себя заставить. Чувствовала, что я не должна спать. Как будто где-то в доме меня искал отец.

— Я был бы очень признателен, если бы вы отвезли мисс Картаретт в Хаммер-Фарм и она сама собрала одежду, в которой вчера ходила и которая была на ее мачехе. Всю-всю, включая обувь, чулки и прочее. И пожалуйста, обращайтесь со всеми предметами так, будто они из самого хрупкого фарфора.

— Это так важно? — удивился Марк.

— От этого может зависеть судьба нескольких невинных людей.

— Обещаю, — заверил Марк.

— Отлично! А мы поедem за вами и заберем их.

— Договорились, — отозвался Марк и улыбнулся Роуз. — А когда мы освободимся, я привезу тебя обратно в Нанспардон и заставлю выполнить мое медицинское назначение относительно нембутала. Китти доберется до дома сама. Поехали!

— Думаю, что мне лучше остаться дома, Марк, — слабо запротестовала Роуз.

— Нет, дорогая, совсем не лучше.

— Я не могу оставить Китти в одиночестве.

— Она поймет. В любом случае мы вернемся еще до ее отъезда.

Роуз повернулась к Аллейну, ища в нем поддержки, но решила не спорить. Марк взял ее за локоть и отвел к машине.

Аллейн проводил взглядом удалявшуюся спортивную машину и, покачивая головой, устроился на переднем сиденье рядом с Фоксом.

— Езжай за ними, Фокс, но потихоньку. Никакой спешки нет. Мы едем в Хаммер-Фарм.

По дороге он кратко рассказал Фоксу о своем визите в Нанспардон.

— Думаю, теперь мы знаем, — закончил он повествование, — что случилось с мемуарами. Рассмотрим известные нам факты. Утечка информации в Зломце была настолько важным событием, что сэр Гарольд никак не мог обойти ее молчанием в своем достаточно подробном жизнеописании. В то время сэр Гарольд сам сообщил в Специальную службу, что устроил разнос признавшемуся в предательстве молодому Финну, после которого тот покончил с собой. Мы знаем, что Лакландер умер с именем младшего Финна на устах и очень переживал по поводу своих мемуаров. Мы знаем, что решение об окончательной редакции он доверил принять полковнику Картаретту. Мы знаем, что полковник забрал конверт из ящика, который позже был взломан, и отправился к старому Финну с «благодатью», как выразилась Роуз, вестью. Не застав его дома, он отправился искать его на реку. Потом нам известно, что после ссоры из-за ловли в чужих водах они обсуждали некий вопрос, суть которого леди Лакландер отказалась нам сообщить, хотя и признает, что ей это известно. А теперь, дружище Фокс, скажи-ка, что может так болезненно затрагивать и Лакландеров, и мистера Финна, и Картареттов? Не знаю, как ты, а я вижу только одно объяснение.

Осторожно вырвав на дорожку, ведущую к Хаммер-Фарм, Фокс кивнул.

— При такой постановке вопроса, мистер Аллейн, ответ довольно очевиден. Но является ли он достаточным мотивом для убийства?

— А кто, черт возьми, может определить, какой мотив является достаточным? К тому же мы можем иметь дело с несколькими мотивами. Скорее всего так и есть. Нужно придерживаться старого правила: *ubi, quibus auxiliis, quomodo* и *quando*[16], милый Фокс. Не

будем слишком озадачиваться насчет *sig*[17], и будь я проклят, если *quis*[18] не определится, когда меньше всего на это рассчитываешь.

— Вы постоянно нам об этом напоминаете, сэра.

— Ладно-ладно, значит, я постарел и повторяюсь. А вот и машина страдающего от любви доктора. Мы подождем здесь, пока они разыскивают дамские туалеты. Шерстяная двойка миссис Картаретт наверняка окажется последним пискom моды, пахнущим дорогими духами и, возможно, рыбой.

— Наверное, ей здесь одиноко, — заметил Фокс.

— Ты про кого?

— Про миссис Картаретт. Она здесь совсем чужая и вдруг оказалась в местечке, где соседи знают друг друга, можно сказать, со средних веков! Ей наверняка очень одиноко. И как бы она ни пыталась к ним подладиться, они ее просто игнорируют! А своей подчеркнутой вежливостью постоянно указывают на ее место.

— Да, — согласился Аллейн, — с этим не поспоришь. И ты абсолютно точно, хотя и не очень деликатно, обозначил трагедию, с которой так часто сталкиваются люди с лакландерами этого мира: те их просто не замечают. Скажу тебе больше, Фокс. Все они, включая и твою даму сердца, испытают настоящее облегчение и будут только рады, если убийцей полковника окажется его жена.

— Да неужели? — изумился Фокс.

— Все до одного! — подтвердил Аллейн с горячностью, которую проявлял крайне редко. — Без исключения! Для всех она — непрощенная гостья, чужая и посторонняя. А любые попытки, не важно с чьей стороны, поддержать ее только усиливали эту тайную неприязнь окружающих. Можешь мне поверить. А как дела в Чайнинге?

— Я видел доктора Кэртиса. Он уютно устроился в больничном морге и занимается вскрытием. Насчет нанесенных покойному ран ничего нового не выяснилось. Идею с чешуйками он одобрил и сказал, что поищет их на одежде и сравнит под микроскопом. Скотленд-Ярд обещал узнать о завещании покойного сэра Гарольда и навести справки о пребывании капитана Сайса в Сингапуре. Они сказали, что это не займет много времени, если кто-то из его тогдашних сослуживцев — а имена они узнают по справочникам — сейчас трудится на берегу. Если повезет, то они перезвонят уже через пару

часов. Я сказал, что нас можно найти в «Мальчишке и осле» или полицейском участке Чайнинга.

— Хорошо, — одобрил Аллейн, но было видно, что его мысли заняты чем-то другим. — Кто это там? А ну-ка пошли!

Не дожидаясь ответа Фокса, он быстро выскочил из машины, но пошел по дорожке не торопясь, делая вид, что набивает трубку. Предметом столь непонятного интереса оказался деревенский почтальон, ехавший на велосипеде навстречу.

Аллейн, продолжавший набивать трубку, подождал, пока почтальон с ним поравняется, и поздоровался:

— Доброе утро.

— Доброе утро, сэр, — ответил почтальон, притормаживая.

— Давайте я захвачу почту, — предложил Аллейн.

Почтальон остановился и, сняв одну ногу с педали, оперся ею о землю.

— Не хотите, чтобы лишний раз их тревожили, сэр? — поинтересовался он с соболезнующими нотками в голосе. — Тут только одно письмо. — Он вытащил продолговатый конверт и передал Аллейну. — Адресовано покойному, — многозначительно пояснил он. — Ужасная трагедия, что и говорить!

— Что верно, то верно, — согласился Аллейн, с волнением забирая знакомый с виду конверт.

— В голове не укладывается, как такое могло случиться в наших краях, — продолжал почтальон. — Я имею в виду убийство полковника, а его все так уважали и никогда слова от него дурного не слышали. Для всех это такой удар! А как жалко жену с дочкой! Бедная мисс Роуз! Ужасно, просто ужасно! — Несмотря на искреннее сочувствие, почтальон все же не мог побороть присущее сельским жителям любопытство и поинтересовался, глядя на Аллейна исподлобья: — А вы, должно быть, родственник, сэр?

— Вы очень отзывчивый человек, — сказал Аллейн, полностью игнорируя вопрос. — Я обязательно передам им ваши соболезнования.

— Буду признателен, — сказал почтальон. — И кто бы это ни сделал, я имею в виду убийцу, его наверняка поймают! Я слышал, что делом занимается Скотленд-Ярд, потому что Берту Олифанту оно точно не по плечу, хотя с наведением порядка в «Мальчишке и осле» после закрытия он вполне справляется. Что ж, мне пора.

Почтальон уехал, а Аллейн вернулся к Фоксу.

— Посмотри-ка на мой трофей! — похвастался он.

Фокс бросил взгляд на конверт и, когда Аллейн показал ему оборот со штампом, прочитал вслух:

— «Отправители: „Брайерли и Бентвуд“, площадь Собора Святого Петра, Лондон». Издатели?

— Да. Мы должны обязательно выяснить, что они пишут. Конверт плохо заклеен, и вскрыть его не составит труда. Тем более что у нас уважительная причина. Но мы поступим иначе. Вон идет мисс Картаретт.

Она вышла вместе с Марком, который нес чемодан, теннисную ракетку и новенькую сумку для гольфа с блестящими ключками.

— Вот, сэр, — сказал Марк. — Нам пришлось вытащить вещи из кучи, приготовленной для химчистки, но мы все нашли и забрали. Роуз сказала, что вам может понадобиться и ракетка, что, конечно, вряд ли, но мы ее тоже прихватили.

— Спасибо, — поблагодарил Аллейн, и Фокс, забрав у доктора поклажу, загрузил все в полицейскую машину. Аллейн показал Роуз конверт.

— Письмо адресовано вашему отцу. Боюсь, что нам придется попросить у вас его переписку за последнее время и, конечно, то, что приходит сейчас. Мы, безусловно, все вернем, если, конечно, не используем в качестве улики, но обещаем сохранить полную конфиденциальность. Мне жаль, но ничего не поделаешь. Вы, разумеется, можете отказаться предоставить мне это письмо, пока я не получу официального предписания.

Аллейн держал письмо лицевой стороной вверх, и Роуз бросила на него безразличный взгляд.

— Послушай, дорогая, мне кажется, что тебе не стоит... — начал Марк.

— Можете его забрать, — сказала Роуз. — Наверное, это какой-нибудь проспект.

Аллейн поблагодарил ее и проводил взглядом спортивную машину, на которой Марк увез Роуз.

— Обманывать нехорошо, — заметил Фокс.

— Если полковник нас сейчас видит, надеюсь, он меня простит.

Аллейн распечатал письмо и развернул вложенный лист.

«Полковнику Морису С.В. Картаретту
Хаммер-Фарм
Суивнингс
Дорогой сэр!

Покойный сэр Гарольд Лакландер за три недели до своей кончины позвонил мне по телефону, чтобы обсудить некоторые вопросы, связанные с изданием его мемуаров. В связи с главой 7 возникли некоторые трудности, и сэр Гарольд проинформировал меня, что собирается последовать Вашему совету. В случае своей кончины до выхода книги в свет он также пожелал, чтобы редактирование окончательного варианта было осуществлено Вами, если Вы на то согласитесь, и попросил сразу с Вами связаться по этому поводу. Сэр Гарольд подчеркнул, что решение об окончательном варианте текста должно быть принято только Вами, и никем другим.

Поскольку с тех пор мы не общались с сэром Гарольдом Лакландером, я пишу Вам в соответствии с его поручением и прошу сообщить, согласны ли Вы отредактировать мемуары, есть ли у Вас рукопись и к какому решению Вы пришли относительно важного и деликатного вопроса, который излагается в главе 7.

Буду весьма Вам признателен за безотлагательный ответ. Надеюсь, Вы не откажете мне в чести отобедать со мной в следующий раз, когда окажетесь в Лондоне. Если Вы сообразовоите известить меня об этом заранее, я освобожу это время от других встреч.

Мой дорогой сэр,
искренне Ваш
Тимоти Бентвуд».

— А теперь попробуйте угадать с двух раз, дружище Фокс, — сказал Аллейн, вкладывая письмо в конверт, — что это за «важный и деликатный вопрос, который излагается в главе 7».

2

Когда Марк подъезжал к воротам Нанспардона, Роуз попросила его остановиться.

— Пока мы не приехали, — сказала она, — я хочу кое-что с тобой обсудить.

— Конечно, — согласился Марк и, свернув на обочину, остановился и выключил двигатель. — И о чем ты хочешь поговорить?

— Марк, он не думает, что это какой-то бродяга.

— Аллейн?

— Да. Он считает, что это... кто-то из нас. Я уверена.

— Что значит «кто-то из нас»?

Роуз неопределенно махнула рукой:

— Кто-то из знакомых. Сосед. Или даже член его собственной семьи.

— С чего ты так решила? Аллейн просто выполняет свою работу и выясняет все обстоятельства.

— Он не думает, что это какой-то бродяга, — повторила она, повышая голос. — Он считает, что это кто-то из нас.

Марк помолчал, размышляя, и потом произнес:

— Предположим, хотя лично я этого не допускаю, но предположим, что на данном этапе у него действительно могли закрасться сомнения. В конце концов...

— Да, — не дала ему договорить Роуз, — основания для этого у него имеются, верно?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Разве ты не видишь, что с нами происходит? Ты просто делаешь вид, что не понимаешь! Нет никаких сомнений, что он узнал о седьмой главе. — Увидев, как краска отхлынула от его лица, Роуз в отчаянии вскричала: — Господи! Что же я делаю с нами обоими?

— Ничего, — успокоил ее Марк. — Давай не будем лукавить. Ты считаешь, что Аллейн подозревает кого-то из нас — меня, отца или, возможно, бабушку? Что кто-то из нас мог убить полковника, потому что тот собирался опубликовать отредактированный вариант мемуаров? Ты это хочешь сказать?

— Да.

— Понятно. Может, ты и права, и у Аллейна имеются подобные подозрения. Но я хочу знать вот что: ты сама, Роуз... неужели ты сама тоже считаешь, что это возможно? Нет, — сказал он, — ничего не говори. Я не стану тебя спрашивать, пока ты не оправившись от шока. Лучше подождем.

— Мы не можем ждать. Я больше так не могу! Я не могу возвращаться в Нанспардон и делать вид, что, кроме нембутала и сна,

меня больше ничего не интересует!

— Роуз, посмотри на меня! Нет, прошу тебя, пожалуйста, посмотри!

Марк положил ей ладони на щеки и повернул лицом к себе.

— Боже милостивый! — воскликнул он. — Ты боишься меня!

Она не пыталась освободиться, и он чувствовал, как по пальцам текут слезы.

— Нет! — вскричала она. — Это неправда! Я не могу тебя бояться — я тебя люблю!

— Ты уверена? Ты уверена, что в глубине души не хранишь воспоминание о том, как я ревновал тебя к нему и считал, что он мешает нашему счастью? Что его смерть сделала тебя богатой наследницей? Потому что это действительно так? И что издание мемуаров настроило бы моих родных против этого брака и обесчестило бы мое имя? Ты уверена, что не подозреваешь меня, Роуз?

— Да! Клянусь, что это так!

— А тогда кого? Бабушку? Отца? Дорогая, ты сама видишь, как дико это звучит, если произнести вслух.

— Я понимаю, что это звучит дико. — В голосе Роуз звучало отчаяние. — Как дико и то, что кто-то мог поднять руку на отца, но его же убили! У меня до сих пор это не укладывается в голове! Что вчера вечером кто-то убил моего отца!

Она убрала его руки с лица.

— Ты должен понимать, что должно пройти время, чтобы я смирилась с этой мыслью!

— Но что же мне делать?! — воскликнул Марк.

— Ничего. Ты ничего не можешь поделать, и это ужасно, правда? Ты хочешь меня поддержать и утешить, верно, Марк? И я хочу того же больше всего на свете! Но я не могу! Не могу, потому что убийца пока не найден!

Наступило долгое молчание. Наконец Марк заговорил:

— Я не хотел говорить об этом, Роуз, но боюсь, что теперь придется. В конце концов, мы же не единственные! Если под подозрение попадают моя бабушка, мой отец, я сам и, конечно, Окки Финн, то с таким же успехом нельзя исключать еще одного человека.

— Ты имеешь в виду Китти? — спросила Роуз.

— Да. Наряду с нами.

— Нет! — вскричала Роуз. — Нет! Я не стану слушать!

— Тебе придется меня выслушать. Раз уж мы зашли так далеко. Ты думаешь, мне нравится напоминать себе — или тебе, — что мой отец...

— Нет! Нет, Марк! Пожалуйста! — Роуз снова разразилась слезами.

Иногда по-настоящему близкие люди обладают удивительным свойством не только привлекать друг друга, но и выводить из себя. Причем, как это ни странно, зачастую раздражение могут вызвать именно переживания. Залитое слезами лицо, искренняя скорбь, неподдельное страдание одних вызывают чувство беспомощности у других, и эта неспособность помочь близкому человеку невольно оборачивается глухим раздражением.

Роуз заметила, как у Марка потемнело лицо, и он отстранился.

— Я не могу ничего с собой поделать, Марк, — пролепетала она.

Она выслушала его доводы и чувствовала, с каким трудом он пытается держать себя в руках. Марк несколько раз повторил, что они должны смотреть на вещи объективно.

— Подумай сама! — Он едва сдерживался. — Китти есть, разве не так? А как насчет Джеффри Сайса и сестры Кеттл? Почему ты ограничиваешь круг подозреваемых только Лакландерами?

Роуз отвернулась и, положив руку на опущенное стекло, уткнулась в нее лицом и разрыдалась.

— Будь я проклят! — взорвался Марк и, выскочив из машины, принялся нервно расхаживать взад-вперед, пытаясь успокоиться.

В этот момент на дорожке появилась машина с возвращавшейся домой Китти за рулем. Увидев автомобиль Марка, она притормозила. Роуз, всхлипывая, пыталась взять себя в руки. После секундного размышления Китти вылезла из машины и подошла к Роуз. Марк сунул руки в карманы и отошел в сторону.

— Я не хочу показаться назойливой, — сказала Китти, — но, может, я могу чем-то помочь? Если мне лучше уехать — просто скажи.

Роуз подняла глаза и впервые заметила на лице мачехи признаки страдания, которые Китти с трудом пыталась скрыть. Девушке впервые пришло в голову, что люди могут переживать горе по-разному, и она почувствовала в ней родственную душу.

— Спасибо, что остановилась, — сказала Роуз.

— Все в порядке. Я тут подумала, — продолжила Китти с необычной для себя неуверенностью, — что ты вроде как собиралась переехать. Если надумаешь, просто скажи. Я говорю не о будущем, а про сейчас. Наверное, Марк предложил тебе переехать с Нанспардон. Если хочешь, так и сделай. Со мной все будет в порядке.

До этого Роуз не приходило в голову, что если она переедет в Нанспардон, то Китти станет совсем одиноко. В голове у нее зароился целый ворох мыслей и воспоминаний. Роуз только сейчас вдруг осознала, в каком сложном положении оказалась мачеха, и решила, что должна ее поддержать. Она даже подумала, что флирт Китти с отцом Марка мог быть вызван чувством одиночества, от которого та наверняка страдала. Несмотря на толстый слой косметики, лицо мачехи выглядело осунувшимся, а сама она — потерянной.

«В конце концов, папа любил нас обеих», — подумала Роуз.

— Ну ладно, тогда я поехала, — как-то неловко произнесла Китти.

Роуз вдруг неожиданно захотелось остановить Китти и сказать, что они поедут домой вместе, и она взялась за ручку, чтобы выйти из машины, но тут вмешался Марк. Он вернулся к машине и обратился к Китти:

— Я тоже на этом настаивал. В конце концов, я врач, и таковы мои предписания. Она поживет в Нанспардоне. Я рад, что вы со мной согласны.

Китти одарила его взглядом, каким автоматически награждала всех достойных внимания мужчин.

— Я рада, что о ней позаботятся, — сказала она и вернулась в свою машину.

Роуз проводила ее взглядом, чувствуя угрызения совести и неловкость.

3

По дороге в Чайнинг Аллейн излагал свои соображения относительно седьмой главы мемуаров:

— Следует иметь в виду характер личности полковника, о котором можно судить по отзывам окружающих. За исключением Данберри-Финна, все сходятся на том, что Картаретт был хорошим и совестливым человеком с обостренным чувством чести. Идем дальше! Напомним себе, что перед смертью старый Лакландер был очень обеспокоен чем-то связанным с Картареттом и мемуарами и что он

скончался с именем Вика на устах. Идем дальше! Как только заходит речь о мемуарах или молодом Викки Финне, все вокруг начинают сильно нервничать. Дальше! И Финн, и леди Лакландер признают, что после выяснения отношений Октавиус и полковник обсуждали какой-то вопрос. Леди Лакландер открыто заявила, что не станет предавать гласности, что именно обсуждалось, и Финн, узнав об этом, тоже отказался что-то сообщить. Полковник ушел из дома нанести визит Финну, с которым уже давно не ладил. А теперь постараемся связать воедино все эти факты, памятуя об обстоятельствах смерти молодого Финна, косвенном признании Джорджа Лакландера, что мемуары обеляли Людовика, утверждении Роуз, что ее отец отправился с благой вестью, и содержании письма издателя. И что получается?

— В седьмой главе содержалось нечто реабилитировавшее молодого Финна. На полковника возложили миссию принять решение, стоит ли это публиковать. Он сомневался, как лучше поступить, и отправился к Финну, — продолжал излагать свои выводы Фокс, — чтобы узнать его мнение. Мистер Финн в это время рыбачил, и полковник пошел его искать. Потом разразился скандал, и как поступил полковник?

— Полагаю, — ответил Аллейн, — он обозвал его старым и бессовестным браконьером, но сообщил, что пришел совсем по другому поводу. И рассказал о седьмой главе. А поскольку на теле полковника рукописи не оказалось, мы делаем вывод, что он передал ее мистеру Финну. Это подтверждается тем, что на столе мистера Финна я видел конверт со стопкой напечатанных страниц, который был написан рукой полковника и адресован Октавиусу. И какой же напрашивается вывод, дружище Фокс?

— Относительно седьмой главы?

— Относительно седьмой главы.

— Я предпочитаю услышать ваше мнение, — с улыбкой уклонился тот от ответа.

Аллейн изложил свою версию.

— Что ж, сэр, — отреагировал Фокс, — это очень даже может быть. И для любого из Лакландеров является достаточно веским мотивом, чтобы избавиться от полковника.

— Однако если допустить, что мы правы в своих смелых догадках, Фокс, то леди Лакландер слышала, как полковник передал

рукопись седьмой главы мистеру Финну. И тогда, если уж Лакландеры и были готовы пролить чью-то кровь, то логически их жертвой скорее пал бы мистер Финн.

— Леди Лакландер могла не расслышать всего, что говорилось.

— Тогда почему в таком случае она столь уклончиво говорит об этом, и о чем они с полковником беседовали потом?

— Проклятие! — разочарованно воскликнул Фокс. — А может, мемуары, седьмая глава, и виновник кражи секретных документов в Зломце вообще никак не связаны с преступлением!

— Мне представляется, что связаны, но не являются главным.

— Ну, мистер Аллейн, если придерживаться вашей логики, то это — единственное разумное объяснение.

— Вот именно! Скажу тебе больше, Фокс: мотиву зачастую нельзя придавать первостепенное значение. А вот и Чайнинг. Впереди заправка и — внимание, Фокс, постарайся держать себя в руках! — там наша ненаглядная Кеттл заливает бензин в свою свежеекрашенную машину. Не сомневаюсь, что свой автомобиль она называет каким-нибудь ласковым прозвищем. Если вы обещаете вести себя прилично, мы остановимся и тоже заправимся. Доброе утро, сестра Кеттл.

— С добрым утречком, сэр, — отозвалась сестра Кеттл, поворачиваясь к ним сияющим лицом. Она похлопала машину по багажнику, как лошадь по крупу. — У нас небольшой утренний «перекус». Это наша первая встреча за последние две недели. У нее была небольшая операция по подтяжке лица. А как ваши дела?

— Потихоньку, — ответил Аллейн, вылезая из машины. — Хотя инспектор Фокс начинает терять терпение.

Фокс сделал вид, что не слышал.

— У вас чудесный автомобиль, мисс Кеттл, — сказал он.

— Моя Араминта? Она славная девочка, — ответила сестра Кеттл, продолжая сиять. — Я вывезла ее в свет навестить больного с люмбаго.

— Капитана Сайса? — предположил Аллейн.

— Его самого.

— Но он уже полностью выздоровел.

— Как знать, — отозвалась сестра Кеттл немного смущенно. — Еще вчера вечером он ужасно мучился.

— Когда вы ушли от него около восьми вечера, он, насколько я понимаю, был еще прикован к постели?

— Да, и ужасно страдал.

— А вот мистер Финн утверждает, что в четверть девятого капитан Сайс всю упражнялся из своего шестидесятифунтового лука.

Сестра Кеттл густо покраснела до самых кончиков волос. Аллейн услышал, как его коллега пытался промямлить что-то в защиту медсестры.

— Вот видите! — воскликнула сестра Кеттл. — С люмбаго всегда так! То оно есть, то его нет! — И для убедительности она щелкнула пальцами.

— А вы уверены, мисс Кеттл, что капитан вас не разыгрывал? Прошу прощения, что приходится сомневаться, — поинтересовался Фокс сдавленным голосом.

— Вполне возможно! — ответила та, наградив его взглядом, который можно было назвать лукавым. — Но вовсе не по тем причинам, которые вам, сыщикам, сразу приходят в голову.

Она с энтузиазмом забралась в машину и нажала на клаксон.

— Гони, Джон, и не жалея лошадей! — весело крикнула она и исчезла, окончательно смутившись.

— Если вы срочно не обзаведетесь каким-нибудь хроническим и плохо поддающимся лечению недугом, дружище Фокс, боюсь, что ваши шансы равны нулю, — заметил Аллейн.

— Замечательная женщина! — вздохнул Фокс и добавил довольно двусмысленно: — Какая жалость!

Заправившись, они приехали в полицейский участок.

Здесь их уже ожидал сержант Олифант с полученными из Скотленд-Ярда депешами.

— Отличная работа, — похвалил Аллейн. — Очень оперативно!

Он прочитал первое сообщение.

— «Информация о чешуе форели проверена в Музее естественной истории, Институте по охране форели в британских водоемах и у доктора С. Соломона — ведущего специалиста по этой тематике. Все подтверждают, что у двух разных форелей одинаковых по рисунку чешуек быть не может. Картаретт является признанным авторитетом в этой области».

— Замечательно! — отреагировал Фокс. — С этим все ясно.

Аллейн взял второй листок с сообщением.

— «Извещение о завещании покойного сэра Гарольда Лакландера», — прочитал он. Пробежав его глазами, он сообщил: — Все предельно просто. За исключением обычных выплат слугам, все переходит к вдове и сыну без права отчуждения.

— Как и говорила мисс Кеттл.

— Совершенно верно. Теперь следующая. «Сведения об отставном капитане Королевского флота Джеффри Сайсе. Сингапур, период с 1 марта 195...года по 9 апреля 195... года. Корабль... находился на стоянке в порту Сингапура.

Нахождение на берегу. Деятельность вне службы. Вначале умеренные привычки и спокойное времяпрепровождение. Наносил обычные визиты, но основное время проводил в одиночестве, занимаясь живописью. Позже сошелся с некоей мисс Китти де Вер, с которой познакомился на платном дансинге. При необходимости можем выслать справку о мисс де Вер. Установлено, что Сайс снимал квартиру для де Вер, которую позже познакомил с полковником Картареттом, и та сочеталась браком с последним. Источники...».

Затем следовали имена офицеров, полученные из Морского справочника, и пояснение, что в настоящий момент корабль находится в порту, что позволило получить информацию под грифом «Срочно и конфиденциально».

Аллейн положил листки на стол Олифанта.

— Бедняга Картаретт! — сказал он изменившимся голосом. — И если угодно, бедняга Сайс!

— Да и Китти достойна не меньшей жалости! — заметил Фокс.

4

Перед возвращением в Суивнингс Аллейн и Фокс навестили доктора Кэртиса в больничном морге Чайнинга. Он размещался в крошечной пристройке к скромной больнице, и в том, что тело навсегда покинувшего этот мир полковника находилось в такой непосредственной близости от продолжавшего жить своей жизнью городка, можно было даже найти некую утешающую символичность. Доктор Кэртис, любивший все делать основательно, проводил вскрытие очень тщательно и еще не закончил его. Однако он уже смог подтвердить, что голова была пробита, судя по всему, вторым ударом,

но ни один из них не мог объяснить происхождение многочисленных повреждений вокруг колотой раны. По мнению Кэртиса, они были вызваны каким-то надавливанием. Следы повреждения черепа от удара были налицо. Доктор Кэртис не стал исключать возможность нанесения удара стрелой капитана Сайса или острием зонта леди Лакландер, но склонялся к мнению, что из предъявленных ему возможных орудий убийства трость-сиденье подходило на эту роль больше всего. Поиски следов крови могли дать окончательный ответ на этот вопрос. На тряпке для вытирания кистей, бесспорно, имелись пятна крови, но определить ее принадлежность могли только дальнейшие исследования. Тряпка сильно пахла рыбой. Аллейн передал доктору Кэртису все остальные привезенные «сокровища».

— Как только вы освободитесь, я попрошу вас заняться прежде всего следами рыбы. Найдите мне чешуйки от разных рыб на одной одежде, и все остальное решится само собой.

— Вы, видимо, путаете меня с ударником джаз-банда, — добродушно заметил Кэртис, — который перескакивает с одного барабана на другой. Имейте в виду, что сейчас моей главной задачей является вскрытие, а поисками ваших проклятых чешуек может вполне заняться Вилли Роскилл. — Сэр Уильям Роскилл являлся выдающимся химиком, работавшим на министерство внутренних дел.

— Я немедленно позвоню ему, — загорелся Аллейн.

— Не надо, я уже позвонил, и он выехал. Как только мы что-нибудь найдем, сразу сообщим в участок. А что за гонка, Рори? Вы же всегда осаживали не в меру торопливых коллег и напоминали про *festina lente*.^[19] Откуда сейчас такая спешка? Убийство произошло только вчера вечером!

— Это паршивое дело, — ответил Аллейн. — Знаете, я, пожалуй, заберу стрелу со следами крови. В чем бы мне ее унести? Я не хочу, чтобы он...

Окинув взглядом принесенные вещи, детектив выбрал сумку для гольфа Джорджа Лакландера.

— Вот это подойдет, — сказал он и, обмотав наконечник стрелы Сайса тряпкой, сунул ее в сумку. — Паршивое дело, — повторил он и добавил: — Мне от него не по себе.

— И чем оно хуже других?

Но Аллейн не ответил и принялся разглядывать личные вещи подозреваемых, разложенные аккуратными кучками на полке возле секционного стола. Они казались неотъемлемой частью процедуры вскрытия. Первыми лежали две форели: четыре фунта холодного великолепия проигравшей битву Старушки и рядом на тарелке — кости и обглоданные остатки улова полковника. Затем личные вещи выловивших их Картаретта и мистера Финна: одежда, обувь, снасти и шляпа. Новая яркая твидовая юбка и кардиган с джемпером Китти. Брюки гольф, носки и обувь сэра Джорджа. Теннисные костюмы Марка и Роуз. Необъятные одеяния леди Лакландер, ее принадлежности для рисования и пара старинных, но великолепно сшитых ботинок. Аллейн взял один из них.

— Примерно четвертый размер, — сказал он. — Ручная работа лучшего лондонского сапожника тех времен, когда леди Лакландер еще играла в гольф. Здесь вышито ее имя. Их почистили, но подметки еще влажные и... — Он замолчал, внимательно разглядывая каблук.

На нем имелись миниатюрные шипы. Аллейн посмотрел на Фокса, и тот, не говоря ни слова, принес тарелку с остатками выловленной полковником форели. Они положили на нее кусочек кожи с вмятиной, аккуратно его расправили и сравнили.

— След наверняка совпадет, — сообщил Аллейн. — Вы, конечно, проверьте его как следует, но сомнений у меня нет. И это мне совершенно не нравится!

Сделав такой неожиданный вывод, он вышел из морга.

— Да что с ним такое? — поинтересовался доктор Кэртис у Фокса.

— Спросите у него сами, доктор, — ответил тот. — Преступление из разряда тех, к которым он так и не смог привыкнуть.

— Вот как? — удивился доктор, как будто его собственная работа была из разряда приятного времяпрепровождения, и задумчиво пробормотал: — Меня всегда удивляло, зачем он пошел в полицию.

— Я никогда его об этом не спрашивал, — с обычной прямотой отозвался Фокс, — но только очень этому рад. Ладно, не буду вас больше задерживать и оставлю с трупом.

— Увидимся, — рассеянно кивнул доктор Кэртис, и Фокс нагнал своего шефа.

Они вместе вернулись в полицейский участок, где Аллейн дал указания Олифанту.

— Вы остаетесь здесь, сержант. Думаю, что сэр Уильям Роскилл сразу отправится в морг, но если удастся что-нибудь выяснить, то либо он, либо доктор Кэртис позвонят вам сюда. Вот список людей, с которыми я собираюсь встретиться, — у одного из них вы меня найдете. И подготовьте заранее ордер — мы можем произвести арест еще сегодня.

Удивленно цокнув я зыком, сержант Олифант спросил:

— Правда? И кто это, сэр?

Аллейн ткнул пальцем в фамилию, указанную в списке, и сержант замер с каменным выражением лица.

— Я еще не уверен, — сказал Аллейн, — но лучше предупредите судью, что ордер может понадобиться срочно. А сейчас, Олифант, дозвонитесь до издательства «Брайерли и Бентвуд» вот по этому номеру. Попросите мистера Тимоти Бентвуда и сообщите мое имя.

Он подождал, пока сержант Олифант дозвонится, и отметил про себя, что тот действовал спокойно и деловито.

— Если Бентвуд согласится помочь, — сказал Аллейн, — то мы закроем вопрос с седьмой главой.

Фокс поднял толстый и похожий на обрубок палец, и они оба прислушались к тому, что говорил Олифант.

— Вот как? Неужели? Не кладите трубку, сэр, я сейчас узнаю.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил Аллейн.

Олифант прикрыл трубку рукой:

— Мистер Бентвуд, сэр, находится сейчас в больнице. Вы будете разговаривать с секретарем?

— Проклятие, разрази его гром! — взорвался Аллейн. — Нет, не буду. Спасибо, Олифант. Пошли, Фокс. Наш номер не прошел. Так что пора действовать. Олифант, если получится, мы перекусим в «Мальчишке и осле», но сначала заедем еще в одно место. — Он ткнул пальцем в список, и сержант уточнил:

— В Аплэндс? К капитану Сайсу?

— Да, — подтвердил детектив. — Приготовьте все, и если я подам сигнал, приезжайте с надлежащим эскортом. Будем производить арест. Пошли, Фокс.

По дороге назад Аллейн хранил молчание. При подъезде к Джейкобс-Коттедж они заметили в воротах мистера Финна с котенком на плече.

— Что ж, раз уж мы здесь, то откладывать беседу не имеет смысла. Давайте остановимся.

Фокс затормозил у ворот, и Аллейн вышел из машины и направился к мистеру Финну, который разглядывал его с удивлением.

— Господи Боже, дорогой инспектор, — сказал он, снимая с плеча котенка и лаская его. — Подобно периодической дроби, вы возникаете с завидным постоянством, как цифра после запятой.

— Такая уж у нас работа, — мягко отозвался Аллейн. — Мы появляемся, когда нас не ждут.

Мистер Финн моргнул и хохотнул.

— Следует ли из этого, что я вызываю у вас особый интерес? Или вы разрабатываете новые залежи догадок и домыслов? Например, относительно Нанспардона? Может, вы рисуете в своем воображении, как леди Гаргантюа, Тучная хозяйка поместья, крадется на цыпочках по лугу с ромашками? Или Джордж, преисполненный важности от недавно полученного титула, пробирается в брюках гольф сквозь ивовую рощу? А может, нанесенные раны выдают руку медика? И мы подозреваем юного эскулапа со скальпелем и клизмой? Вы полагаете меня субъектом с сомнительными наклонностями, но разве нет других претендентов на дурную славу? Может, стоит приглядеться к другим? Например, к почтенному и склонному к возлияниям любителю стрельбы из лука? Или красивой и загадочной вдове сомнительного происхождения? Однако прошу меня простить за эту пустую болтовню. Чем могу быть полезен?

Аллейн заглянул в беспокойные глаза на мертвенно-бледном лице:

— Мистер Финн, могу я попросить у вас ваш экземпляр седьмой главы?

Котенок пискнул, открыв рот и показав розовый язычок. Мистер Финн разжал пальцы, поцеловал его и опустил на землю.

— Прости меня, малыш, — сказал он. — Беги к своей мамочке. — Он открыл калитку. — Пойдемте, — пригласил он, и они проследовали за ним через сад, где стояли грубо сколоченные старые скамейки.

— Разумеется, вы можете отказаться, — предупредил Аллейн. — Тогда мне придется прибегнуть к другим методам.

— Если вы считаете, — ответил мистер Финн, облизывая пересохшие губы, — что эта седьмая глава, которую вы видели у меня на столе, но не читали, в какой-то мере уличает меня, то глубоко ошибаетесь. Она скорее является моим алиби, если можно так выразиться.

— Так я и думал, — отозвался Аллейн. — Но все-таки я бы хотел с ней ознакомиться.

Наступила долгая тишина.

— Без согласия леди Лакландер — ни за что! Даже если об этом будут умолять все сыщики мира!

— Что ж, я вас прекрасно понимаю. Но ради поддержания беседы не могли бы вы подтвердить, что в седьмой главе автор исповедуется в совершенной ошибке? Не признает ли, например, сэр Гарольд Лакландер, что сам был виновен в той злополучной утечке информации в Зломце?

— Господи, откуда такая безудержная фантазия? — с трудом выговорил мистер Финн.

— Фантазия тут ни при чем, — добродушно заверил Аллейн. — По-моему, я уже говорил утром, что знаком с тем делом в Зломце. Вы упомянули, что новый вариант седьмой главы является вашим алиби. Если это действительно так, то разве вы не сделаете все возможное, чтобы мемуары были напечатаны, коль скоро они восстанавливают доброе имя вашей семьи?

Мистер Финн промолчал.

— Должен вас предупредить, — продолжил Аллейн, — что я намереваюсь запросить у издателей правленный вариант седьмой главы.

— Они не в курсе...

— Ошибаетесь! Полковник Картаретт этого не знал, но издателей обо всем поставил в известность сам автор.

— В самом деле? — переспросил мистер Финн, дрожа всем телом. — Если они исповедуют профессиональную этику, то наверняка откажутся раскрыть содержание мемуаров.

— Как и вы?

— Как и я. Я не стану разглашать никакой информации по этому вопросу, какое бы давление вы на меня ни оказывали, мистер Аллейн.

Мистер Финн отвернулся, но в это время послышался скрип калитки, и Аллейн тихо произнес:

— Рад вас снова приветствовать, леди Лакландер.
Мистер Финн обернулся, издав невразумительный возглас.
Она стояла, щурясь на солнце и явно нервничая.
— Родерик, я пришла, чтобы сделать признание.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Возвращение в Суивнингс

1

Леди Лакландер медленно приблизилась.

— Если эта штукавина выдержит мой вес, я лучше присяду, Октавиус, — сказала она.

Детективы посторонились, а мистер Финн забормотал:

— Нет-нет-нет! Больше ни слова! Я запрещаю!

Леди Лакландер грузно опустилась на старенькую скамейку.

— Бога ради! — умоляюще взывал к ней мистер Финн. — Пожалуйста, ничего не говорите!

— Глупости, Окки, — ответила она, слегка задыхаясь. — Помолчи сам, глупенький. — Она внимательно на него посмотрела и неожиданно рассмеялась. — Боже милостивый, да ты, никак, считаешь, что это сделала я?

— Нет-нет-нет! Как вы могли подумать!

Она с трудом повернулась и обратилась к Аллейну:

— Вообще-то я пришла, Родерик, от имени мужа. И признание, которое я собираюсь сделать, это — его признание.

— Наконец-то! — воскликнул Аллейн. — Седьмая глава.

— Она самая. Я понятия не имею, что вам удалось выяснить самому или о чем вам уже рассказали.

— От меня он не узнал ничего! — вскричал мистер Финн. — Ничего!

— Хм! Ты проявил редкостное великодушие, Октавиус.

Мистер Финн начал было возражать, но, всплеснув руками, промолчал.

— Но рассказать могли и другие, — продолжила она, пристально глядя на Аллейна.

Тот промолчал, подумав: «Джордж рассказал Китти о седьмой главе, и леди Лакландер об этом узнала. Она думает, что мне все

рассказала Китти».

— Вы можете решить, — снова заговорила леди Лакландер, — что я это делаю просто из необходимости.

Аллейн поклонился.

— Но это не так. Для начала, мы как семья находимся в долгу перед тобой, Октавиус.

— Перестаньте! — снова закричал мистер Финн. — Прежде чем вы скажете еще хоть слово...

— Мистер Финн, — вмешался Аллейн и в одном предложении нарушил сразу три правила поведения полицейских: — Если вы не прекратите разговоры, я заставлю вас это сделать! Помолчите, мистер Финн!

— Да, Окки, — поддержала детектива леди Лакландер, — я совершенно с этим согласна! Или помолчи, или просто уйди. — Она подняла пухленький пальчик и держала его на весу, будто одного из котят мистера Финна. — Будь добр, поверь, что я все тщательно взвесила, и теперь просто помолчи.

Пока мистер Финн колебался, глядя на Аллейна и потирая губы, леди Лакландер решительно взмахнула рукой и произнесла:

— Родерик, мой муж был предателем.

2

Со стороны они представляли собой довольно пеструю картину. Устроившись на неудобных скамейках, Фокс делал записи, стараясь не привлекать к себе внимания, мистер Финн сидел, обхватив голову руками, а леди Лакландер говорила не останавливаясь. Время от времени появлялись кошки и, демонстрируя полное безразличие к людским проблемам, грациозно удалялись.

— Об этом и написано в седьмой главе. — Выдержав короткую паузу, леди Лакландер продолжила: — Мне трудно об этом говорить и не хочется выглядеть глупо. Вы позволите, я соберусь с мыслями?

— Разумеется, — кивнул Аллейн.

Леди Лакландер устремила невидящий взгляд перед собой и наконец сложила пухленькие ручки на коленях, и ее губы перестали дрожать.

— Теперь все в порядке, — сказала она твердым голосом, — и я могу продолжать. Во время тех событий в Зломце мой муж вел тайные переговоры с прусскими фашистами. С высшим руководством из

ближайшего окружения Гитлера. Судя по всему, они считали его своим козырным тузом: британский дипломат с громким именем и незапятнанной репутацией на родине, — она поперхнулась, но тут же продолжила, — чей авторитет никогда не подвергался сомнению. Он был предательски увлечен нацистскими идеями и верил в них. — Аллейн видел, как ее глаза наполнились слезами. — В службе контрразведки об этом даже не подозревали, Родерик, верно?

— Да.

— А утром мне показалось, что вы знали.

— Эта мысль мне просто пришла в голову. Не более того.

— Значит, она ничего не сказала.

— Она?

— Жена Мориса. Китти.

— Нет.

— От подобных людей никогда не знаешь, чего ожидать.

— Как, впрочем, и от других, — заметил Аллейн.

Она густо и некрасиво покраснела.

— Я не могу понять одного, — неожиданно вмешался мистер Финн. — Почему? Почему Лакландер так поступил?

— Теория превосходства высшей расы? — предположил Аллейн.

— Аристократический англо-германский альянс как единственная альтернатива войне и коммунизму и надежда на выживание своего класса? В те времена этой идеей увлекались многие. И я не сомневаюсь, что ему посулили немало благ.

— Вы его не щадите, — тихо промолвила леди Лакландер.

— А должен? Полагаю, что в седьмой главе он тоже себя не щадит.

— Он горько раскаивался и не находил себе покоя.

— Да, — кивнул мистер Финн. — Не сомневаюсь.

— Да, Окки, ты даже представить себе не можешь! — воскликнула она. — И больше всего за ту беду, которую накликал на твоего мальчика.

— «Беду»? — переспросил Аллейн, не давая мистеру Финну ответить. — Извините, мистер Финн. Мы должны выслушать все до конца.

— Зачем ты пытаешься остановить меня, Окки? Ты же все читал! И разве тебе не хочется кричать об этом на всех перекрестках?

— Сэр Гарольд реабилитирует Людовика Финна? — поинтересовался Аллейн.

— Полностью! Разве что корит за небрежность.

— Понятно.

Леди Лакландер закрыла лицо руками. Это было настолько необычно для ее манеры держаться, что шокировало не меньше истерики.

— Мне кажется, я понимаю. Тогда в Зломце сэр Гарольд, делая вид, что следует инструкциям британского правительства в отношении железнодорожных концессий, на самом деле собирался позволить немцам добиться своего? — Убедившись, что его догадка верна, Аллейн продолжил: — И в самый ответственный момент переговоров, когда сэр Гарольд больше всего на свете хотел остаться вне подозрений, его личный секретарь отправляется на вечеринку и выдает немецкому агенту содержание секретной депеши, которую расшифровывал по поручению сэра Гарольда. Правительство уведомляет сэра Гарольда об утечке информации, и тот вынужден разыграть в посольстве сцену дикого скандала. Ему ничего не остается, как устроить разнос молодому Финну, обвинить его во всех тяжких, запугать такими чудовищными разоблачениями и бесчестьем, что юноша выходит и пускает себе пулю в лоб. Так все было?

Аллейн пристально посмотрел на собеседников.

— Да, — подтвердила леди Лакландер. Она заговорила громче, будто повторяла вслух ненавистный урок. — Муж пишет, что довел Викки Финна до самоубийства и практически убил его собственными руками. Так ему велели поступить его нацистские хозяева. Только тогда он начал сознавать, как далеко зашел и до какого падения его могут довести немецкие сообщники. Я видела, как сильно он тогда переживал и мучился, но считала, что причиной был шок, вызванный смертью и — как я тогда думала — предательством Викки. Но предателями оказались мы, Окки, а твой Викки был всего лишь наивным мальчиком, проявившим трагическую беспечность. — Она посмотрела на мистера Финна и нахмурилась. — Вчера после ссоры с тобой Морис пришел ко мне и сказал, что оставил новый вариант рукописи седьмой главы у тебя дома. Почему ты промолчал об этом, Окки? Почему пытался остановить меня? Неужели...

— Нет, — тихо произнес мистер Финн, — отнюдь не в силу неких высоких соображений, уверяю вас. Я поступил так из уважения к последней воле моего мальчика. Перед смертью Викки написал нам с женой. Он умолял поверить, что был невиновен. И заклинал ни при каких обстоятельствах не делать ничего, что могло бы бросить тень на сэра Гарольда. Может, вы этого и не знали, дорогая леди Лакландер, но мой глупенький мальчик боготворил вашего мужа. Мы с женой решили выполнить его волю.

Мистер Финн поднялся. Он как-то сразу постарел и сник.

— Мне не нужны угрызения совести и раскаяние Лакландеров. Я не хочу, чтобы смерть моего сына и дальше омрачала их жизнь. Мне кажется, я потерял веру в человеческое искупление. А теперь, с вашего позволения, я хотел бы удалиться. А что касается седьмой главы, то я ее сжег за полчаса до вашего прихода, господин старший инспектор.

Он приподнял свою нелепую шапочку и, поклонившись леди Лакландер, ушел в дом в сопровождении кошек.

Леди Лакландер поднялась и направилась к воротам, но по дороге остановилась, будто что-то вспомнив, и, обернувшись, сообщила Аллейну:

— Я возвращаюсь в Нанспардон.

Затем она продолжила путь и отбыла в своем солидном старинном автомобиле.

— Некрасивая история. Наверное, юноша догадался, в чем дело, когда сэр Гарольд устраивал ему разнос. Ужасно неприятно.

— Да уж!

— А ведь мистер Финн был прав, когда сказал, что седьмая глава снимает с него подозрение в убийстве полковника Картаретта.

— Отнюдь, — возразил Аллейн.

— Нет?

— Скажем, не совсем. Полковник оставил рукопись с главой в Джейкобс-Коттедж. Финн, по его же собственным словам, не стал возвращаться домой после ссоры с полковником. Он направился в ивовую рощу и потерял там очки. А седьмую главу прочитал только сегодня утром. Думаю, с помощью увеличительного стекла.

3

— Наверняка это была копия, — сказал Фокс, когда они выехали на дорожку, ведущую к дому капитана Сайса. — Полковник ни за что

бы не стал передавать оригинал.

— Верно. Думаю, что оригинал был заперт в нижнем левом ящике его письменного стола.

— Понятно! — удовлетворенно кивнул Фокс. — Такое может быть!

— Но тогда оригинал выкрал кто-то из его домочадцев или Лакландеров или другое заинтересованное лицо, и его, возможно, постигла та же участь, что и копию. С другой стороны, ящик мог оказаться пустым, а оригинал хранится в банковской ячейке полковника. Но все это не так важно, Фокс. Судя по всему, сэр Гарольд известил издателя о содержании альтернативной редакции седьмой главы. И мы всегда можем с ним связаться и выяснить. Не думаю, что нам придется использовать текст в качестве улики. Надеюсь, что так.

— А чем, по-вашему, вызвано столь неожиданное решение титулованной вдовы все рассказать?

— Я уже и так изложил много версий, — раздраженно ответил Аллейн. — Теперь твоя очередь, Фокс.

— Понятно, что она очень умна, — сказал тот. — Наверное, сообразила, что мы все равно докопаемся до истины.

— Тут далеко все не так просто, — туманно заметил Аллейн. — А сейчас нам предстоит довольно неприятная беседа, так что приготовься ко всему, Фокс! Ба-а! Ты только посмотри, кто здесь!

На пороге показалась сестра Кеттл, которую сопровождал капитан Сайс с салфеткой в руке. Они направились к машине, и капитан обратил ее внимание на приближавшийся полицейский автомобиль. Прихрамывая, он проводил сестру Кеттл и, открыв дверцу, подождал, пока она сядет, испытывая явное волнение. Сестра Кеттл завела двигатель, не глядя на него.

— Она предупредила, что симуляция с люмбаго раскрыта, — разозлился Аллейн.

— И наверняка сделала это из лучших побуждений, — сухо поддержал его Фокс.

— Вне всякого сомнения.

Когда их машины поравнялись, Аллейн приподнял шляпу, приветствуя сестру Кеттл, но та только прибавила газу и умчалась, как испуганная антилопа, покраснев до корней волос.

Сайс терпеливо дожидался, пока они подъедут.

Фокс остановился, и детективы вылезли из машины. Аллейн перекинул через плечо сумку для гольфа и обратился к капитану Сайсу:

— Мы можем поговорить где-нибудь в доме?

Не говоря ни слова, Сайс провел их в гостиную, где на маленьком столике возле стакана с виски стояла тарелка с недоеденным скромным завтраком.

Импровизированная постель по-прежнему находилась тут же. На кровати был аккуратно сложен домашний халат.

— Присядете? — предложил Сайс, но сам остался стоять. Аллейн и Фокс тоже садиться не стали. — Что на этот раз? — поинтересовался Сайс.

— Я пришел задать вам несколько вопросов, которые могут показаться непозволительными. Они касаются вашего последнего пребывания в Сингапуре. Того самого, о котором мы говорили утром. Помните, вы говорили, что сами познакомили миссис Картаретт с ее будущим мужем?

Сайс не ответил и, сунув руки в карманы, посмотрел в окно.

— Боюсь, что вынужден поинтересоваться, не состояли ли вы в то время в близких отношениях с мисс де Вер, как ее тогда звали?

— Это неслыханно!

— Согласен, но и убийство тоже не шутки!

— К чему, черт возьми, вы клоните?

— Ах! — воскликнул Аллейн, махнув рукой, что позволял себе чрезвычайно редко. — Какие глупости! Вы отлично понимаете, к чему я клоню. Зачем нам разыгрывать представление, будто пара неловких дуэлянтов? Я располагаю информацией из самых достоверных источников, что в Сингапуре вы жили с миссис Картаретт. Вы сами познакомили ее с полковником. Вернувшись сюда, вы узнаете, что они поженились, и, как вчера сами признались, это никак не входило в ваши планы. Ладно! Картаретта вчера убили на Нижнем лугу, и его череп пробит предметом, который вполне мог быть стрелой. Вы сказали, что вас скрутил приступ люмбаго, но сами стреляли из шестидесятифунтового лука, хотя должны были быть прикованы к постели. А теперь, если желаете, можете послать за адвокатом и не говорить ни слова, пока он не приедет, но только не делайте вид, будто не понимаете, к чему я клоню.

— Господи Боже! — воскликнул Сайс с той же интонацией, с какой говорил о кошках, и добавил: — Мне нравился Картаретт!

— Он мог вам нравиться, а его жену вы любили?

— «Любил», — повторил Сайс, густо покраснев. — Что за слово!

— Хорошо, давайте зайдем с другой стороны. Она вас любила?

— Послушайте, вы что, считаете, что она меня подбила... или что я ее подбил или что-то в этом роде? Тоже мне — нашли Томпсон и Байуотерса![20] — не на шутку разозлился капитан Сайс.

— Интересно, а почему вы вдруг о них вспомнили? Потому что он тоже был моряком, а она, бедняжка, — неверной женой?

— Еще пара таких замечаний, и я точно пошлю за адвокатом!

— С вами трудно! — констатировал Аллейн, сохраняя спокойствие. — А вы можете дать нам одежду, в которой были вчера вечером?

— Зачем она вам?

— Ну, хотя бы для того, чтобы посмотреть, нет ли на ней крови Картаретта.

— Что за чушь!

— Так можете?

— Она, черт побери, и сейчас на мне!

— А вы не могли бы переодеться?

Капитан Сайс устремил взгляд своих голубых, с красными прожилками, глаз куда-то за горизонт и ответил:

— Как скажете.

— Благодарю вас. Вижу, что на время приступа люмбаго вы превратили гостиную в спальню. Так, может, вы переоденетесь в халат и шлепанцы?

Сайс так и сделал. От него пахло виски, руки немного дрожали, но переоделся он с ловкостью бывалого моряка. Собрав снятые вещи в кучу, он перетянул их веревкой, завязал узел и передал Фоксу, который написал расписку.

Сайс резким движением затянул пояс на халате.

— Люмбаго больше не беспокоит? — участливо поинтересовался Аллейн.

Сайс не ответил.

— Почему бы вам все не рассказать? — предложил Аллейн. — Вы же сами отлично понимаете, что я все равно докопаюсь. Какого черта

вы разыграли вчера приступ люмбаго? Из-за дамы?

Было бы неверно сказать, что при этом вопросе капитан Сайс покраснел, поскольку за время беседы его лицо и так приобрело бурый цвет, но сейчас оно потемнело еще больше.

— Так в чем была причина? — не унимался Аллейн. Фокс водрузил тюк с одеждой на стол.

— Я знаю, каково это, — бессвязно начал Сайс, показав рукой на Хаммер-Фарм. — Одна как перст в целом мире. Бедная Китти! Наверное, ей хотелось на кого-то опереться. Что вполне естественно. Вы видели эту пьесу? Ее поставили год или два назад. Я не любитель мелодрам, но там уж больно все правдиво. А в конце героиня выбрасывается из окна и сводит счеты с жизнью. Жаль ее!

— Вы имеете в виду «Вторую миссис Тенкерей»? [21]

— Ее самую. И лучше бы к ней относились по-другому, а то кончится тем же самым. Одиночество. Оно мне знакомо!

Его взгляд остановился на буфете в углу.

— И как тут быть? — Он посмотрел на столик с бокалом. — Предлагать выпить вам все равно бесполезно, — пробормотал он.

— Что верно, то верно!

— Что ж, — произнес он и, пробурчав что-то похожее на «Будем!» — опрокинул содержимое бокала в рот. — Вообще-то я собираюсь завязать с выпивкой, — пояснил он.

— «Это вполне безобидное и ручное создание, если правильно с ним обращаться», — процитировал Аллейн.

— И нет ничего предосудительного в том, чтобы дать ему волю, — неожиданно подхватил Сайс, — но только чем это чревато? Превращением в «мерзкого подонка и отъявленного лжеца».

— Справедливо. Но только мы обсуждаем не Яго и спиртное, а вас и люмбаго. Зачем...

— Ладно. Повторять нет нужды. Я просто думаю, как лучше ответить.

Он подошел к буфету в углу и вернулся с початой бутылкой виски.

— Мне нужно подумать. Вопрос чертовски щекотливый, — пояснил он, наливая себе солидную порцию.

— В таком случае, может, лучше обойтись без горячительного?

— Считаете?

— Это она так считает, — ответил Аллейн, демонстрируя свое непревзойденное умение огорошить собеседника.

— Вы о ком? — вскричал капитан Сайс в ужасе и сделал большой глоток.

— О мисс Кеттл.

— И что она?

— Она бы не одобрила, сэр.

— Она знает, что надо сделать, чтобы меня остановить, — пробормотал он. — А может, и нет. Но я ей не скажу, — добавил Сайс неожиданно низким голосом. — Я ей ни за что не скажу. Ни за что на свете!

— Боюсь, что вы действительно переборщили.

— Больше не стану начинать так рано. Впредь буду дожидаться, пока солнце не окажется над нок-реей. Я уже дал обещание.

— Мисс Кеттл?

— Кому же еще? — важно произнес Сайс. — А что?

— Отличная идея! — одобрил Аллейн и добавил как бы невзначай: — Так это, случайно, не из-за мисс Кеттл вы разыграли вчера вечером приступ люмбаго?

— А из-за кого же еще? — отреагировал Сайс, как будто у него заклинило передачу. — А что?

— А она знает?

Фокс пробурчал что-то нечленораздельное, а Сайс ответил:

— Мы слегка повздорили.

— Из-за люмбаго? — предположил Аллейн.

— Да нет же! Из-за этого. — Он показал на бокал. — Вот я и дал обещание. Начиная с завтрашнего дня. Нок-рея.

Аллейн в мгновение ока выхватил из сумки стрелу и сунул ее под нос Сайсу:

— А что скажете об этом?

— Стрела моя. Вы сами ее забрали.

— Нет. Это другая стрела. Ее нашли на Нижнем лугу у подножия холма. Если приглядитесь, то сами увидите разницу.

Аллейн сорвал лоскут с наконечника.

— Смотрите!

Сайс изумленно уставился на стрелу.

— Это кровь! — констатировал он.

— Похоже на то. А чья это кровь? Чья?

Сайс машинально провел рукой по редющим волосам и ответил:

— Кошки.

4

По его словам, этой стрелой он нечаянно лишил жизни мать Томазины Твитчетт пару-тройку недель назад. Он сам обнаружил ее тело и, расстроившись, зашвырнул стрелу в ближайшие кусты. А потом отнес убитую кошку мистеру Финну, который отказался принять извинения, и они «повздорили», как он снова выразился.

Аллейн поинтересовался, не считал ли капитан опасным выпускать стрелы наугад в соседские угодья. Ответ был путаным и сбивчивым. Аллейн скорее догадался, чем понял из бессвязных объяснений Сайса, что между точностью стрельбы капитана и невоздержанностью в спиртном имелась прямая зависимость. После этого капитан замкнулся, и выжать из него что-нибудь еще не представлялось возможным.

— Судя по всему, — заметил Аллейн, когда они отъехали от дома Сайса, — напившись, капитан начинает воображать себя купидоном и мечет стрелы направо и налево, совершенно не задумываясь о том, кого они могут поразить. Опасная штука, но соседи, думаю, уже свыклись с этим и научились проявлять осторожность.

— Боюсь, — мрачно заметил Фокс, — мисс Кеттл питает напрасные иллюзии насчет своей способности изменить капитана к лучшему.

— Мой дорогой Фокс, вы даже не представляете, на какое самопожертвование способна женщина.

— С другой стороны, — уныло продолжил Фокс, — в определенном смысле такова ее профессия. И от этого никуда не деться.

— А вот мне кажется, что она скорее из тех, кому просто необходимо кого-то постоянно опекать.

— Похоже на то. А вот я, если не считать редких приступов раздражительности, в полном порядке и в опеке не нуждаюсь. И каковы наши действия дальше, мистер Аллейн? — поинтересовался Фокс, закрывая столь щекотливую для него тему.

— Мы ничего не можем толком предпринять, пока не получим известий от Кэртиса. Но с Джорджем Лакландером все равно

поговорить стоит, чтобы закрыть тему Людовика Финна. Сейчас половина второго. Думаю, что мы можем пообедать. Посмотрим, чем нас могут угостить в «Мальчишке и осле».

Они жевали холодное мясо, картофель и свеклу с той деловитой сосредоточенностью, которая отличает людей, чья трапеза зависит не от времени, а от представившейся возможности. Они еще ели, когда позвонил доктор Кэртис и доложил предварительные результаты. Теперь он не сомневался, что полковника ударили в висок, когда тот сидел на корточках над своим уловом. Последующие раны были нанесены острым предметом, когда полковник лежал на боку без сознания или уже мертвый. Второй удар практически уничтожил следы первого. Кэртис затруднялся точно определить, чем полковника ударили сначала, но потом его точно стукнули в висок тростью-сиденьем. Сэр Уильям Роскилл обнаружил следы крови под опорным диском. Сейчас он определял группу крови.

— Понятно, — сказал Аллейн. — А тростью-сиденьем воспользовались...

— Да, мой дорогой, по прямому назначению.

— Как и следовало ожидать, верно? Специально разложили и сели. Какое зверство!

— Да уж! — бесстрастно согласился доктор Кэртис.

— Просто чудовищно! А чешуйками Вилли занимается?

— Дайте ему время, но он уже начал. Пока доложить нечего.

— Мы отправляемся в Нанспардон. Позвоните, если что удастся найти. Или вы, или Вилли.

— Хорошо.

Закончив разговор, Аллейн увидел, что его дожидается сержант Бейли, причем, судя по холодно-отвлеченному выражению лица, тот имел сообщить нечто важное. Он вернулся после тщательного осмотра кабинета полковника Картаретта. На нижнем левом ящике письменного стола имелись четкие отпечатки пальцев сэра Джорджа Лакландера.

— Я сравнил их с теми, что были на бокале, из которого он пил грог, — сообщил Бейли, глядя себе под ноги. — Ящик протерли, но на нижней поверхности остался четкий след. Видимо, по невнимательности. Это точно его пальчики.

— Отличная работа! — похвалил Аллейн.

На лице Фокса застыло то непроницаемое выражение, которое он всегда напускал на себя, когда расследование близилось к завершению. Он внимательно выслушивал свидетелей, подозреваемых, коллег или своего шефа, а потом его взор застывал на каком-нибудь отвлеченном предмете вдали. Эффект от подобного поведения был таким же, как и неожиданный переход с одной темы на другую при беседе. Создавалось впечатление, что Фокс погружался в некие приятные раздумья. Однако для коллег это был верный признак того, что Фокс что-то замыслил.

— Оторви свой взор от вечности, дружище Фокс, и вернись к нашим бранным делам, — произнес Аллейн. — Мы едем в Нанспардон.

Их отвез туда водитель Скотленд-Ярда, который освободился от поисков на Нижнем лугу.

Пока они ехали вдоль длинного забора, огораживавшего владения поместья, Фокс принялся размышлять вслух:

— Как думаете, они предадут это гласности? Им придется, так ведь? И что тогда?

— Да ничего! Им потрясающе везет! Только за последние два поколения они несколько раз выходили победителями международных лотерей. Я еще был на дипломатической службе, когда Джордж Лакландер сорвал главный куш на калькуттском тотализаторе. Кроме того, скаковые лошади из их конюшен постоянно выигрывают на скачках, а их коллекция драгоценностей одна из лучших в Англии. Так что если вдруг что-то пойдет не так, они всегда могут вытащить счастливый билет. Лакландеры — одна из немногих оставшихся в стране знатных семей, чье состояние покоится на чистом везении.

— В самом деле? — В голосе Фокса звучало сомнение. — А мисс Кеттл утверждает, что они чуть не тысячу лет были в почете в графстве и за все время ни единого скандала! Но допускаю, что она может быть пристрастной.

— Еще бы! Тысяча лет это уж слишком даже для якобы безупречных Лакландеров, — сухо заметил Аллейн.

— Мисс Кеттл утверждает, что ни в их прошлом, ни настоящем не было даже намека на нечто недостойное.

— А когда же ты успел столь обстоятельно побеседовать с сестрой Кеттл?

— Вчера вечером, мистер Аллейн. Когда вы были в кабинете, мисс Кеттл рассказывала, что полковник был настоящим джентльменом старой школы и все такое. И еще она упомянула, что они с пожилой леди как раз обсуждали этот вопрос после обеда. — Фокс замолчал и, почесав подбородок, задумался.

— Какой вопрос?

— Ну, о предначертании аристократии и тому подобном. Вчера это показалось не важным, потому что тогда никакой связи с Лакландерами еще установлено не было.

— И что дальше?

— Мисс Кеттл упомянула мимоходом, что ее светлость говорила, что... как бы получше выразиться... что *noblesse oblige*[22], и явно была чем-то расстроена.

— И чем именно?

— Об этом она не говорила.

— И ты думаешь, что она переживала из-за неизбежного скандала, который разрушит безупречную репутацию Лакландеров после опубликования седьмой главы?

— Думаю, что да, — ответил Фокс.

— Похоже на то, — согласился Аллейн, когда они свернули к Нанспардону.

— Потрясающая дама!

— Ты говоришь о ее характере, позиции в обществе или «тучности», выражаясь языком мистера Финна?

— Фунтов двести сорок, — задумчиво произнес Фокс. — Держу пари, что сынок располнеет в ее возрасте не меньше. Видно, что он к этому предрасположен.

— И к тому же на редкость неприятен в общении!

— А вот миссис Картаретт вряд ли так считает.

— Мой дорогой, как ты наверняка заметил и сам, он единственный, не считая супруга, мужчина в округе, который не просто ее замечал, но и всячески это демонстрировал.

— Значит, вы не думаете, что она в него влюблена?

— Кто знает? Я бы сказал, что свои плюсы у него точно есть.

— Что ж, — заметил Фокс и задумчиво посмотрел вдаль. Понять, думает ли он о нежных чувствах, о характере Джорджа Лакландера или о сомнительной благодарности Китти Картаретт, было

невозможно. — Как знать, — вздохнул он, — может, он как раз прикидывает, когда прилично сделать ей предложение.

— Сомневаюсь и надеюсь, она на это не особенно и рассчитывает.

— Так вы уже все для себя решили, — помолчав, произнес Фокс.

— В общем, да. Я вижу только одно объяснение случившегося, в которое укладываются все факты, но, пока мы не получим подтверждения экспертов из Чайнинга, у нас нет улик. Вот мы и приехали.

Миновав последний поворот, они подъехали к теперь уже хорошо знакомому фасаду особняка Нанспардон.

Их встретил дворецкий, который своим поведением недвусмысленно продемонстрировал, что принимает Аллейна за друга семьи, а Фокса не замечает вовсе. Он сообщил, что сэр Джордж еще не закончил трапезы и если Аллейн соизволит последовать за ним, он известит сэра Джорджа о визите. Аллейн в сопровождении невозмутимого Фокса прошел за ним в кабинет, где им еще не приходилось бывать. Аллейн с любопытством осмотрелся: здесь сохранились следы прежнего владельца, и внимание детектива привлек дружеский шарж на его бывшего шефа, сделанный четверть века назад, когда старший инспектор еще подавал большие надежды на дипломатической службе. Рисунок напомнил ему сэра Гарольда Лакландера таким, каким тот остался у него в памяти с его профессиональным обаянием, аристократизмом, острым умом и болезненным неприятием любой критики. На письменном столе стояла большая фотография Джорджа, на которой те же родовые черты были странным образом искажены не то глупостью, не то безразличием. Глупостью? А был ли Джордж на самом деле так глуп? Как всегда, ответ зависел от того, что понимать под этим словом.

Размышления Аллейна были прерваны появлением самого Джорджа, судя по всему, плотно отобедавшего и недовольного неожиданным вторжением. Держался он очень агрессивно.

— Должен сказать, Аллейн, что человек имеет право на то, чтобы его оставили в покое, по крайней мере в обеденные часы.

— Прошу прощения, — извинился Аллейн, — но я полагал, что вы уже закончили. Или вы курите между сменами блюд?

Лакландер со злостью швырнул сигарету в камин.

— Я не был голоден! — заявил он.

— Тогда я рад, что не испортил вам обеда.

— К чему вы клоните, Аллейн? Мне очень не нравится ваш тон! Что вам нужно?

— Мне нужна правда. Мне нужна правда о том, чем вы занимались вчера вечером. Правда о том, что вы делали в Хаммер-Фарм. Правда о содержании седьмой главы мемуаров вашего отца, хотя, полагаю, она мне уже известна. Убит человек. Я — полицейский, и мне нужны факты!

— Все, что вы сказали, не имеет никакого отношения к смерти Картаретта, — заявил Лакландер и провел языком по губам.

— Ваш отказ от объяснений меня в этом не убеждает.

— А кто сказал, что отказываюсь?

— Отлично! — со вздохом произнес Аллейн. — Перейду сразу к делу. Вечером вы взломали ящик письменного стола полковника Картаретта, чтобы найти экземпляр седьмой главы?

— Да как вы смеете оскорблять меня?!

— Вы отрицаете, что взломали ящик?

Лакландер судорожно вздохнул и беспомощно развел руками. После чего с вызовом ответил:

— Естественно, я не занимаюсь ничем подобным. Но в данном случае я выполнил просьбу членов семьи. Ключи не нашли, а нужно было много сделать — обзвонить родственников, оповестить знакомых и все такое. Вдова даже не знала, как зовут его адвокатов! И мы думали, что записная книжка находится в ящике.

— В запертом ящике? Записная книжка?

— Да.

— Она там оказалась?

Он смутился и ответил:

— Нет.

— И вы этим занимались до нашего приезда?

— Да.

— По просьбе миссис Картаретт?

— Да.

— А мисс Картаретт? Она принимала участие в поисках?

— Нет.

— А в ящике было что-нибудь?

— Нет! — с вызовом ответил Джордж. — Там ничего не было!

Он ступешевался и как-то обмяк.

— А я утверждаю, что вы взломали ящик не по просьбе миссис Картаретт. Более того, вы сами на этом настояли, поскольку во что бы то ни стало пытались разыскать измененный вариант седьмой главы. И я утверждаю, что вы использовали сложившиеся с миссис Картаретт отношения, чтобы принудить ее к этому.

— Нет! И вы, черт возьми, не имеете права...

— Полагаю, что вам отлично известно, что ваш отец написал в измененном варианте седьмой главы, которая, по сути, является признанием. Там он, во-первых, берет на себя ответственность за доведение молодого Людовика Финна до самоубийства и, во-вторых, признается в предательском сговоре с немецким правительством против своего собственного. В случае публикации эта глава покрыла бы имя вашего отца бесчестьем, и чтобы этого не допустить, вы были готовы на самые крайние меры, на которые, собственно, и пошли. Вы невероятно тщеславны и крайне болезненно и даже фанатично оберегаете все, что связано с честью семьи. И что вы на это скажете?

У Джорджа задрожали руки. Он посмотрел на них и сунул в карманы, будто исправляя невольный промах в этикете. И вдруг разразился резким, скрипучим смехом, переходившим в какие-то клокочущие звуки при вдохах.

— Что за чушь! — прохрипел он, для убедительности складываясь пополам, будто никак не мог остановиться от приступов душившего его смеха. — Нет, правда, это уже слишком!

— А что вас так рассмешило? — с невозмутимым видом поинтересовался Аллейн.

Джордж покачал головой и вытер глаза.

— Извините, — задыхаясь, произнес он. — Понимаю, что веду себя странно, но никак не могу сдержаться. — Аллейн заметил, как сквозь полуприкрытые веки Джордж бросил на него настороженный взгляд. — Вы же не думаете, что я?.. — Не закончив вопроса, он махнул покрытой веснушками рукой.

— Что вы убили полковника Картаретта? Вы это хотели спросить?

— Что за мысль! То есть как я мог это сделать? Когда? И чем?

Аллейн смотрел на спектакль, разыгранный Джорджем, с чувством брезгливости.

— Я понимаю, что смеяться некрасиво, — не унимался тот, — но представить такое! Как? Когда? Чем?

И в голове Аллейна невольно пронеслись латинские выражения: «Quomodo? Quando? Quibus auxiliis?»

— Его убили, — ответил он, — двумя ударами, которые нанесли вчера примерно в пять минут девятого вечера. Убийца стоял в старом ящике. Что же касается «каким образом», то...

Он заставил себя взглянуть на Джорджа Лакландера, на лице которого по-прежнему застыла маска притворного веселья.

— ...череп пробили тростью-сиденьем вашей матушки, а сначала оглушили, — он заметил, как Джордж непроизвольно сжимает и разжимает свои веснушчатые пальцы, — клюшкой для гольфа.

В это время раздался телефонный звонок — это доктор Кэртис разыскивал Аллейна.

Он взял трубку, когда дверь в кабинет открылась, и в дверях показались леди Лакландер и Марк. Они подошли к Джорджу, и все трое молча ждали, когда детектив освободится.

— Нас не подслушают? — спросил Кэртис.

— Нет, все в порядке, — беззаботно ответил Аллейн. — Боюсь только, что не смогу вам помочь, но вы можете потихоньку продолжать начатое.

— Вы, насколько я понимаю, сейчас у Лакландеров? — тихо поинтересовался Кэртис.

— Так и есть.

— Хорошо. Я звоню насчет чешуек. Ни на предметах, ни на одежде обнаружить чешуйки разных рыб не удалось.

— Нет?

— Нет. Только на тряпке. Той, что вытирают кисти.

— Оба типа?

— Да. И еще на сиденье в ящике.

— Вот как?

— Да. Мне продолжать?

— Обязательно!

Кэртис вернулся к работе, а Аллейн и Лакландеры смотрели друг на друга.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Между Хаммер-Фарм и Нанспардоном

1

Закончив свои дела в Суивнингсе, сестра Кеттл решила сначала заехать в Хаммер-Фарм к дочке садовника, у которой был абсцесс, а уже потом вернуться в Чайнинг. Сестре Кеттл не хотелось тревожить хозяев, которых постигло такое несчастье, и она решила, что незаметно пройдет боковой дорожкой прямо к дому садовника. К тому же она рассчитывала, что удастся немного посплетничать с женой садовника и выяснить не только подробности похорон, но и чем занималась полиция, как переносили горе вдова и дочь и как местные жители относились к скорому браку между мисс Роуз и доктором Марком. Ей также хотелось узнать, ходили ли какие-нибудь разговоры о миссис Картаретт и сэре Джордже Лакландере, правда, из уважения к Лакландерам она сразу дала себе обещание немедленно пресечь любые сплетни на этот счет, если только их услышит.

Последняя встреча с капитаном Сайсом ее расстроила. Застав его в таком неприглядном виде среди бела дня, она испытала горькое и неожиданное разочарование. Наверное, именно этим объяснялась та непростительная резкость, с которой она позволила себе с ним разговаривать, однако, поразмышляв, она пришла к выводу, что причиной было ее искреннее беспокойство. Потому что она действительно очень за него переживала. Конечно, она отлично понимала, что капитан только притворился больным и симитировал приступ люмбаго, а на самом деле ему просто хотелось, чтобы она к нему заезжала. Однако — чего греха таить! — этот обман ей не только не был неприятен, но, напротив, от него на душе становилось тепло. Однако у старшего инспектора Аллейна отношение к обману было совершенно другим, и это ее даже пугало. Что ж, подумала она, поворачивая к Хаммер-Фарм, в ее возрасте не пристало волноваться из-за таких пустяков. С присущим ей пиететом в отношении знати она отнесла Красавчика Аллейна, как его именовали в вечерних газетах, к тем «достойным» людям, к которым причисляла Лакландеров в отличие от таких, как она сама, Фокс, или Олифант, или даже Китти Картаретт. При мысли о ней сестра Кеттл, поджав пухлые губы, вспомнила, как неловко капитан Сайс пытался утаить довольно-таки экзотическую акварель с Китти Картаретт. Несмотря на все попытки

сестры Кеттл выбросить это воспоминание из головы, оно возвращалось к ней с постоянством, достойным лучшего применения.

Она вылезла из машины и, прихватив сумку, стала обходить особняк, направляясь к домику садовника. Она глядела прямо перед собой и вздрогнула, когда неожиданно ее окликнули по имени.

— Эй, привет! Сестра Кеттл!

На террасе сидела Китти Картаретт, а перед ней стоял столик с накрытым чаем.

— Не желаете присоединиться? — позвала она.

Сестре Кеттл ужасно хотелось выпить чашечку, а главное, поквитаться с Китти Картаретт. Она приняла приглашение и под села к столику.

— Наливайте сами и угощайтесь, — предложила Китти.

У нее был измученный вид, скрыть который не помогал даже толстый слой косметики. Сестра Кеттл коротко поинтересовалась, удалось ли Китти поспать.

— О да! — подтвердила та. — Наглоталась снотворного, но после него всегда не по себе, верно?

— Еще бы! С ним надо обращаться крайне осторожно, дорогая.

— Чего уж теперь! — раздраженно воскликнула Китти и прикурила новую сигарету от старой. Ее пальцы дрожали. Она обожглась и невольно чертыхнулась.

— Постарайтесь успокоиться! — В сестре Кеттл взял верх профессиональный долг. — Не нужно нервничать! — Решив, что Китти надо помочь выговориться, она поинтересовалась: — А как прошел ваш день?

— Как прошел? Даже не знаю, что и ответить. Утром пришлось зайти к Лакландерам. Видно, за свои грехи.

Этот ответ глубоко задел сестру Кеттл по двум причинам. Во-первых, Китти всегда отзывалась о них будто о простых лавочниках, а во-вторых, она давала понять, что те были занудами.

— В Нанспардон? — Сестра Кеттл попыталась исправить положение. — Какой чудесный старинный дом! Настоящий музей! — воскликнула она и отпила из чашки.

— Дом действительно неплох, — нехотя согласилась Китти.

Неприкрытое неуважение к Лакландерам разозлило сестру Кеттл не на шутку. Она пожалела, что согласилась выпить чаю с Китти, и,

положив на тарелку взятый сэндвич с огурцом, поставила свою чашку на блюдце.

— Может, вам больше нравится усадьба капитана Сайса?

Китти взглянула на нее и после долгой паузы равнодушно переспросила:

— Сайса? Что вы хотите этим сказать?

— Я подумала, что компания капитана вам больше по вкусу, чем общество Лакландеров.

— Джеффа Сайса? — рассмеялась Китти. — Этого старого выпивохи? Побойтесь Бога!

Сестра Кеттл залилась краской.

— Если капитан и не такой, как был раньше, то еще вопрос, чья в этом вина.

— Полагаю, что его, чья же еще? — все так же равнодушно отозвалась Китти.

— А вот мой опыт подсказывает — *cherchez la femme*, — осторожно заметила сестра Кеттл.

— Что?

— Если приличный мужчина начинает пить в одиночку, то обычно это происходит от того, что его бросила женщина.

Китти посмотрела на гостью с проснувшимся интересом и задумалась.

— Уж не хотите ли вы сказать, что этой женщиной была я?

— Я ничего не хочу сказать. Но вы, кажется, познакомились с ним еще на Востоке? — поинтересовалась сестра Кеттл с таким видом, будто просто поддерживала светскую беседу.

— Верно, — с оттенком презрения отозвалась Китти. — Мы действительно были знакомы. А это он вам сказал? Скажите — что он вам рассказывал? — Неожиданно в ее голосе послышались нотки тревоги.

— Ничего такого, чего следует стыдиться. Капитан — настоящий джентльмен!

— Как можно быть такой наивной?! — воскликнула Китти.

— О чем вы?

— Уж мне ли не знать этих джентльменов! Я их повидала на своем веку! И вот что я вам скажу — чем выше их положение в

обществе, тем меньше в них порядочности, — с чувством заявила Китти. — Посмотрите хотя бы на Джорджа Лакландера.

— Скажите, он вас любил? — не выдержала сестра Кеттл.

— Кто? Лакландер?

— Нет! — с трудом сглотнув слюну, поправила сестра Кеттл, стараясь сохранять достоинство. — Я говорила о капитане.

— Вы рассуждаете как ребенок! Какая любовь?

— И все же?

— Послушайте, вы же ничего не знаете! И ничего не понимаете! Абсолютно ничего!

— Как это — ничего? Если вы считаете, что медицинское образование...

— Верно, с этой точки зрения вы правы. Но с моей точки зрения, уж поверьте, в этом вопросе вы совсем не разбираетесь.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите, — растерялась сестра Кеттл.

— Еще бы!

— Капитан... — начала сестра Кеттл и замолчала, а Китти изумленно на нее посмотрела.

— Неужели? — ахнула Китти. — Только не говорите мне, что вы и Джефф Сайс... Это же надо!

Слова, фразы и даже пространные речи вдруг хлынули из уст сестры Кеттл как из рога изобилия. Ее задели в самых лучших чувствах, и ответная реакция оказалась весьма бурной. Она даже сама не понимала, что именно говорит. Каждое слово произносилось в защиту чего-то, что не поддавалось осознанию даже ею самой. Вполне возможно, что сестра Кеттл, уязвленная в своем чувстве к капитану Сайсу — что в более спокойной обстановке она бы сама расценила как «неподобающее» поведение, — почувствовала в презрении Китти угрозу своей незыблемой вере в непогрешимость высшего сословия. Сестра Кеттл ощутила в самом существовании Китти — этой накрашенной и многоопытной выскочки — болезненное посягательство на ту сословную иерархию, которая представлялась ей верхом совершенства.

— ...поэтому вы не имеете никакого права вести себя подобным образом! — донеслись до сестры Кеттл ее собственные слова. — Мне совершенно не важно, что между вами было! И мне все равно, как он

относился к вам в Сингапуре или где там еще! Это — его дело! Меня это не касается!

Китти выслушала эту тираду совершенно спокойно и с выражением скуки на лице. Казалось, она даже не слушает ее и просто ждет, когда сестра Кеттл наконец выговорится. Когда та, задыхаясь, замолчала, Китти повернулась к ней и рассеянно на нее посмотрела.

— Я не понимаю, чего вы так разволновались, — сказала она. — Он что — собирается на вас жениться?

Сестра Кеттл чувствовала себя ужасно.

— Мне жаль, что я столько наговорила всякого, — пробормотала она. — Я лучше пойду.

— Наверное, ему понравится, что за ним будут ухаживать. И нечего так смущаться! Подумаешь, даже если мы и были с ним дружны в Сингапуре, что с того? Не теряйтесь! Породнитесь с аристократом и, надеюсь, не разочаруетесь.

— Не говорите о них так! — вскричала сестра Кеттл. — Вы же ничего о них не знаете! Ничего! А они — настоящая соль земли!

— Правда? — Китти отодвинула поднос с чашками в сторону, будто тот мешал ей добраться до сестры Кеттл. — Послушайте! — продолжала она, вцепившись в столик и подавшись вперед. — Я пригласила вас выпить со мной чаю, потому что мне нужно было с кем-то поговорить, и я считала, что в вас есть что-то человеческое. Я не думала, что найду в вас такую ярую защитницу этих ископаемых! Господи Боже! Меня от вас тошнит! Что у них есть такого, кроме денег и спеси, чего нет у вас?

— Много чего! — решительно заявила сестра Кеттл.

— Черта с два! Нет, послушайте! Да, я жила в Сингапуре с вашим обожателем! Он оказался ужасным занудой, но у меня в то время были свои проблемы, так что это устраивало нас обоих. Ладно! А потом он познакомил меня с Морисом и поступил так, как они все поступают. «Смотри, какой отличный парень!» — и уплыл на большом корабле. А когда вернулся и узнал, что теперь я стала миссис Картаретт и живу по соседству, то впал в транс. Конечно, ему было совершенно на меня наплевать, но мог он хотя бы чуть-чуть поддержать меня по старой дружбе и помочь ужиться с этими пережитками прошлого? Так нет! Он сторонится меня как зачумленной и начинает пить. Правда, он и раньше этого не чурался.

Сестра Кеттл встала, чтобы уйти, но Китти остановила ее повелительным жестом.

— Оставайтесь и дослушайте! И вот я здесь, замужем — даже не знаю, как лучше выразиться, — за приличным, как принято говорить, человеком. Слишком для меня «приличным». У нас бы никогда ничего не вышло в Сингапуре, если бы он так не тосковал по Роуз и не чувствовал себя одиноким. Он себе места не находил без нее. Но с женщинами он был сущим ребенком и вел себя как обожающая мать, а не опытный мужчина. Даже смешно! Он не был моим долгожданным принцем, но делать было нечего, и к тому же у людей его круга был передо мной должок.

— О Господи, как же так можно! — горестно воскликнула сестра Кеттл.

— И что же из этого вышло? Мы поженились, приехали сюда, и он начал писать какую-то ужасную книгу и ни на секунду не расставался с Роуз. И еще эти визиты местного бомонда. О да, к нам приходили, но при этом все говорили между собой на одном языке, а со мной — на другом. Старый Окки Финн — безумный и вечно грязный. Толстуха из Нанспардона, которая, едва увидев меня, тут же стала такой подчеркнута вежливой, что зубы ныли. Роуз, которая так старалась быть любезной, что удивительно, как не заболела. Священник с женой и полдюжины женщин с лицами, похожими, как ослиные задницы, и одетые в какие-то шерстяные мешки и бесформенные шляпы. Господи, да что в них есть? Веселиться не умеют, шутить не умеют, ничего не делают и выглядят как обломки «Вечерней звезды»[23] после крушения. Да это не жизнь, а смерть заживо! Вытирали об меня ноги и еще считают себя благодетелями!

— Вы не понимаете, — начала сестра Кеттл, но договаривать не стала.

Китти сжала пальцы левой руки в кулачок и стала яростно втирать его в ладонь правой. Этот чисто мужской жест никак не вязался с ее наманикюренными ногтями.

— Перестаньте! — воскликнула сестра Кеттл. — Прекратите немедленно!

— Ни один из них — слышите, ни один! — не обращался со мной по-человечески!

— А как же тогда сэр Джордж?! — не выдержала сестра Кеттл, позабыв от возмущения о всяком такте.

— Джордж! Джорджу было нужно то же, что и всем остальным, а чуть запахло жареным — он сразу пошел на попятную! Джордж! Этот какой-то там по счету баронет — самый обычный трус! Он, видите ли, обязан считаться с общественным мнением! — передразнила его Китти. — Он сам так и сказал! Если бы вы знали о Джордже то, что известно мне... — Ее лицо вдруг исказилось, а взгляд стал пустым. — Все пошло не так. Я просто невезучая.

В голове сестры Кеттл все смешалось, и мысли путались, как заросли водорослей на дне океана. Она сама не понимала, что происходит. Казалось, что ужасные откровения сдерживает только тоненькая пленка, обволакивавшая ее сознание. Она хотела уйти от Китти Картаретт, чтобы та не разрушила до конца ее невинные идеалы, но, оказавшись в плену приличий, не находила повода удалиться. Китти продолжала свою обличительную речь, но сестра Кеттл больше ее не слушала и уловила только заключительную фразу.

— Они сами виноваты! Думайте что хотите, но во всем, что случилось, виноваты только они сами!

— Нет-нет! — воскликнула сестра Кеттл, взмахнув своими короткими ручками. — Как можно говорить такое! Вы меня пугаете! О чем вы?

2

— Что вы хотите этим сказать? — требовательно произнес Джордж Лакландер, когда Аллейн повесил трубку. — С кем вы разговаривали? И что имели в виду, когда сказали мне, — он обернулся и посмотрел на мать и сына, — про «орудие»?

— Джордж, я не знаю, о чем вы разговаривали с мистером Аллейном, — вмешалась леди Лакландер, — но уверена, что тебе лучше помолчать.

— Я посылаю за адвокатом!

Она оперлась на край стола и с трудом опустилась в кресло. Складки жира у нее под подбородком слегка задрожали.

— Итак, Рори, что все это значит? И что вы хотите сказать?

Чуть поколебавшись, Аллейн ответил:

— Я хочу сказать, что сейчас мне нужно поговорить с вашим сыном наедине.

— Нет!

— Может, так действительно будет лучше, бабушка? — растерянно обратился к ней Марк.

— Нет! — Наставив толстый палец на Аллейна, леди Лакландер требовательно спросила:

— Что вы уже сказали и собирались сказать Джорджу?

— Я сказал ему, что полковника Картаретта оглушили ударом клюшки для гольфа. А теперь еще сообщу вам всем, раз вы не намерены уходить, что смертельный удар был нанесен тростью-сиденьем, которое принадлежит вам, леди Лакландер. О вашу тряпку для вытирания кистей убийца вытер с рук чешуйки обеих форелей. Первый удар был нанесен из ялика. Преступник, чтобы его не было видно со стороны холма, сел в ялик и, перебирая веревку, как наверняка вы сами не раз делали, когда рисовали с воды, оказался на быстрине. Течением его вынесло в маленькую заводь и прибило к берегу, где находится ивовая роща. Убийца стоял в ялике и сбивал клюшкой для гольфа головки ромашек, росших вдоль берега. Убийца был так хорошо знаком полковнику, что тот не обратил на него внимания, может, сказал что-нибудь о своем улове и продолжил срезать траву для пойманной форели. Наверное, последним, что он увидел в жизни, было движение клюшки, которой его ударили в висок. Мы считаем, что убийца специально вернулся с тростью-сиденьем и, приставив острие опорного стержня к виску полковника, опустился на сиденье точно так же, как и вы, леди, сегодня утром на лужайке перед домом. Что вы сказали? Ничего? Чудовищная картина, верно? Мы считаем, что, поднимаясь и вытаскивая опорный стержень, убийца в буквальном смысле оступился. Споткнулся. Чтобы вытащить из виска трость, надо приложить немалое усилие. Преступник сделал шаг назад и наступил каблуком на пойманную форель. Рыба наверняка бы соскользнула, но зацепилась за острый камень, и каблук только придавил ее. Кусочек кожи оторвался, а на рыбе отпечатался след каблука. Ботинка для гольфа с шипами.

— Это все сплошные домыслы! — изменившимся голосом произнес сэр Лакландер.

— Нет, уверяю вас, что это никакие не домыслы, — возразил Аллейн и перевел взгляд на леди Лакландер: — Мне продолжать?

Леди Лакландер, неловко трогая броши, укравшие, как обычно, ее необъятную грудь, ответила:

— Да. Продолжайте.

Марк, не сводивший с отца глаз, пока Аллейн говорил, поддержал бабушку:

— Конечно, продолжайте. Как же иначе?

— Хорошо! Теперь убийца видит улику, по которой его можно опознать. На коже рыбы ясно отпечатался след каблука с шипами. Выбросить рыбу в реку или заросли ивы и скрыться — проблемы не решит. У полковника руки пахнут рыбой, а вокруг лежит срезанная трава. Убийца понимает, что кто-то мог видеть, как полковник вытаскивал форель. Конечно, все это не важно, если убийцу никто не станет подозревать. Но в насильственных преступлениях виновный часто паникует и излишне перестраховывается, что и приводит к его поимке. Думаю, что пока убийца стоял, лихорадочно соображая, как быть, он вдруг вспомнил о Старушке, которую видел на Нижнем мосту. А разве полковник постоянно и шумно не ссорился с Данберри-Финном — и в тот самый день тоже! — по поводу этой чудо-рыбы? Почему бы не заменить улов полковника плодом браконьерства мистера Финна, причем отвлекающим маневром будет служить не что-нибудь, а огромная и чудесная рыба. Разве это не привлечет внимание к известному недругу, оставив врага тайного в тени? Тут снова пригодился ялик. Форель полковника была благополучно заменена Старушкой, и судьба в лице Томазины Твитчетт пришла убийце на помощь.

— Бога ради! — закричал Джордж Лакландер. — Перестаньте пороть... — Он едва не закончил предложение, но, сдержавшись, пробормотал что-то невнятное.

— О ком вы говорите, Рори? — спросила леди Лакландер. — Что это за особа?

— Это кошка мистера Финна. Помните, миссис Картаретт говорила нам, что встретила кошку с недоеденной рыбой? Мы нашли ее остатки. У нее вырван треугольный кусок кожи, который точно совпадает с лоскутом, найденным на месте преступления. Мало того, по вмешательству провидения или Немезиды, но кошка не стала доедать рыбу, и там сохранился четкий след от каблука с шипами и рубец от острия трости.

— Но может ли это... — начал Марк. — Я имею в виду, когда вы говорите о соответствии...

— Смею вас заверить, — ответил Аллейн, — что наши выводы основаны на научных данных, не подлежащих сомнению. Сейчас я просто излагаю события в той последовательности, в которой они происходили. Форель полковника была дарована кошке. Тряпкой для кистей леди Лакландер убийца вытер руки и острие опорного стержня. Если помните, доктор Лакландер, ваша бабушка сказала, что аккуратно собрала все вещи, а вы, напротив, заявили, что тряпка висела на кустах шиповника.

— Другими словами, — невозмутимо осведомился Марк, — вы считаете, что убийство произошло от без десяти восемь, когда бабушка отправилась домой, до четверти девятого, когда домой пошел я. — Подумав, он добавил: — Думаю, что это возможно. Убийца мог меня услышать или увидеть, швырнуть в панике тряпку в кусты и, спрятавшись, дожидаться, пока я соберу вещи и уйду.

— Ужасное предположение! Даже подумать страшно! — воскликнула леди Лакландер, помолчав.

— Осмелюсь напомнить, что и само преступление чудовищно, — сухо заметил Аллейн.

— Вы говорили о научных доказательствах, — напомнил Марк.

Аллейн рассказал об индивидуальных особенностях чешуи каждой рыбы.

— Все это есть в книге полковника Картаретта, — добавил он, взглянув на Джорджа. — Вы, наверное, запомнили.

— Вообще-то я... хм... не помню, чтобы читал эту книжицу Мориса.

— Мне она показалась не только занимательной, но и познавательной, — сказал Аллейн. — В отношении чешуек полковник был абсолютно прав. Он писал, что по чешуйкам форели знающий человек может прочесть всю ее жизнь. Чешуйки двух форелей будут одинаковыми, только если те проживут совершенно одинаковую жизнь. По счастью, наши образцы чешуек были непохожими. Первый относился к группе А, то есть чешуе девяти- или десятилетней рыбы, которая прожила всю жизнь в одном месте. Другая же относится к группе В, которая медленно росла на протяжении четырех лет, а потом сменила среду обитания, возможно, стала выходить в море, потом

резко подросла и, судя по всему, появилась в Чайне совсем недавно. Вы понимаете, конечно, что это означает?

— Будь я проклят, если понимаю, — признался Джордж.

— Ну как же? Нам известно со слов свидетелей или их самих, что к рыбе прикасались мистер Финн, миссис Картаретт и сам полковник. Мистер Финн поймал Старушку, миссис Картаретт рассказывала, что пыталась отнять форель у Томазины Твитчетт. Полковник выловил свою форель и не прикасался к Старушке. Поскольку на тряпке для кистей обнаружены чешуйки обеих рыб, мы считаем, что убийца держал их в руках. Наличие микроскопических следов крови на острие опорного стержня говорит о том, что сначала его воткнули в землю, а потом вытерли тряпкой. Получается, что если на одежде любого из вас будут обнаружены чешуйки обеих рыб, то он и будет являться убийцей полковника. Так мы считали.

— Вы сказали «считали»? — моментально отреагировал Марк, и Фокс, разглядывавший шутовскую викторианскую гравюру с охотничьей сценкой, перевел взгляд на шефа.

— Да, — подтвердил Аллейн. — Я только что разговаривал по телефону с одним из наших сотрудников, который занимается вскрытием. Это он предоставил экспертные заключения относительно чешуек. И он сообщил, что ни на одном образце одежды, которая была ему предоставлена для осмотра, чешуек разных рыб не обнаружено.

Лицо Джорджа Лакландера приобрело обычный багровый оттенок.

— Я же говорил с самого начала, что это дело рук какого-то бродяги! — заявил он. — Тогда какого черта вы... — он замялся, подыскивая приличное слово, — заставили нас все это выслушивать? — Увидев, что Аллейн поднял руку, он снова вскипел: — Ну? Что еще опять? Какого черта? Прошу прощения, мама.

— Не глупи, Джордж, — машинально произнесла леди Лакландер.

— Я скажу вам, что именно обнаружил патологоанатом. Он нашел чешуйки там, где мы и рассчитывали их найти: на руках и манжетах полковника, на куртке и бриджах мистера Финна и — как нас и предупреждала миссис Картаретт — на ее юбке. В первом случае это чешуйки группы В, а в двух других — группы А. Вы хотели что-то

сказать? — спросил он у Марка, который сделал движение, но остановился.

— Ничего, — ответил тот. — Я... нет, продолжайте.

— Я почти закончил. Я уже говорил, что первый удар был нанесен клюшкой для гольфа. Скажу вам сразу, что никаких следов крови на клюшках не обнаружено. С другой стороны, они были тщательно вымыты.

— Естественно! — подтвердил Джордж. — Этим занимается мой слуга.

— А вот с обувью дела обстоят несколько иначе, — продолжил Аллейн. — Она тоже тщательно вымыта и вычищена, но в отношении ботинок для гольфа есть одна особенность. Эксперт не сомневается, что рубец на форели полковника оставлен шипом на каблуке правой туфли.

— Это грязная ложь! — взревел Джордж. — Кого вы обвиняете? Что это за ботинок?

— Он ручной работы, четвертого размера. Сшит, думаю, лет десять назад. Одним старым искусником из Бэрлингтонского пассажа, который брал безумные деньги за свою работу. Это ваши ботинки, леди Лакландер.

Ее лицо было слишком полным, чтобы выражать какие-то чувства, но она сильно побледнела. Устремив на Аллейна долгий задумчивый взгляд, она произнесла, не двигаясь:

— Джордж, пора рассказать правду.

— Я надеялся, что вы придете к такому выводу, — сказал Аллейн.

3

— О чем вы? — снова повторила сестра Кеттл и, видя выражение лица Китти, закричала: — Не надо! Молчите!

Но Китти это не остановило.

— В их мире каждый сам за себя. Впрочем, как и везде. Если Джордж Лакландер считает, что я позволю относиться к себе как к бессловесной обезьянке, то он сильно заблуждается. Тоже мне — фамильная честь! Как бы не так! Знаете, что он попросил меня сделать? Взломать ящик письменного стола мужа, потому что Мори собирался опубликовать кое-что о старом Лакландере и Джордж хотел это забрать. А когда там ничего не оказалось, он просит меня пойти и

узнать, не было ли рукописи на теле! Нет! А когда я отказалась, знаете, что он сказал?

— Не знаю! И знать не хочу!

— А я все-таки скажу! Послушайте и судите сами! И это после всех ухаживаний! Учил меня движениям... — Она поперхнулась и, с недоумением взглянув на сестру Кеттл, добавила: — В гольфе! И что в результате? Сегодня утром, провожая меня до машины, он вдруг заявляет, что нам не следует больше встречаться! — И Китти разразилась потоком таких эпитетов в его адрес, которые сестра Кеттл всегда считала нецензурными. — Вот вам и Джордж Лакландер!

— Вы дурная женщина! — заявила сестра Кеттл. — И я не позволю о нем так говорить! Сэр Джордж, может, и наглупил от страсти, но мы все не без греха, а он вдовец, и я всегда говорила, что в жизни каждого мужчины наступает некий сложный период, но это так, к слову. Я хочу сказать, что он проявил слабость, а вы этим воспользовались! — Сестре Кеттл удалось наконец оседлать любимого конька. — Вы заманили в свои сети полковника, но этого вам показалось мало и решили еще расставить силки на бедного сэра Джорджа. Вы не думаете о тех, кому разбиваете сердца, и какое несчастье приносите другим! Я знаю вашу породу! Отлично знаю! От таких, как вы, все беды! И я не удивлюсь, если узнаю, что это вы виновны в трагедии. Не удивлюсь ни капельки!

— Что, черт возьми, вы хотите этим сказать? — прошептала Китти. Она откинулась на спинку кресла и, не сводя глаз с сестры Кеттл, продолжила: — Носитесь тут со своим сэром Джорджем! А знаете, что я о нем думаю? Я думаю, что это он убил вашего бедного полковника, мисс Кеттл.

Сестра Кеттл вскочила как ужаленная, опрокидывая на столик тяжелый стул из кованого железа. Чашки жалобно звякнули, а молочник не удержался и упал на колени Китти Картаретт.

— Да как вы смеете! — закричала сестра Кеттл. — Как вам не стыдно!

Услышав в своем голосе истерические нотки, она вдруг вспомнила, что обещала себе никогда не повышать голоса. И хотя ей было легче перекричать паровоз, чем успокоиться, она все же сумела взять себя в руки и заговорила ровным голосом. Слова вдруг сделались самыми простыми, и Китти выслушивала, нервно косясь в сторону.

— Я бы посоветовала вам выбирать выражения. Подобные заявления чреватые большими проблемами. Убил полковника! — Сестра Кеттл натянуто засмеялась, но голос предательски дрогнул. — Да как у вас язык повернулся! Это было бы просто смешно, не будь так ужасно! И чем, позвольте вас спросить? И как?

Китти тоже поднялась, и молоко с испорченной юбки закапало на пол. Она была вне себя от ярости.

— Как? — заикаясь повторила она. — Я скажу вам как и скажу чем. Ключкой для гольфа и тростью своей матери! Вот чем! Будто это был мяч для гольфа. Лысый и блестящий. Легко попасть. Или яйцо. Легко...

Китти вдруг шумно втянула воздух. Ее взгляд остекленел, но направлен был не на сестру Кеттл, а куда-то ей за спину. Лицо исказила гримаса ужаса, а глаза были прикованы к дорожке в саду.

Сестра Кеттл обернулась.

Солнце клонилось к закату, и мужчины, показавшиеся из рощи, отбрасывали длинные тени, почти доходившие до дома. Китти и Аллейн встретились взглядом, и детектив вышел вперед. В правой руке он держал пару старомодных маленьких башмачков с шипами на каблуках.

— Миссис Картаретт, — произнес Аллейн, — я прошу вас ответить, не одалживал ли вам сэр Джордж Лакландер эту пару обуви своей матери для игры в гольф? Прежде чем вы ответите, я должен предупредить вас...

Сестра Кеттл не слышала, как он зачитывал права. Она смотрела на лицо Китти и видела на нем все признаки вины. Однако за мгновение до этого ее возмущение куда-то улетучилось и уступило место профессиональной и, увы, совершенно напрасной жалости.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Эпилог

1

— Джордж, — обратилась к сыну леди Лакландер, — нам необходимо расставить все точки над *i*. И не нужно ничего скрывать от Марка или, — она показала пухлой ручкой на одиноко устроившуюся в дальнем углу фигуру, — Октавиуса. Все равно рано или поздно все

выйдет наружу. Так что лучше сначала внести ясность между собой. Хватит всяких недомолвок и умолчаний.

Джордж поднял глаза и пробормотал:

— Хорошо, мама.

— Я видела, конечно, — продолжила она, — что ты приударил за этой несчастной. Я опасалась, что у тебя достанет глупости рассказать ей о мемуарах отца и этой злосчастной седьмой главе. А теперь я должна знать, могла ли твоя интрижка подтолкнуть ее к совершению этого преступления?

— Боже милостивый! — воскликнул Джордж. — Я не знаю!

— Она надеялась выйти за тебя замуж, Джордж? Ты говорил ей что-нибудь типа: «Если бы ты только была свободна»?

— Да, — признался Джордж. — Говорил. — Он жалобно посмотрел на мать и добавил: — Но она же не была! Так что это было не важно.

Леди Лакландер, по обыкновению, хмыкнула, но не так выразительно, как обычно.

— А мемуары? Что ты ей о них говорил?

— Я только сказал насчет седьмой главы. Попросил, чтобы она нас поддержала, если Морис решит с ней посоветоваться. А когда из этого ничего не вышло, я сказал... что если он опубликует, то отношения между нашими семьями испортятся, и тогда... ну... в общем, мы не сможем...

— Все понятно. Продолжай.

— Она знала, что он забрал с собой копию седьмой главы, когда уходил. Сама сказала мне об этом. Потом, уже сегодня утром. Сказала, что не могла спросить у полиции, но точно знала, что он ее забирал.

Леди Лакландер пошевелилась, а мистер Финн кашлянул.

— Что, Окки? — спросила она.

Мистер Финн, которого пригласили по телефону, держался необычно смирно.

— Моя дорогая леди, я могу только повторить свои слова. Если бы вы доверились мне, как, кстати, поступил Картаретт, то ни у вас, ни у других членов вашей семьи не было бы никаких оснований для беспокойства по поводу седьмой главы.

— Ты повел себя очень благородно, Окки.

— Нет-нет, — возразил он, — при чем здесь это?

— Не спорь! И заставил нас стыдиться! Продолжай, Джордж.

— Я не знаю, что еще сказать. Разве что...

— Ответь мне честно, Джордж. Ты ее подозревал?

Джордж прикрыл глаза рукой и ответил:

— Не знаю, мама. Не сразу. И не вчера. Только сегодня утром. Знаешь, она пришла сама. Марк позвонил Роуз. Я спустился вниз и увидел ее в коридоре. Мне это показалось странным. Как будто она что-то делала тайком.

— Судя по объяснению Рори, она прятала в кладовке мои ботинки, которые ты ей дал без моего разрешения, — хмуро пояснила леди Лакландер.

— Я абсолютно ничего не понимаю, — неожиданно вмешался мистер Финн.

— Конечно, не понимаешь, Окки. — Леди Лакландер рассказала ему о ботинках для гольфа. — Она, конечно, понимала, что должна от них избавиться. Я надеваю их, когда хожу рисовать, и у меня не болит палец, а моя бестолковая горничная упаковала их вместе с другими вещами. Продолжай, Джордж.

— Когда Аллейн ушел, а ты вернулась в дом, я разговаривал с ней. Она была какой-то другой. — Джорджу было явно не по себе. — Какой-то ожесточенной. И почти открыто намекала... Даже не знаю, как лучше выразиться.

— Постарайся говорить понятно. Намекала, что вскоре ждет от тебя предложения руки и сердца?

— Ну... ну...

— А потом?

— Видимо, я растерялся. Не помню, что именно ответил. А затем она — и это было ужасно! — начала намекать, даже не совсем намекать...

— Оставим «намекать» для ясности, — помогла ему леди Лакландер.

— ...что если полицейские найдут седьмую главу, то решат, что я... что мы... что...

— Мы понимаем, Джордж. Что у нас есть мотив для убийства.

— Это было ужасно! Я сказал, что нам, наверное, лучше перестать встречаться. Я вдруг как-то понял, что не смогу. Вот и все, мама. Уверяю тебя, Октавиус.

— Да-да, — согласно кивнули те. — Все понятно, Джордж.

— А когда я это сказал, она вдруг... — Джордж неожиданно вскинул голову, — стала похожа на змею!

— А ты, мой бедный мальчик, — добавила мать, — на пресловутого кролика.

— Боюсь, что не только внешне, но и поведением тоже, — с неожиданной самоиронией отреагировал тот.

— Конечно, ты повел себя скверно, — констатировала мать. — У тебя в голове все смешалось, и все ценности перепутались. Как и у бедного Мориса, только тот зашел еще дальше. Ты позволил этой безнравственной потаскушке вообразить, что, будь она вдовой, ты на ней женишься. С тобой ей было бы даже хуже, чем с бедным Морисом, но — надеюсь, Окки не осудит меня за эти слова — твой титул, состояние и Нанспардон были бы неплохой компенсацией. Хотя, с другой стороны, может, ты ей даже нравился, Джордж. Ты не лишен определенных достоинств, которые женщины находят привлекательными.

Леди Лакландер долго разглядывала своего раздираемого мучениями сына и продолжила:

— Все сводится к одной простой вещи, о которой я на днях говорила Кеттл: мы не можем позволить себе недостойное поведение, Джордж. Мы должны всегда соответствовать той высокой планке, которую для себя установили, и не можем поступаться принципами. Будем надеяться, что Марк и Роуз оправдают наши лучшие надежды. — Она повернулась к мистеру Финну: — Если что хорошего и вышло из всей этой жуткой истории, Окки, так это следующее. Ты перешел Чайн впервые за не знаю сколько лет и нанес визит в Нанспардон. Видит Бог, у нас нет права ни на что рассчитывать, и мы ничем не можем возместить причиненное горе. И даже не будем пытаться. И решить, как быть дальше, можешь только ты, и никто другой!

Она протянула ему руку, и мистер Финн, чуть помедлив, подошел пожать ее.

2

— Понимаете, Олифант, — сказал Аллейн с присущей ему скромностью, — с самого начала расследования отправной точкой было то, что вы все рассказывали о полковнике. Все отмечали его чрезвычайную щепетильность. «Чересчур вежливый и чертовски

учтивый, особенно с теми, кто ему не нравился или с кем разошелся во мнениях», как его охарактеризовал главный констебль. Поскольку у него возник конфликт с Лакландерами, невозможно представить, чтобы он остался сидеть на корточках и продолжал заниматься рыбой, если бы на ялике появился Джордж или его мать. Или тот же Финн, с которым он только что разругался. Потом, как вы с Гриппером справедливо подметили, первый удар был похож на тот, что наносит рабочий в каменоломне, когда хочет отколоть кусок породы на уровне колен, или на нижнюю подачу в теннисе. Было очевидно, что убийца знал особенности встречного течения реки и что приближения ялика не будет видно из-за ивовой рощи. Напомню, что мы нашли в лодке желтую заколку миссис Картаретт и окурки сигарет, в том числе и со следами губной помады.

— Наверное, остались после увеселительной прогулки, — предположил сержант Олифант.

— Думаю, да. Когда меня несло течением в заводь, я увидел головки сбитых ромашек и представил, как в ялике кто-то лениво помахивал клюшкой. Причем человек этот был так хорошо знаком полковнику, что, бросив на него взгляд или обменявшись парой слов, он продолжил резать траву для рыбы. Не исключаю, что по просьбе Джорджа Лакландера она попросила мужа не давать хода новому варианту седьмой главы, а тот отказался. Может, в угаре страсти Джордж сказал, что женился бы на ней, будь она свободна. Наверное, на нее вдруг нахлынула волна горького разочарования и раздражения, ее захлестнули эмоции, и вспышка ярости затмила разум и дала выход столь чудовищной жестокости. Перед ней оказалась лысая голова, похожая на огромный мяч для гольфа, бить по которому клюшкой так любовно учил ослепленный страстью Лакландер. Она лениво сбивает ромашки и вдруг, размахнувшись, наносит мужу удар в висок, и вот он уже лежит, распластавшись, с вмятиной на черепе. И она превращается в убийцу, который пытается не поддаться панике и хочет скрыть улики. Отпечаток клюшки для гольфа на виске был полностью стерт чудовищным трюком с тростью-сиденьем, которое она заметила у подножия холма. При этом она нечаянно наступает на форель полковника и оставляет на ней след от каблука. Схватив рыбу, она начинает думать, куда бы ее зашвырнуть, но тут замечает кошку мистера Финна. Можно представить, с каким нетерпением она ждала,

польстится ли та на форель, и какое испытала облегчение, убедившись, что кошка ее не подвела. Вне всякого сомнения, она слышала обрывки ссоры мужа с мистером Финном, во всяком случае, их громкую ругань. И понимает, что Старушка может направить следствие по ложному пути. Она приносит рыбу и кладет ее возле тела, но нечаянно задевает ею о подол юбки. Потом возвращает трость-сиденье на место, видит аккуратно сложенную тряпку для кистей леди Лакландер и вытирает ею свои перепачканные рыбой руки. Уже собираясь воткнуть трость-сиденье обратно в землю, она с ужасом замечает на острие стержня следы крови и лихорадочно вытирает их той же тряпкой, которая и без того заляпана пятнами краски. Она бы наверняка сложила тряпку и убрала на место, но тут слышит или даже видит приближающегося доктора Лакландера. Поэтому она бросает тряпку и прячется. А когда выходит из укрытия, выясняется, что он забрал с собой все рисовальные принадлежности.

Аллейн помолчал и задумчиво потер переносицу.

— Интересно, — сказал он, — приходило ли ей в голову, что под подозрением может оказаться леди Лакландер. Хотел бы я знать, когда она вспомнила, что была в ее обуви?

Он перевел взгляд с Фокса на Олифанта, а затем на ловившего каждое слово Гриппера.

— Вернувшись домой, она сразу приняла душ и переделась, а твидовую юбку приготовила для химчистки. Тщательно вымыв подошвы, она вычистила ботинки для гольфа. Наверняка каблук волновал ее больше всего. Думаю, она подозревала, что Джордж дал ей ботинки матери без спроса. Сегодня утром мы убедились, что у нее нет своей подходящей для гольфа обуви, а размер ноги у нее намного меньше, чем у падчерицы. Она приехала утром в Нанспардон, никого не предупредив, сама вошла в дом и положила ботинки в кладовку. Наверное, горничная леди Лакландер решила, что хозяйка надевала именно их и поэтому положила их с остальными вещами, хотя на самом деле та из-за подагры была в сапогах покойного сэра Гарольда.

— А когда вы попросили всех предоставить одежду, миссис Картаретт вдруг вспомнила, что ее юбка пропахла рыбой, — сказал Фокс.

— Да. Она положила ее в ящик с другими вещами, приготовленными для химчистки. А потом, сообразив, что юбка все

равно окажется у нас в руках, она вспомнила, что дотрагивалась до нее Старушкой. С невероятной дерзостью и изворотливостью она открыто признается, что юбка пахнет рыбой, и бесстыдно сваливает все на Томазину Твитчетт, что отчасти недалеко от истины. Она солгала лишь в одном: по ее словам, она пыталась отнять рыбу у кошки, а на самом деле сама ее ей скормила. Прочитай она книгу убитого мужа, то знала бы, что кошка никогда не откажется от рыбы, так что вся эта история дурно пахла. И чешуйки оказались от другой рыбы!

— Ужасно, что такое случилось у нас, — неожиданно произнес Олифант. — И что теперь все выплывает наружу. И в каком положении оказался сэр Джордж?

— В самом что ни на есть идиотском! — с неожиданным пылом воскликнул Аллейн. — И по заслугам! Он поступил недостойно, на что его мать наверняка указала ему без обиняков. Мало того, он очень сильно осложнил жизнь своему сыну — кстати сказать, славному парню! — и Роуз Картаретт, которая оказалась на редкость чудесной девушкой. Я бы сказал, что сэр Джордж Лакландер проявил непозволительное малодушие и слабость. По силе характера его даже сравнивать нельзя с Китти Картаретт, урожденной де Вер, которая опаснее африканской гадюки, помощи ей Господи.

— А что, сэр, может, ее... — начал Олифант, но, перехватив взгляд начальника, осекся.

— Дело будет строиться на экспертизе совершенно нового типа. Если ее адвокат окажется толковым и удачливым, ее оправдают. Если нет — посадят пожизненно. — Аллейн перевел взгляд на Фокса: — Ну что, поехали?

Поблагодарив Олифанта и Гриппера за помощь, он вышел к машине.

— Шеф чем-то расстроен, мистер Фокс? — спросил Олифант.

— Не обращайте внимания, — ответил тот. — Он терпеть не может дел, где виновной в убийстве оказывается женщина. Это подрывает его веру в первопричину.

— В «первопричину»? — недоумевающе переспросил Олифант.

— Общество. Цивилизацию. И вообще! — пояснил Фокс. — Ладно, нехорошо заставляя начальника ждать. Счастливо оставаться!

— Милая, милая Роуз, — сказал Марк. — Я знаю, впереди нас ожидают нелегкие времена. Но вместе, любовь моя, мы все преодолеем, я хочу постоянно быть рядом и заботиться о тебе, а когда все закончится, никто не помешает нам любить друг друга еще сильнее. Правда? Ты согласна?

— Да, — ответила Роуз и прильнула к нему. — Так и будет!

— И все будет просто чудесно! Я обещаю! Вот увидишь!

— Пока мы вместе, нам ничего не страшно.

— Верно, — согласился Марк. — Самое главное, это быть вместе.

Странные штуки иногда проделывает с нами память. В голове Марка вдруг возникло лицо полковника с той грустной улыбкой, которая была на его лице в момент расставания при их последней встрече.

Молодые люди вместе уехали в Нанспардон.

4

Сестра Кеттл добралась на первой передаче до вершины холма и там остановилась. Повинуясь внезапному порыву или, возможно, желая убедиться, что все именно так, как ей представляется, она вылезла из автомобиля и бросила взгляд належавшую внизу деревню. Долина медленно погружалась в сумерки. Из высоких зеленых деревьев выглядывали крыши домов, а из труб кое-где вился дымок, рисуя на небе причудливые перья. Удивительно мирный пейзаж напомнил о старой мечте.

— Ну чем не картинка! — вздохнула она, с грустью подумав об иллюстрированной карте. Она вернулась к тихонько урчавшей машине и уже собиралась сесть в нее, как кто-то ее окликнул сдавленным голосом. Сестра Кеттл обернулась и увидела капитана Сайса, который, прихрамывая, спешил в ее сторону. Чем ближе он подходил, тем сильнее оба краснели. Растерявшись, она залезла в машину и выключила двигатель, а потом снова завела его.

— Соберись, Кеттл! — приказала она себе и, выглянув в окно, крикнула неестественно бодрым голосом: — Добрый вечер!

Капитан Сайс подошел к машине и остановился возле открытого окна со стороны водителя. Даже испытывая нешуточное смятение, сестра Кеттл не могла не заметить, что от него больше не пахнет спиртным.

Он неловко засмеялся, но, сообразив, что делает что-то не то, попытался исправиться:

— Послушайте! Господи Боже! Я только что узнал! Представляю, как вам пришлось перенервничать! С вами все в порядке? Не слишком расстроены? Подумать только!

Сестра Кеттл почувствовала огромное облегчение. Она боялась, что капитан Сайс отреагирует на арест Китти Картаретт совсем иначе.

— А как вы сами? — откликнулась она. — Наверное, для вас это настоящий шок?

Он только неопределенно махнул рукой, в которой держал что-то белое.

— Со мной все в порядке. Более-менее, — добавил он, нервно ослабляя воротник. — Если вы уделите мне минутку...

Теперь она разглядела, что в руках у него был рулон бумаги, который он неловко протянул ей.

— Это так, ерунда. Только ничего не говорите!

Она развернула и, взглядевшись в изображение в сгущавшихся сумерках, не смогла сдержать восторга.

— Боже мой! Какая прелесть! Какая прелесть! Моя иллюстрированная карта! Посмотрите! Вот леди Лакландер рисует на Нижнем лугу! И доктор, над головой которого пролетает аист, — ах, вы, проказник! А это я — только меня вы сильно приукрасили!

Она чуть высунулась из машины, чтобы не заслонять картину от сумеречного света, и капитан Сайс, издав какой-то невнятный звук, замер не шевелясь. Сестра Кеттл любовно разглядывала фигурки на рисунке: хозяин гостиницы, священник, другие представители деревенского бомонда. Возле Хаммер-Фарм был нарисован домик садовника с его дочкой, а в саду над цветами грациозно склонилась Роуз. Даже при этом свете было видно, что возле дома в одном месте краска наложена гуще.

«Как будто он что-то стер и потом закрасил», — вздрогнув, догадалась сестра Кеттл.

Похожее пятно имелось и на участке возле ивовой рощи, где любил рыбачить полковник.

— Я начал рисунок, — пояснил он, — уже давно. После вашего первого визита.

Она подняла глаза, и в воздухе повисла неловкая пауза.

— Дайте мне шесть месяцев, — произнес капитан Сайс, — чтобы не было сомнений. Я изменюсь. Согласны?

Сестра Кеттл не могла не согласиться.

Примечания

1

В Викторианскую эпоху такие головные уборы мужчины надевали дома во время курения, чтобы волосы не пропахли дымом.

(обратно)

2

Иниго Джонс (1573–1652) — английский архитектор, дизайнер и художник, стоявший у истоков британской архитектурной традиции.

(обратно)

3

Джон Обри (1626–1697) — английский писатель и антиквар, известный как автор занимательных биографий великих англичан и первый исследователь многих британских древностей, включая Стонхендж.

(обратно)

4

Раскладное сиденье в форме трости, которое берут с собой на спортивные состязания, рыбалку и т. п.

(обратно)

5

Поверенный в делах (фр.).

(обратно)

6

Светская женщина (фр.).

(обратно)

7

Дама полусвета (фр.).

(обратно)

8

Перевод В. Томашевского.

(обратно)

9

Деклассированная (фр.).

(обратно)

10

Убийство на почве страсти? (фр.).

(обратно)

11

Навязчивая идея (фр.).

(обратно)

12

De mortuis nil nisi bene — О мертвых дурного не говорят (лат.).

(обратно)

13

Исаак Уолтон (1593–1683) — английский писатель, наиболее известный как автор знаменитого трактата о рыбной ловле «Искусный рыболов».

(обратно)

14

Последний, смертельный, удар, которым добивают умирающего из жалости (фр.).

(обратно)

15

Зд.: разногласие (фр.).

(обратно)

16

Где, с кем, каким образом, когда (лат.).

(обратно)

17

Почему (лат.).

(обратно)

18

Кто (лат.).

(обратно)

19

Поспешай медленно (лат.).

(обратно)

20

Эдит Томпсон и Фредерик Байуотерс — британская пара, казненная за убийство Перси, мужа Томпсон. Их дело превратилось в

знаменитый судебный процесс.

(обратно)

21

Пьеса из жизни высшего общества английского драматурга
Артура Пинеро (1855–1934).

(обратно)

22

Положение обязывает; кому много дано, с того много и спросится
(фр.).

(обратно)

23

Имеется в виду стихотворение Генри Лонгфелло «Гибель
„Вечерней звезды“».

(обратно)

Оглавление

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Суивнингс

1

2

3

4

ГЛАВА ВТОРАЯ

Нанспардон

1

2

3

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Долина реки Чайн

1

2

3

4

5

6

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Нижний луг

1

2

3

ГЛАВА ПЯТАЯ

Хаммер-Фарм

1

2

3

4

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ивовая роща

1

2

3

4

5

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Уоттс-Хилл

1

2

3

4

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Джейкобс-Коттедж

1

2

3

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Чайнинг и Аплендс

1

2

3

4

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Возвращение в Суивнингс

1

2

3

4

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Между Хаммер-Фарм и Нанспардоном

1

2

3

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Эпилог

1

2

3

4